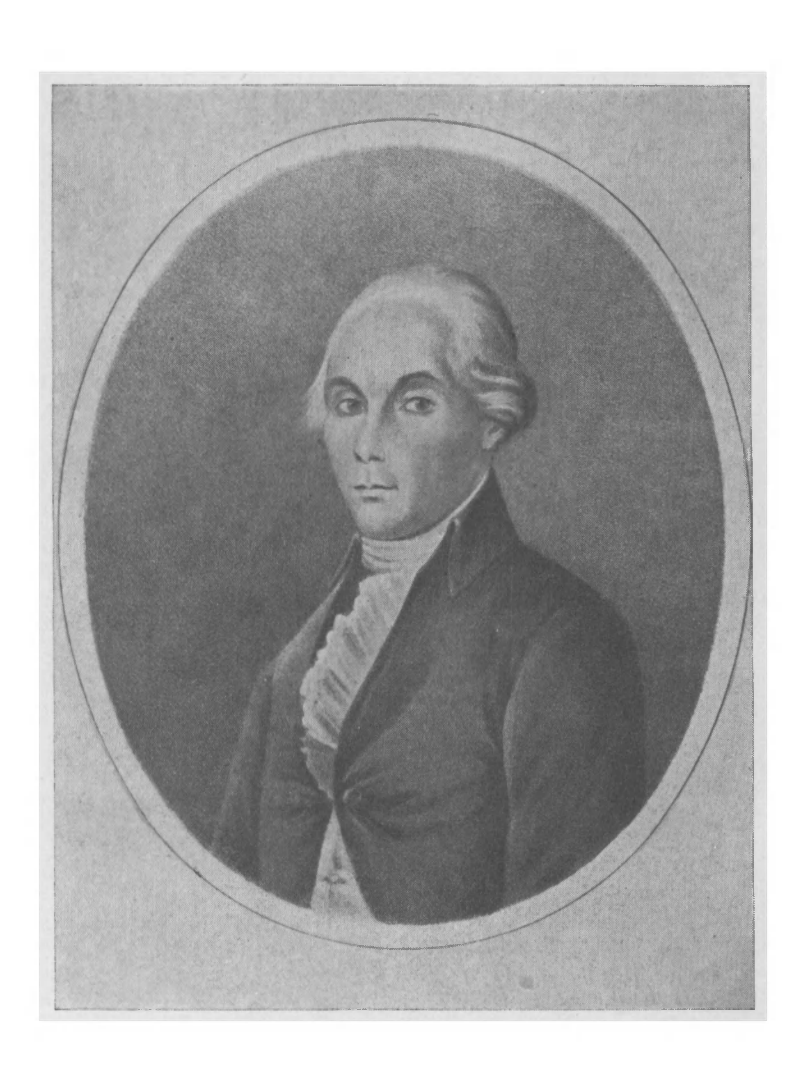
Г. МАКОГОНЕНКО

РАДИЩЕВ

Г. МАКОГОНЕНКО

А. Н. РАДИЩЕВ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1949

Обложка и титул
художника И. Николаевцева

Редактор И. Сергиевский. Техн. редактор Ф. Артемьева.
Корректоры: Л. Петрова и Л. Чиркунова.

Сдано в набор 12/VIII—49 г. Подписано к печати 20/VIII—49 г.
А 06850. Печ. л. 12 + 1 вклейка. Уч.-авт. л. 10,5. Тираж 20 000.
Заказ № 1618.

16-я типография Главполиграфиздата при Совете Министров СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.

Шел 1918 год. На пятом месяце Великой Октябрьской социалистической революции Совет народных комиссаров принял декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».

«В ознаменование великого переворота, преобразовавшего Россию,—говорилось в декрете,—особой комиссии поручается мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников, долженствующих ознаменовать великие дни Российской социалистической революции». Декрет подписали Ленин и Сталин. Приложенный список новых памятников открывался именем Радищева.

Приближался знаменательный в истории день празднования первой годовщины социалистической революции. Народы России были свободны. Они уничтожили царское самодержавие, свергли гнет помещиков и капиталистов. Но впереди были еще огромные трудности. На Россию обрушились силы иноземных интервентов и вдохновляемые ими белогвардейские банды. Республика была в опасности. Объявленные мобилизации собирали сотни тысяч патриотов советского отечества, горевших желанием сражаться за свою родину.

И вот в эти дни на страницах газет Советской республики, среди известий о героической борьбе народа, среди радостных вестей о славных победах армии Советской страны ожило и засверкало имя Радищева.

«Радищев был одним из плеяды великих людей России,—писали газеты,—который смог проникнуть в лазур-

ные дали будущего. Он предвидел революцию, верил в нее и призывал народ к борьбе за вольность. Он пророчески предсказал смерть палачей в царских мантиях от руки разгневанного народа. Теперь желания Радищева сбылись—русский народ свободен. Помня о своем великом соотечественнике, русский народ воздвигает ему сегодня памятник».

Имя Радищева прозвучало в Советской республике в горячие дни гражданской войны, как имя человека, дорогого и близкого революционному народу.

В воскресенье, 22 сентября, на Дворцовой набережной состоялось открытие памятника первому русскому революционеру. К двум часам дня возле пышной решетки Зимнего дворца собрались большие толпы народа. Здесь были рабочие, учащаяся молодежь, красные офицеры первого выпуска, представители союзов трудящихся, члены Совета, красноармейские части. Взоры всех собравшихся были устремлены в пролом дворцовой решетки. Над обломками высился памятник, закрытый ярким от солнца кумачом.

На возвышение возле памятника поднялся народный комиссар просвещения Советской республики Луначарский.

— Вы видите, товарищи: мы заставили для Радищева посторониться Зимний дворец, былое жилище царей. Вы видите: памятник поставлен в бреши, проломанной в ограде дворцового сада. Пусть эта брешь являет собою для вас знамение той двери, которую сломал народ богатырской рукой, прокладывая себе дорогу во дворцы. Памятнику первого пророка и мученика революции не стыдно будет стоять здесь, словно стражу у Зимнего дворца, ибо мы превращаем его во дворец народа.

Теперь смотрите на величественное и гордое, смелое, полное огня лицо нашего предвестника, как создал его скульптор Шервуд. В нем живет нечто смятенное, вы чувствуете, что бунт шевелится в сердце этого величаво откинувшего орлиную голову человека.

Пока мы ставим памятник временный.

Наш вождь Владимир Ильич Ленин подал нам эту мысль: «Ставьте как можно скорее, хотя бы пока в непрочном материале, возможно больше памятников великим революционерам и тем мыслителям, поэтам, которых не хотела чтить буржуазия за свободу их мысли и пря-

моту их чувства. Пусть изваяния предшественников революции послужат краеугольными камнями в здании трудовой социалистической культуры».

Товарищи! Пусть искра великого огня, который горел в сердце Радищева и отсвет которого ярко освещает вдохновенное лицо его, упадет в сердце каждому из вас, присутствующих на этом открытии, и в сердце всех тех многочисленных прохожих, которые в этом людном месте Петербурга остановятся перед бюстом и на минуту задумаются перед доблестным предком...

I

Александр Николаевич Радищев родился 31 августа н. с. 1749 года в отцовском имении Верхнее Аблязово Саратовского наместничества Кузнецкого уезда (ныне Пензенской области). В кругу родной семьи Радищев провел только первые семь лет своей жизни, затем был отправлен учиться сначала в Москву, потом в Петербург и, наконец, в Лейпциг.

«Начальное образование души» падает на период пребывания в Верхнем Аблязове. Отец—Николай Афанасьевич,—человек образованный, начитанный, знавший три или четыре иностранных языка, был рачительным хозяином. Полученное наследство он успешно умножал, обеспечивая большой семье богатый достаток. Занятый больше имением, нежели детьми, Николай Афанасьевич ограничивал воспитание своих двух старших сыновей—Моисея и Александра—преподаванием «учения любомудрия своим примером». В праздничные дни, когда, свободный от хозяйственных забот, Николай Афанасьевич водил мальчиков гулять по богатым своим полям, по воскресеньям, когда благочестивая, верующая семья проводила досуг дома, преподавались бесхитростные моральные правила. Уже в эту пору перед мальчиком открывалась еще непонятная ему, но поражавшая воображение картина «неравенства крестьянского состояния». Верхне-аблязовские крестьяне, многочисленные дворовые, с которыми мальчик проводил целые дни, жили в скудости, трепетали перед его отцом—справедливым, по понятиям того времени, но строгим и взыскательным хозяином, не спускавшим за малейшую провинность. Рожденный с «чув-

ствительным сердцем» мальчик остро воспринял первые впечатления жизни, искренне привязавшись к тем двум крепостным, которые волею отца были приставлены к нему с самой колыбели: нянюшке Прасковье Клементьевне и дядьке Петру Мамонтову, который запомнился больше по прозвищу Сума.

Дни принадлежали Суме, вечера—Прасковье Клементьевне. Дядька наставлял мальчика, водил вместе с деревенскими ребятами в лес по грибы да ягоды,—а леса в тех местах да в ту пору были густые, непроходимые, скрывавшие множество дел и похождений «понизовой вольницы», удалых и смелых молодцов, «гулявших» по Волге и уходивших прятаться в эти глухие места. Сума был и рассказчиком всяческих былей об удалых вольных молодцах, и учителем, который открыл мальчику грамоту, научив читать и писать, толкуя первые прочитанные книги—Часослов и Псалтырь. Прасковья Клементьевна по вечерам обхаживала набегавшегося, усталого мальчика, рассказывала сказки, напевала песни, всегда мягкие, грустные, трогавшие чувствительного ребенка, западавшие в сердце и бережно хранившиеся там. Их-то—нянюшку и дядьку—и научился прежде всего любить Радищев, сохранив о них благодарную память на всю жизнь. Через много, много лет, после тяжелых испытаний, тревог и волнений, возвращаясь мысленно к далекому детству и короткой поре жизни в деревне у родителей, он в своих сочинениях с нежностью и любовью вспоминает и Прасковью Клементьевну и Петра Мамонтова.

Дальнейшее воспитание должно было сложиться по обычаю дворянских семей того времени—приглашался француз, которому поручали детей. Завезен был француз и в Верхнее Аблязово. Но он оказался—также в согласии с традицией—невежественным, неграмотным беглым солдатом, которого пришлось выгнать. Должно было искать нового, более подходящего учителя-француза. Но дело неожиданно повернулось иначе. В Москве 23 апреля 1755 года в торжественной обстановке открыли первый русский университет. Перед дворянством, желавшим дать своим детям хорошее образование, открылась новая отличная возможность. И ею спешили воспользоваться многие—в Москву повезли мальчиков и юношей для поступления в университет и гимназию при нем.

До Верхнего Аблязова весть об университете дошла позднее. Любя действовать расчетливо и наверняка, Николай Афанасьевич списался с московским родственником Михаилом Аргамаковым. Известие от него пришло более чем благоприятное: университет солидный и серьезный, сына можно вполне доверить университетским педагогам, тем более что один из обширной семьи Аргамаковых—Алексей Михайлович—был назначен директором.

Так семилетний Радищев попал в Москву. Состоятельный Николай Афанасьевич не пожелал отдавать сына в пансион и оставил его жить у своего родственника Аргамакова. Дети же Аргамакова не ходили в классы, а занимались с преподавателями и профессорами университета и гимназии дома. С ними-то и учился Радищев.

Учреждение Московского университета было большим и важным событием в русской культурной жизни. Дело в том, что после петровской эпохи, определившей мощный расцвет культуры и просвещения, преемники Петра отступили от начатого большого дела, предав забвению русское просвещение. Открытые Петром школы были почти все закрыты или, не имея поддержки правительства, влачили жалкое существование и все более и более хирели.

К пятидесятым годам сложилась печальная картина: русское самодержавие окончательно и навсегда порвало с просветительской традицией Петра I, проявляя инициативу лишь в деле поощрения гибельного для России вторжения иностранцев. Усилиями монархии, высшего дворянства делалось все, чтобы отнять у России право на свою национальную культуру, у народа—право на активное творческое участие в ее строительстве.

Между тем ход исторического развития все настойчивее выдвигал перед Россией задачу построения своего национально-самобытного просвещения. Понимая и чувствуя эту историческую потребность, Ломоносов писал: «Россия распространилась широко по вселенной, прославясь победами, доказавшими преимущества в храбрости, и самым высокомысленным супостатам поставила свои пределы в безопасности и, привлекши к себе прилежное внимание окрестных народов, яко важнейший член во всей европейской системе, требует величеству и могуществу своему пристойного и равномерного великолепия в науках и художествах».

Кто же в самодержавном государстве должен был принять на себя исполнение этого общенационального дела?

История складывалась так, что вести борьбу за построение национальной русской культуры пришлось молодым русским ученым—академикам, видным русским просветителям—разночинцам Ломоносову и Тредиаковскому. Штабом этой предпринятой ими борьбы они сделали Академию. В ее стенах, на ее базе начата была гигантская работа.

Во всех областях предстояла грандиозная работа. В области педагогической следовало начинать с подготовки русских ученых и учителей. Ближайшие годы, как уже говорилось, дали результат. Из стен Академии вышли первые деятели в области просвещения, культуры, литературы, искусства. В области языка необходимо было провести ряд реформ, общий смысл которых сводился к ограждению его от вторжения иностранщины и церковного влияния. Поэтому создаются «Риторика», «Грамматика», «теория трех штилей» и т. д. В области стиха необходимо было освободиться от чужеземной силлабики и дать поэзии стихосложение, соответствующее строю и духу русского языка, учитывающее все его богатство, все его возможности. Литературу необходимо было связать с русской действительностью, заставить служить ее общественным и гражданским целям, благу родины.

Вся эта поистине грандиозная работа первых русских просветителей и ученых пронизана национальной идеей. Именно в атмосфере этих просветительских работ по созданию национально-самобытной литературы, науки, прикладных искусств и родилась мысль о первом русском университете, руководимом русскими деятелями, русскими учеными.

В открывшемся университете началось обучение по программе, которая должна была подготовить новое поколение деятелей русской культуры, «национальных достойных людей в науках». Если в последующем университет в основном выпускал дворянских идеологов и угодливых царских чиновников, то стоит отметить тот факт, что из числа первых учеников, пришедших в университет в год открытия, вышла замечательная плеяда ученых, писателей и философов второй половины XVIII века. Среди

них первое место занимают Фонвизин, Новиков, Аничков, Десницкий.

Радищев лишь формально не состоял в университетской гимназии, но воспитывался именно в этой, созданной Ломоносовым, атмосфере. Занятия с преподавателями гимназии и университета по общей программе, разбор на уроках словесности сочинений русских авторов—Ломоносова и Сумарокова в первую очередь, чтение газеты «Московские ведомости», а затем выходящего с 1760 года университетского журнала «Полезное увеселение», где печатались не только известные русские поэты, как Сумароков и Херасков, как молодые литераторы Богданович и Майков, но и студенты и гимназисты, публиковавшие свои первые поэтические опыты; посещение единственной в Москве книжной лавки при университете; несомненное присутствие на публичных экзаменах и диспутах гимназистов и студентов—все это включало Радищева в общую жизнь учащейся молодежи. И то, что Радищев жил не с родителями, что был свободен от обычной мелочной опеки, что был самостоятелен и в поступках, и в выборе книг и товарищей,—все это помогало ему, общительному по натуре, сходиться со сверстниками, избирать то, что хотелось, удовлетворять запросы «чувствительного сердца»—главного, по мысли зрелого Радищева, образователя человеческого характера.

Но жизнь мальчика, а затем юноши, не ограничивалась лишь учебными занятиями, общением с университетской молодежью и чтением книг. Наступали годы бурных политических событий—они властно вторглись не только в жизнь дворянского общества в целом, но и в жизнь семьи Аргамаковых, в жизнь Радищева, определив его судьбу. В 1761 году умерла Елизавета. На престол вступил новый монарх—Петр III. Дух недовольства его политикой охватил не только столичное, но и московское образованное общество. Дошли и в Москву слухи о растущем в Петербурге дворянском возмущении, об оппозиции, сгруппировавшейся вокруг жены нового императора—Екатерины Алексеевны. За слухами пришли известия: Петр III стараниями недовольных гвардейцев скоропостижно скончался «от геморoидальных колик» и на престол взошел новый монарх, но не законный наследник, сын Петра—Павел, а жена Петра—Екатерина. Прибывший в Москву манифест новой императрицы

читался в церквах. Радищев вместе со всеми Аргамаковыми—молодыми и взрослыми—слушал его.

Все в этом манифесте было необычным, достойным удивления и интереса: утверждение новых принципов власти и заискивание перед народом, оправдания и обещания и, главное, неслыханное дотоле обличение самодержавства Петра III. «Самовластительный государь Петр III,—говорилось в манифесте,—ненавистью к отечеству, презрением к православию, старанием отечество в чужие руки отдать», «развращением всего того, что великий в свете монарх» (Петр Великий.—*Г. М.*) «в России установил», прихотью самовластия «законы в государстве все пренебрег, судейские места и дела презрел», открытием «кровопролитной» и «государству Российскому крайне бесполезной» войны возбудил «неудовольствие народное», довел «все отечество» до того, что оно «к мятежу неминуемому» стало «наклоняться».

Обличая самодержавие Петра III, новая монархиня объявляла и свое дотоле неслыханное определение природы самодержавия, исключавшее «необузданное самовластие». Самовластие, необузданное добрыми и человеколюбивыми качествами, «в государе, царствующем самодержавно, есть такое зло, которое многим пагубным следствиям непосредственною бывает причиною». Кончался же манифест почти прямым обещанием реформ.

Манифест этот был победой дворянской общественности; власть вынуждена была оправдываться, обещать, итти навстречу предъявляемым требованиям—ограничения самодержавия «фундаментальными законами», необходимости судебных реформ, упорядочения отношений между помещиком и крестьянином.

13 сентября 1762 года в Москве состоялась коронация. За коронацией последовали двухгодичные торжества и праздники. В начале их, 15 ноября 1762 года, Екатерина издала указ об определении в пажи «исключительно детей дворянских достоинств». В число сорока пажей, которым положено было находиться при Екатерине и наследнике Павле, был определен и Радищев, представленный директором университета Аргамаковым среди прочих отлично образованных юношей. Так круто изменилась судьба Радищева—он должен был покинуть занятия, друзей и перейти на придворную службу. Первые пол-

тора года прошли в Москве, в празднествах. Екатерина проводила их небывало пышно и щедро, с открытой целью—снискать себе популярность, завоевать доверие широких кругов дворянства.

В 1764 году большой двор Екатерины II отбыл в Петербург. Для Радищева, последовавшего в столицу, начинался новый, петербургский период жизни.

На берегу Невы, против угрюмой каменной громады Петропавловской крепости, среди множества одноэтажных домов, огороженных ветхими заборами, одиноко возвышался, сверкая свежими красками, Зимний дворец, только что законченный архитектором Растрелли. Это была новая резиденция русских царей. А рядом, возле стен великолепного здания, у самого устья Зимней канавки, ютился ветхий, полуразрушенный дом. Это доживала свои последние дни много раз перестраивавшаяся петровская хоромина. В новом дворце жила императрица Екатерина II, в старом—помещался Пажеский ее величества корпус.

Несколько десятков юношей знатного дворянского происхождения были собраны в этот ветхий дом для обучения и несения придворной службы.

Десяток случайных и бессистемно подобранных предметов составляли науку, которой обучались пажи. Иностранные языки—французский и немецкий, артиллерия, география и фортификация, механика и танцы, алгебра и фехтование, геральдика—особо важная наука для пажей о гербах и титулах русских дворян—и верховая езда, история дворянских домов в России и «наука составления коротких комплиментов по вкусу придворному учрежденных». Это называлось изучением наук. Это составляло попечение о «даре духа» пажа.

Преподавать все эти предметы доверили единственному учителю корпуса французу Морамберту. Невежда-учитель был высочайшим указом признан годным для этой должности.

Розги, карцер не были забыты и толковались как средство попечения о «даре нрава» пажа, как средство «неогорчительного» воспитания юноши.

Унизительные дежурства через сутки в Зимнем дворце, при «особах» императорской фамилии, составляли практическую деятельность пажа. Быть на посылках, ловко подавать упавший платок, составлять экстракты

пьесам, игравшимся в Эрмитажном театре, говорить во-время изящные комплименты, дежурить у стола— подавать приносимые лакеями кушанья, проявлять ловкость, услужливость, послушание—вот чего требовала от пажа эта деятельность.

Быть придворным, приближенным ко двору сановником—таково будущее пажа, к которому готовил корпус.

Несмотря на такой режим, годы пребывания в Петербурге—важнейшие в жизни Радищева. Понятно, не науки Морамберта, не дворцовые дежурства формировали его характер и убеждения. В столице Радищев проживал с 1764 по 1766 год, то есть когда ему было пятнадцать—семнадцать лет. Развиваясь в этот юношеский период с привычной самостоятельностью, он естественно находился под большим влиянием общих политических событий и обстоятельств. Недаром Алексей Кутузов, друг Радищева, с которым он впервые познакомился в Пажеском корпусе, говорил о нем, что «он человек необыкновенных свойств», увлекавшийся политикой и делавший всегда «множество политических примечаний».

Екатерининское царствование характерно небывалым обострением классовых противоречий между дворянством и крестьянством. Уже само вступление Екатерины на престол происходило в зареве многочисленных восстаний. По ее собственному свидетельству, более полутораста тысяч крестьян бунтовало в 1762 году. «Страдающая вокруг жизнь» (Герцен), с самой ранней юности обступив Радищева, привлекала его внимание, заставляла задумываться над коренными вопросами социального бытия миллионов обездоленных хлебопашцев, над судьбой своей родины.

В 60-е годы крестьянский вопрос стал главным и решающим во всей политической жизни России. Вот почему начало царствования Екатерины знаменуется обсуждением в правительственных кругах положения крестьян, подачей и разработкой проектов «устройства» русских хлебопашцев. В 1766 году Екатерина вынуждена сама заняться «больным» вопросом, устраивая конкурс на решения проблемы — могут ли крепостные владеть собственностью. Крестьянский вопрос вопреки стараниям правительства будет поднят демократическими депутатами в Комиссии по составлению нового уложения и получит, таким образом, всеобщую огласку. Именно поэтому

сразу после закрытия Комиссии положение крепостного мужика станет обсуждаться на страницах журналов («Трутень» Новикова в первую очередь), крестьянская тема станет надолго в центре внимания литературы. Готовящиеся выступить на историческую арену русские просветители—Козельский и Новиков—не могли не отразить в своих воззрениях и в своей деятельности центральной проблемы эпохи, самых коренных интересов угнетенных масс, не могли не протестовать против рабства и возрастающей «тяжести порабощения».

Появление оформившейся дворянской общественности было исторически новым явлением в русской жизни, с которым пришлось столкнуться вступившей на престол Екатерине II. Более того, приходилось считаться с деятелями оппозиции, делать уступки, ибо отлично было известно, что́ в конечном счете стоит за ними, за их требованиями ограничения рабства, самодержавия, упорядочения законодательства и т. д. С первого же дня царствования Екатерина ожидала, как она выражалась, «беды». В одном из писем к обер-прокурору Вяземскому она писала: «Всякая малость может привести крестьян в отчаяние. Прошу быть весьма осторожну, дабы не ускорить и без того довольно грозящую беду, ибо если мы не согласимся на уменьшение жестокостей и умерение человеческому роду нетерпимого положения, то против нашей воли оную возьмут рано или поздно».

Не желая ничего уступить из своей власти, покровительствуя крепостникам и вместе с тем боясь мужика, Екатерина начинает свое царствование с либеральных обещаний, с лживых заверений изменить и упорядочить законодательство, с демонстративного увлечения сочинениями энциклопедистов, с поощрения русского помещичьего «вольтерьянства». Так стал осуществляться план показного, внешнего просветительства, долженствовавшего, по мысли Екатерины, убедить недовольных в искренности ее обещаний. Пушкин с гневом писал об этом: «Со временем история оценит влияние ее царствования на нравы, откроет жестокую деятельность ее деспотизма под личиной кротости и терпимости, народ, угнетенный наместниками, казну, расхищенную любовниками, покажет важные ошибки ее в политической экономии, ничтожность в законодательстве, отвратительное фиглярство в сношениях с философами ее столетия—и тогда голос

обольщенного Вольтера не избавит ее славной памяти от проклятия России».

Так во дворце на глазах Радищева завязывался узел гнусной политики, показной игры в либерализм. Более того, в эту политику вовлекались идеологи французского третьего сословия во главе с Дидро и Вольтером. Радищев юношей попадает в самый центр этих событий. Через несколько лет он окажется одним из деятелей, который активно выступит против этой лицемерной, блудливой политики.

К середине XVIII века во Франции сложилось мощное движение буржуазного просвещения. «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции»[1], и, в частности, Вольтер, Дидро, Руссо, Гольбах, Даламбер и другие были общепризнанными авторитетами среди тех, кто вел борьбу с феодализмом. Видя, что в 60-е годы идеи просвещения, естественно, находили довольно широкий отклик и в умах многих передовых деятелей русской дворянской культуры, Екатерина решает вырвать инициативу из рук общества, взять дело в свои руки, установить контроль над крамольными книгами и «опасными» авторами, пропускать в Россию лишь то, что могло оказаться нужным ее политике. Так началась борьба Екатерины за подчинение европейского и русского общественного мнения, борьба, продолжавшаяся более двух десятков лет, принесшая ей лавры победительницы над корифеями французского буржуазного просвещения и непрерывные, следовавшие одно за другим, поражения у себя внутри страны.

Бесспорно, отношения Екатерины с энциклопедистами имеют свою довольно сложную историю, полную противоречий, богатую свидетельствами обоюдного влияния сторон. Но несомненным является и тот факт, что активной стороной в этих отношениях была русская императрица, что она определяла их тон и характер: не просветители русскую императрицу, а русская императрица просветителей сделала орудием своей политики, своими защитниками, своими трубадурами.

Как это могло произойти? Только ли тут дело в политическом лицемерии Екатерины? Несомненно, секрет успеха ложно-просветительской политики Екатерины

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 357.

должно искать и в характере политических взглядов самих просветителей. Привлекло Екатерину во французском буржуазном просвещении социально-политическое учение энциклопедистов. Философы и писатели—одни радикальные, другие революционные в вопросах философии, религии, в учении о природе,—смело вызывавшие всю окружающую и ненавистную им феодальную действительность на суд разума, неистово штурмовавшие небо, провозглашавшие принципы свободы, оказывались беспомощными, когда переходили к вопросам социальным, вопросам истории, к объяснению причин политического переустройства государства и общественных отношений. Идеализм в познании общественной жизни, буржуазная ограниченность, рождавшая страх перед народной революцией,—вот что в конечном счете определило формирование политической концепции просветителей; отсюда их мечты об идеальном просвещенном монархе, который применит просветительское учение в своей законодательной практике и облагодетельствует тем самым человечество, терпеливо и покорно ожидающее прихода этого избранника.

Действительно, для Вольтера именно просвещенный абсолютизм представлялся желанной формой государственного устройства, а философ мыслился им прежде всего как советчик при монархе, как вдохновитель мудрых законов, преобразующих общественный порядок.

В счастливый случай, дарующий народу «просвещенного монарха», верил Гольбах. «Велением судьбы,—писал он,—на троне могут оказаться просвещенные, справедливые, мужественные, добродетельные монархи, которые, познав истинную причину человеческих бедствий, попытаются исцелить их по указаниям мудрости».

В радикальнейшей материалистической книге эпохи—трактате Гельвеция «О человеке»—выражается все та же надежда на приход великого законодателя, «благодетеля человеческого рода», жаждущего действовать по скрижалям философа.

Дидро разделял эту веру Гельвеция. Больше того, он счел себя обязанным поддержать ее в своих «Опровержениях к книге Гельвеция «Человек», а это «Опровержение» писалось им в Гааге в знаменательный момент его жизни. Как известно, в Гааге он был проездом из Петербурга,

куда летал на крыльях все той же веры. Возвращался он, не утратив надежд, что в лице Екатерины, может быть, и нашелся этот долгожданный избранник философов. Видимо, подогретый личным общением с «просвещенной» северной Семирамидой, он в ответ на сомнение Гельвеция, придет ли этот мудрый законодатель, с жаром восклицал: «Он придет, он придет когда-нибудь, тот справедливый, просвещенный, сильный человек, которого вы ждете, потому что время приносит с собою все, что возможно, а такой человек возможен».

Такие убеждения порождали соответственную тактику. «Проводить свои цели при дворе, осуществлять их при помощи государей—такая тактика характеризует определенную историческую и довольно продолжительную фазу развития буржуазного просвещения. Государи и их дворы остаются всегда для этого просвещения только средствами для осуществления их целей»[1].

Именно на этой теоретической основе просвещения и построила Екатерина свою политику овладения европейским общественным мнением. Сознание, что все эти страшные вольнодумцы в сущности сторонники монархии, проповедующие мирный путь к общественному благу, и определило политику Екатерины в отношении просветительства, определило ее ведущую роль в возникших личных отношениях с энциклопедистами, сделало ее изобретательной и дерзкой во всех затеваемых демонстративных действиях.

Вступив на престол в достаточной мере начитанной в просветительской литературе ее времени, она сразу начала действовать смело и широко. В первый же год она спешит установить личные взаимоотношения со всеми крупными философами той поры, открыто провозглашая себя их ученицей и последовательницей. Все просветители жаждали быть советчиками при государе. Вступив в переписку с Вольтером, Даламбером, Дидро и Гриммом, Екатерина делает демагогический жест и приглашает их в Россию, приглашает ко двору, обещая приблизить к себе, изъявляет желание отдать своего сына, будущего императора, на воспитание к любому из них.

---

[1] Ф. Меринг. Литературно-критические статьи, т. 1, М.—Л., 1934, стр. 741.

Наблюдая преследования энциклопедистов во Франции, она, ловко используя положение, изъявляет готовность предоставить возможности для продолжения крамольного издания «Энциклопедии» у себя, в России. Узнав об одолевавшей Дидро нужде, она не пропускает случая продемонстрировать свою щедрость и находит благовидный предлог, чтобы пожертвовать такую крупную сумму, которая уже свидетельствовала бы о поддержке не только философа, но и его великого труда.

С понятным волнением следила «республика философов» за этими действиями. В самом деле, веря в принцип просвещенной монархии, все эти люди отлично знали, что реальная жизнь, фактическая история не балует человечество подобными случаями. Поэтому Дидро, выражая общее настроение, писал: «Философ знает: сменится пятьдесят королей, прежде чем он дождется такого, который воспользуется его трудом». И вдруг эта обманувшая их щедрость Екатерины, это смирение, это настойчивое требование, чтобы ею руководили, чтобы ей помогали, чтобы ей давали советы!

Вольтер спешит поделиться этой радостью с Дидро: «Ну, вот, прославленный философ, что скажете вы о русской императрице? В какое время живем мы! Франция преследует философию, скифы ей покровительствуют...» Он же торжественно сообщает Екатерине о признании ее «республикой философов»: «Всякая черта вашей руки есть памятник славы вашей. Дидерот, Даламбер и я созидаем вам алтари». Через два месяца это заявление подтверждается с новой силой. «Ученые мужи будут еще при жизни вашей боготворить вас». Еще через месяц: «Полагая себя в числе имеющих рассудок, умру, признавая себя в душе моей подданным вашего императорского величества, благодетельницы рода человеческого».

Следом за Вольтером Екатерину приветствовали Даламбер и Дидро.

Так ответили просветители на первые действия Екатерины. С годами этот энтузиазм не проходил. Данное Вольтером слово создавать общими усилиями «алтарь» Екатерине было сдержано с пылом, заслуживавшим лучшего применения.

Идя навстречу дворянской оппозиции и побаиваясь мужицкого бунта, Екатерина затевает созыв Комиссии по составлению нового Уложения. Комиссия была со-

здана в 1767 году. Подготовка к ней началась за несколько лет, и главным в этой подготовке было создание европейского авторитета «мудрому» начинанию монарха. Началось все с письменного уведомления философов. Затем, на протяжении нескольких лет, они держались в курсе всех подготовительных дел. Для определения задач и содержания работы законодательной Комиссии она, Екатерина, пишет Наказ. Пропитанный весь духом просветительской философии, демагогически использующий дорогую сердцу философов фразеологию, он к тому же наполовину был просто списан с книг их единомышленников,—Монтескье в первую очередь. И тот факт, что Екатерина, не стесняясь, вписывала в с в о й Наказ целые страницы из книги Монтескье «Дух законов», был особенно важен, особенно знаменателен и для Вольтера, и для Дидро, и для Даламбера: это, как им казалось, значило, что русская императрица о т к р ы т о признавала свое желание практически осуществлять в форме законодательства заветнейшие идеалы философов.

Как только Вольтер, Дидро и Даламбер узнали о начале работ Комиссии, они начали неустанно давать советы Екатерине, свято веруя, что именно их совета и ожидала русская императрица.

Больше того, они сами хотят прибыть в Петербург, чтобы принять личное участие в составлении законодательства для России.

Оппозиционная русская общественность, имевшая тенденцию противопоставлять себя правительству, по мысли Екатерины, при помощи доктрины просвещенного абсолютизма, могла быть приручена, приведена к повиновению, приучена (при содействии европейских авторитетов) видеть в царице действительного духовного «вождя нации», того законодателя, чьей рукой водит сама мудрость.

Вот в этой атмосфере «тартюфовской», по словам Пушкина, политики и жил Радищев в петербургские годы. И опять в связи с большими политическими событиями круто изменилась его судьба.

По велению Екатерины, лучшие из пажей должны были спешно отправляться в Лейпцигский университет для получения юридического образования, с тем чтобы по возвращении немедленно включиться в огромное предприятие—составление новых законов, упорядочение ста-

рых сводов, наблюдение за их исполнением. Радищев оказался среди этих лучших—образованных, серьезных, увлеченных идеей служения отечеству юношей.

В сентябре 1766 года Радищев вместе с другими пажами отбыл из Петербурга.

II

В Лейпциге Радищев пробыл 5 лет—с 1766 по 1771. Из Петербурга уехал восторженный юноша. В Россию вернулся гражданин и мыслитель. Сам Радищев считал эту пору жизни важнейшим этапом в формировании своего характера и своих убеждений. Именно поэтому он счел необходимым рассказать своим согражданам, что и как воспитывало его. Свой замысел он исполнил в книге «Житие Федора Васильевича Ушакова». Это сочинение служит для нас основополагающим документом в определении истоков мировоззрения Радищева. Приступая к этой поре жизни Радищева, мы, выражаясь его словами, покидаем область «гадательного» и вступаем «на путь истины».

В Лейпциг Радищев вместе с другими молодыми людьми был отправлен для обучения на юридическом факультете университета. Предстояло в соответствии с инструкцией, написанной Екатериной, «обучаться латинскому, немецкому, французскому и, если возможно, славянскому языкам... моральной философии, истории, и наипаче праву естественному и всенародному, и несколько и Римской империи праву». Истомленные «наставлениями» неуча Морамберта, бывшие пажи жадно принялись за науку. Радищев занимался не только по юридическому факультету, но, действуя «по собственному произволению», изучал литературу, естественные науки, посещал лекции на медицинском факультете. Университет мог дать некоторые знания, и их отлично усваивал Радищев, но университет не мог воспитать юношество. Дух рутины, схоластики, оторванность от жизни, религиозное ханжество и апологетика монархического строя—вот что характерно было для немецкой университетской науки и университетских профессоров того времени. Лишь лекции молодого профессора Платнера, читавшего философию, да старика поэта Геллерта, учившего морали, вызывали сочувствие Радищева и его товарищей. Дух

самостоятельности и критицизма характеризует отношение русских студентов к университету. Так, после знакомства с первыми лекциями схоласта и консерватора профессора Беме, Радищев вместе с другими товарищами категорически отказался слушать этот курс. Характерно при этом их смелое заявление, что они этим лекциям предпочитают книгу радикального французского мыслителя Мабли.

По оценке Радищева, университет дал ему лишь некоторую сумму фактических знаний, помог овладеть в совершенстве несколькими иностранными языками. Но, заявлял он, «хотя разум и обрел много понятий», это еще не главное. Нужно прежде всего «устроить их в порядок».

Что же воспитывает человека? Что «соделывает» из чувствительного человека гражданина? Что определяет его «чувствования», его убеждения? В своей книге «Житие Ушакова» Радищев заявляет: человека воспитывает жизнь, обстоятельства делают гражданина. Именно «воспитание жизнью» и было самым главным для Радищева в период его пребывания в Лейпциге.

Что же это была за жизнь? Отправляя в Лейпциг двенадцать юношей, Екатерина написала инструкцию обучения, определив правила их жизни и поведения, назначив управителей. Все двенадцать студентов были отданы под единодержавную власть гофмейстера майора Бокума. Для опеки над «духом» был дан иеромонах отец Павел. Так восторженные юноши превратились в подчиненных своего жадного до денег, глупого, самодовольного и невежественного начальника. Сразу и вдруг они лишились всех прав. Теперь они обязаны были жить в специально отведенном для них доме, по-двое в маленьких грязных сырых комнатах, жить под вечным надзором, обязаны носить казенное обмундирование, при этом носить долго, даже когда оно становилось ветхим, обязаны слушать проповеди глупого иеромонаха Павла, человека крайне смешливого, начинавшего хохотать во время богослужения, если кто-нибудь из студентов показывал ему палец.

Но каждый день такой новой жизни преподавал юношам, бывшим пажам, «деятельное нравоучение». Они видели, как поступки Бокума становились из месяца в месяц, из года в год все наглее, все циничнее, все откровеннее в своей корысти. Они видели, как их обкрады-

вали, и возмущались, что их кормили тухлой пищей. Они понимали, что им не дают положенных им новых мундиров и шинелей, так как деньги идут в карман Бокума; они мерзли по зимам, болели, так как Бокум предпочитал лучше брать деньги себе, чем отапливать комнаты студентов. Они на каждом шагу, ежедневно были оскорбляемы именно за попытки выступить со справедливыми требованиями или просьбами.

Обстоятельства делают человека, говорит Радищев. Обстоятельства тиранического управления Бокума вызвали негодование, которое изо дня в день стало расти, превращаясь в протест. Ничто, по словам Радищева, «толико не сопрягает людей, как несчастие. Сия истина подкрепляется и нашим примером. Худые с нами поступки нашего гофмейстера сделали нас единомысленными». Изучение книг о естественном праве, знакомство с формами государственного управления подкреплялось у русских студентов опытом жизни в своей колонии под началом Бокума. Становилось ясным, что их «мучитель» поступал с ними так не по причине дурного своего характера, а в силу данной ему власти, сделавшей его во всем подобным «правителям народов», «самовластным государям». Но кто же наделил его такой властью? Чьим наместником был Бокум в русской колонии студентов?—Несомненно, русской императрицы Екатерины II. Низведенные на положение безгласных подданных, Радищев и его друзья на собственном примере познали, что значит на деле необузданный произвол владык. Уехав из России, они были настигнуты самодержавием. Вот именно эта жизнь под пятой самовластного начальника и воспитывала в Радищеве дух протеста против тирании и деспотизма.

Чем сильнее и наглее были притеснения Бокума, тем неодолимее росло чувство негодования, тем тверже становилась воля. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений,—пишет Радищев об этой поре жизни.—Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности». Радищев, вместе с другими студентами доведенный до крайности, поднялся на бунт. Душой этого заговора был его старший товарищ Федор Ушаков. Он первым, раньше других, восстал на «всесилие» Бокума, смело

противореча ему и требуя к себе и к товарищам справедливости. Ненавистник рабства, свободолюбец и гражданин-человек большого самобытного ума и таланта, твердой воли и непреклонного мужества, он ходом событий был поставлен во главе русской колонии, сделавшись по праву ее руководителем. Бунт студентов против Бокума дал результаты. И хотя Бокум сначала пытался, используя власть, жестоко расправиться с бунтовщиками, предав их военному суду, посадив предварительно в карцер под стражу, но, действуя «неутомимо», студенты добились вмешательства посла Белосельского, который встал на их сторону. Выигрыш был не только в том, что улучшились условия материального существования. Победа учила: насилию, неправде, самодержавному гнету надо противиться. Только в сопротивлении, в мятеже, человек, живущий под игом деспотической власти, может сохранить себя как личность, отстоять свою свободу и достоинство. Вот почему для Радищева бунт против Бокума «одна из знаменитейших эпох жизни».

Как видим, живя в Лейпциге, Радищев и его друзья испытывали на себе политику русского самодержавства. Но родина оборачивалась в Лейпциге не только полицейским режимом Бокума. Россия оппозиционная по отношению к самодержавию—Россия Козельского и Новикова неотступно следовала за ними, беспрестанно стучалась в их жилье, проникая через установленные Екатериной преграды. Уехав из Петербурга, когда решен был созыв Комиссии по составлению нового Уложения, Радищев и Ушаков с нетерпением ждали начала ее работы. И вот 31 июля 1767 года в Москве открылись заседания Комиссии. Газеты «Московские ведомости» и «Санкт-Петербургские ведомости» были заполнены подробными отчетами о заседаниях Большого собрания, о выступлении депутатов, о возникавших страстных спорах по кардинальным вопросам русской жизни и крестьянскому прежде всего. Несомненно, важнейшим моментом работы Комиссии было присутствие в ней 112 депутатов от крестьян.

Все они привезли с собой наказы избирателей, которые наполнены были скорбным перечнем нужд и забот. И, главное, они приехали сюда с намерением заняться составлением таких законов, которые бы покончили дело с «отягощением» и утвердили начала справедливости

для всех сословий. Об этом боевом духе демократически настроенных депутатов, совершенно не приходивших «в некоторый род восторга» от мудрости самодержицы, отлично свидетельствует сын маршала Комиссии Бибиков: «Некоторые из них (депутаты.—*Г. М.*), увлеченные вольнодумием, ухищрялись предписывать законы верховной власти, другие предлагали уничтожить рабство».

Первые же заседания определили лидеров разных социальных группировок, с которыми соглашались представляемые ими группы депутатов, выражая свое согласие подачей мнений или, как тогда говорили, письменных «голосов» в защиту или против выдвинутой оратором точки зрения.

Демократический лагерь выдвинул целую группу политических деятелей, доселе никому неведомых, прекрасных ораторов, умевших настойчиво и принципиально защищать свои мысли и подавать «примечания». Этими деятелями были: крестьянин Чупров, казак Олейников, пахотные солдаты Жеребцов и Селиванов, однодворец Маслов и ряд других. К этому демократическому лагерю присоединялись: дворянин Григорий Коробьин, философ-просветитель Яков Козельский, депутат города Дерпта ученый Урсинус.

Во время прений стало ясно, что опрометчиво собранная Комиссия превратилась в своего рода съезд, в идейный центр русской демократической мысли, своими работами свидетельствовавший перед всем светом, что есть в России не зависимая от правительства, противостоящая сословной дворянской идеологии, демократическая общественность.

Демократически настроенные депутаты были предупреждены: «своевольством» не заниматься, об освобождении крестьян речей не заводить, а более и лучше всего «проявлять верность и любовь к государю». Становилось ясным, что о каких-либо радикальных реформах нечего было и думать. Но вместе с тем Комиссия представляла неслыханно богатые легальные возможности постановки важнейших общественно-политических проблем. Вот почему, используя эти легальные возможности, представители демократического крыла Комиссии и выдвинули крестьянскую проблему, хотя при обсуждении ее, скованные все той же легальностью, ставили

вопрос не об освобождении, а лишь об улучшении положения крестьян.

Видимо, учитывая это обстоятельство, Григорий Коробьин и поставил перед Большим собранием вопрос о необходимости улучшения положения крестьян, требуя вмешательства власти в отношения крепостных и помещиков, ограничения прав дворянина на труд и собственность земледельца. Необходимость этой защиты прав крепостного Коробьин доказывал тем, что взывал к чувствам депутатов, рисовал бедствия «питателя» в руках жестоких дворян, постоянно призывал на помощь человеколюбие. Обстановка складывалась так, что когда вопрос ставился не о ликвидации крепостного права, а лишь о расширении прав крепостных, об улучшении их быта, моральная мотивировка оказывалась наисильнейшей. Опасность такой постановки вопроса сразу понял умнейший из дворянских идеологов Щербатов. Немедленно выступив против громогласного заявления Коробьина, он предупреждает депутатов о таящейся опасности даже одного обсуждения этих щекотливых и рискованных тем. Он заявил, что считает крайне опасным заявление Коробьина потому, что нельзя, не должно заниматься обсуждением бедственного положения крепостных, «дабы, пленяясь оказуемым им человеколюбием и красноречием, сие какого бы вреда не произвело».

По крестьянскому вопросу выступило двадцать депутатов. Весь май месяц 1767 года шли крайне обостренные споры, порой переходившие в скандалы. Из двадцати выступавших восемь депутатов поддерживали Коробьина — Козельский, Жеребцов, Чупров, Маслов и другие. Дневная записка собрания депутатов свидетельствует, что никто из помещичьих защитников не в состоянии был противопоставить хоть сколько-нибудь вразумительные доводы в защиту своей точки зрения: оставить положение крестьян без изменения. Переполошившиеся помещичьи идеологи лишь исступленно бранились и грозились по адресу передовых депутатов за то, что те осмелились поставить этот вопрос на обсуждение.

О работах Комиссии, как о крупном событии русской политической жизни, Радищев и его товарищи узнавали не только из русских газет, но и от многочисленных соотечественников, беспрестанно посещавших Лейпциг. Чем

ближе становился срок возвращения на родину, тем энергичнее Радищев изыскивал способы ознакомиться с тем, что происходит в России, желая всей душой как можно скорее начать активное служение на благо отечества. Прямым свидетельством этих тесных связей Радищева с Россией и русской жизнью является его первая литературная работа, сделанная в Лейпциге, работа, показывающая, что первейший интерес вызывали у него именно политические события.

Во время пребывания Радищева в Лейпциге в 1768 году началась русско-турецкая война. Через Лейпциг, на пути в Италию и Албанию, где пребывали тогда русские войска и где находился штаб армии Орлова, проезжало множество офицеров, в частности штабных. Около 1770 года в штабе гр. А. Г. Орлова родился политический документ, написанный по заданию Орлова греко-албанским политическим деятелем Антоном Гика, который находился при русских войсках в Архипелаге. Политическая эта брошюра называлась «Желание греков к Европе христианской». Написана она была от имени греков, страдающих под турецким игом и взывающих о помощи. Этот важнейший политический документ был срочно отправлен для опубликования в Петербург. Именно он и был дан Радищеву проезжавшим в Петербург штабным офицером для срочного перевода на русский язык. В предисловии к манифесту Радищев прямо заявляет: «Мы получили из Архипелага через Италию некоторую пиесу, которая по обстоятельствам своим за весьма важную и любопытства достойную почесться может». Факт поручения перевода важнейшей политической статьи Радищеву—свидетельство его общественной активности, его интереса к русским политическим делам, его прочных связей с Россией. Больше того, это свидетельство и того, как отлично знали Радищева многие русские, проезжавшие через Лейпциг. Его ясный ум, самостоятельность, его образ мыслей привлекали внимание многих людей. Не случайно, что через двадцать лет Карамзин, посетивший Лейпциг, услышал от профессора Платнера отзыв именно о Радищеве, который запомнился ему на всю жизнь.

История с переводом брошюры Антона Гики показывает в то же время, как отлично Радищеву были известны русские повременные издания. В том же предисловии он заявляет совершенно категорически: «Мы тем охотнее

приняли на себя перевод оной, что по всем обстоятельствам думать должно, что нет еще оной в переводе ни в одном периодическом сочинении, кроме сих листов». Именно эта уверенность и заставила его приняться за перевод. Работу свою он начал в июле 1771 года. Полностью осуществить свое намерение он не успел—перевод, дошедший до нас, обрывается на половине. Причиной, прервавшей дальнейшую работу, явилось опубликование брошюры Гики в «Санкт-Петербургских ведомостях» от 16 июля того же года. Получив августовскую почту и прочитав «Желание греков», Радищев прекратил свою работу над переводом.

Совершенно несомненно также знакомство Радищева и Ушакова с важнейшими произведениями передовой русской мысли той поры. Есть ряд данных, позволяющих утверждать, что им была известна книга русского философа Якова Козельского «Философические предложения», а также журнал Новикова «Трутень», вынесший коренные вопросы русской жизни, поднятые еще демократическими депутатами в Комиссии на всеобщее обсуждение.

Главное же, что обращает на себя внимание, это общность идейной жизни, общность процессов, происходящих в России, где складывалась идеология русского просвещения, и в лейпцигской колонии русских студентов, где вырабатывал основы своего мировоззрения будущий писатель-революционер. Общность эта состояла в том, что под влиянием потребностей и нужд русского освободительного движения передовые деятели и просветители Козельский и Новиков прежде всего начали критику политической концепции французских энциклопедистов, которая, как уже говорилось выше, легла в основание демагогической политики Екатерины II, взявшей на себя роль просвещенного монарха. В колонии русских студентов, по свидетельству Радищева, Ушаков, идейный руководитель молодых русских свободолюбцев, также начал «учить мыслить» своих товарищей, учить критически относиться к идеям, идущим из Франции, учить оценивать их по заслугам и достоинствам, по тому, как они вооружали и подготавливали человека к исполнению должности гражданича. Именно эта общность—ярчайшее свидетельство глубоких органических связей Радищева с русской жизнью, с передовой русской литературой в период пребывания в Лейпциге.

Что же происходило в России?

Выход в свет Наказа для Комиссии побудил Козельского, депутата Комиссии, приступить к написанию своей книги «Философические предложения». В дни работы Комиссии, в дни, когда все освещалось именем Монтескье, Козельский выступил с «Предложениями», в которых высказал свою, особую точку зрения. В этой своей книге Козельский, блестяще знакомый с философской, социальной, экономической литературой французского просвещения, в противовес екатерининскому Наказу, ориентирующемуся на Монтескье, в случае, когда апеллирует к каким-либо авторитетам из числа французских идеологов, ссылается на Руссо. Но значение книги Козельского прежде всего в том, что она является первым развернутым выступлением русского просветителя с критикой ряда социально-политических доктрин энциклопедистов. С первой же страницы Козельский предупреждает читателя: в этой книге я познакомлю вас с важнейшими достижениями европейской передовой освободительной философии; но не все в этих воззрениях приемлемо для России, не со всем можно согласиться. Поэтому во множестве существенных вопросов Козельский не соглашается со своими французскими предшественниками: или вступает с ними в полемику, или дает новое толкование и объяснение сходных явлений.

Козельский понимал, что предпринимает смелое дело, но политические обстоятельства России и гражданская совесть требовали, раз это было необходимо, выступать и против прославленных авторитетов: «И как в таком случае мнения мои могут показаться отважными, то прежде порицания их прошу рассудить то, что мы часто самыми важными изобретениями одолжены бываем отважным покушениям». В числе многих других возражений Козельский выступает против одной из важнейших просветительских доктрин: освобождение крестьян возможно лишь после просвещения их, когда они «научатся понимать драгоценность свободы». Об этом писала «Энциклопедия», это было мнение Вольтера, эта точка зрения была сформулирована и в получившем премию на конкурсе Вольного экономического общества ответе Беарде де Лабе: «Заставьте людей познать цену свободы; теперь же вследствие своей грубости и невежества крестьяне, быть может,

и сами предпочтут рабство». Соответственно этой просветительской точке зрения Екатерина в Наказе и писала: «Не должно вдруг и через узаконение общее делать великого числа освобожденных». Вот против этого тезиса и выступил Козельский: «Многие люди беспрестанно говорят, что облегчение делать невыполированному народу в его трудностях предосудительно; я думаю, что некоторые из них говорят сие по незнанию, что выполировать народ иначе нельзя, как через облегчение его трудностей, а другие—по неумеренному самолюбию, что почитают в неумеренном господстве над людьми лучшую для себя пользу».

Так логика исторических событий, потребности общественного движения определили своеобразие складывающегося русского просвещения. Борьба с политическими теориями французского просвещения оказалась одновременно и борьбой против практики русского самодержавия. Выступая против энциклопедистов, депутат Козельский выступил против Наказа Екатерины.

Книга Козельского вышла в 1768 году, в момент работы Комиссии, теоретически вооружая демократических депутатов в их борьбе против демагогической политики Екатерины II. После роспуска Комиссии, в мае 1769 года, на общественное поприще выступил новый деятель, бывший служащий Комиссии, «держатель дневной записки», молодой русский писатель и просветитель Николай Новиков. Лишенный права высказывать свое мнение во время депутатских прений, он решил выступить с защитой русского угнетенного хлебопашца, «питателя», решил подать свой «голос» по важнейшему в условиях крепостнической России крестьянскому вопросу.

Создавая журнал с целью вынести на широкое общественное обсуждение вопросы, поднятые и не решенные Комиссией, Новиков тем самым выступал против намерений Екатерины потушить возникший было пожар. Эта антиправительственная программа подкреплялась и смелыми заявлениями о неблагополучии в государстве просвещенной монархини: напечатанные в «Трутне» десятки статей утверждали, что в судах, воеводствах сидят взяточники и воры, а в деревне хозяйничают распоясавшиеся помещики. Уже все это отчетливо характеризовало воззрения Новикова, далекого от иллюзий насчет характера русского самодержавства. Поэтому, когда Ека-

терина, разгневанная «жужжанием» «Трутня», прикрикнула на него со страниц «Всякой всячины», Новиков принял вызов и вступил на путь разоблачения так усердно и любовно создаваемой императрицей и ее французскими друзьями легенды о «просвещенной», «мудрой», «человеколюбивой», «справедливой монархине».

Издание Екатериной журнала «Всякая всячина», выступление ее в качестве писателя было исполнением все того же плана демонстрации просвещенного характера ее правления. Екатерина старалась как можно прилежнее исполнить весь комплекс дел и поступков идеального государя. Вот она законодатель—пишет Наказ, собирает Комиссию, внимательно слушает избранников нации, желая на основе выясненных таким образом нужд написать новые законы и осчастливить своих подданных. Буквально это она и писала Гримму, рисуя себя в качестве идеального монарха: «Мое собрание депутатов имело успех потому, что я сказала: вот мои принципы, изложите ваши жалобы—где вам жмут сапоги? Давайте лечить: у меня нет системы, я стремлюсь к общему благу; оно составляет мое благо, ну, работайте, создавайте проекты, вырабатывайте свои мнения. И они начали приходить, перетряхивать материалы, говорить, мечтать, спорить, и ваша покорная слуга слушала, совершенно безразличная ко всему, что не было общей пользой, всеобщим благом». Читая эту идиллическую картину работ Комиссии, специально сочиненную для французских друзей, нельзя не отдать должного Екатерине: она умела мастерски творить легенду о себе. Вот теперь она издает журнал, выступая в нем писателем-сатириком, желая словом своим исправлять подданных, приглашая писателей присоединиться к ней, разделить ее труды.

Новиков и принялся за разоблачение этой лжи; он задался целью сорвать маску просвещенного монарха с Екатерины-писателя, показать обществу подлинное лицо монарха-деспота, занимающегося литературой.

В Комиссии спорили, полемизировали друг с другом депутаты враждебных лагерей—демократы и дворяне. На страницах «Трутня» разгорелась беспримерная в России политическая полемика между частным лицом, демонстративно отказавшимся от службы государыне, писателем, занявшимся общественной деятельностью, и всесильным самодержцем, играющим роль просвещенного

монарха. Используя последнее обстоятельство, он притворился, что ему неизвестно, кто истинный автор статей в журнале «Всякая всячина», что ему неизвестно участие русской императрицы в ее собственном журнале, и повел решительную и беспощадную борьбу с ним. Действуя умно и талантливо, он системой намеков создал образ этого коронованного автора политических статей в правительственном журнале. Этот автор—«пожилая дама» нерусского происхождения, плохо владеющая русской речью, притворяющаяся мягкосердечным и либерально настроенным писателем, а в действительности являющаяся «неограниченным самолюбцем», претендующая быть «всемирным возглашателем истины», «наставником молодых», принимающая только похвалу ее таланту, не знающая удержу в своем самодержавном гневе и оттого беспрестанно угрожающая своим противникам «кнутами да виселицами». В сатирическом образе, созданном Новиковым, все сразу узнали Екатерину. Мужество писателя, решившего показать обществу истинное лицо Екатерины-самодержицы, отважное разоблачение легенды о просвещенном характере русского абсолютизма, так любовно создаваемой самой Екатериной, привлекли всеобщее внимание, вызвали сочувствие многих. Журнал Новикова стал пользоваться огромной популярностью. Потребовалось увеличить его тираж. Выпущенное в том же 1769 году второе издание немедленно разошлось. Все попытки Екатерины средствами полемики уговорить Новикова кончились неудачей. Пришлось признать себя побежденной и отказаться от роли монарха-писателя, прекратить свою литературную деятельность, закрыть свой журнал «Всякая всячина» с тем, чтобы полицейскими мерами прекратить деятельность Новикова. В самом начале 1770 года его «Трутень» был закрыт.

В России было немало людей, которые не только следили за полемикой, но и сочувствовали Новикову. Свидетельством этого служат и растущие тиражи «Трутня», наряду с падением тиражей «Всякой всячины», и моральное поражение Екатерины в этой борьбе, и гласно высказанное признание нужности деятельности Новикова со страниц журнала «Смесь». В XX листе этого журнала, сразу после писем Правдолюбива и грозных ответов на них «Всякой всячины», было помещено письмо под названием «Господину издателю «Трутня»: «Прочитав вашего

издания листы, начал я иметь к вам почтение». «Вы выводите пороки без околичностей, осмеиваете грубость нравов испорченных». «Г. издатель, не смотрите на клевещущих на вас, презирайте их, они достойны вашего презрения, и не смотря продолжайте свой труд так, как вы начали. Выводите порочных, ибо пороки, вообще осмеиваемые, не исправят порочных настоящего времени. Вы тем самым не раздражите истинных сынов отечества, ибо они сплетают вам за сие похвалы»; помните, «что вы прямой друг истинного человечества».

Как видим, значение сатирической деятельности Новикова определяется прежде всего тем, что на страницах его журнала «Трутень» запечатлелась исторической важности борьба оппозиционной русской литературы с Екатериной, борьба, закончившаяся тем, что самодержица была вынуждена ретироваться, борьба, обеспечившая возможность дальнейшего развития не зависимой от правительства, выражающей коренные нужды народа политической и социальной мысли.

Что же происходило в русской колонии студентов?

По свидетельству Радищева, основные знания он приобрел в домашних самостоятельных занятиях под руководством Ушакова. Ушаков был для Радищева «вождем юности», «учителем по крайней мере в твердости».

Федор Ушаков считал, что ограничиваться науками, преподававшимися в университете, нельзя. Изучая философию, он стремился «иметь понятие и о других частях учености». Главное же, что волновало его, это «наиважнейшие предметы, до человека касающиеся в гражданском состоянии». Для приобретения же «разных знаний он надежнейшим всегда почитал прилежное чтение книг». Так началось чтение сочинений по философии, праву, истории, социологии, политике. Читались книги древних авторов и новых философов, ученых мужей и современных политиков. Так началось знакомство с философией, политикой, литературой французского просвещения, с Руссо и Гельвецием, Мабли и Дидро. Чтение этих книг проходило под руководством Ушакова. Именно в этих чтениях перед Радищевым открылись в Ушакове ясный самобытный ум мыслителя и сочинителя.

Талантливость Ушакова сказалась прежде всего в отказе от «страдательного» состояния своего разума.

Радищев так отмечает эту замечательную черту: «Вращаяся всечасно между разными предметами разумения человеческого, невозможно было, чтобы в учении разум Федора Васильевича пребыл всегда, так сказать, страдательным, упражняяся только в исследовании мнений чуждых».

Ушаков, как подлинно самобытный мыслитель, смело устремился к проложению новых путей, «вдаваясь в области неизвестные». «В сем-то и состоит различие обыкновенных умов от изящных,—заявляет Радищев.—Одни приемлют все, что до них доходит, и трудятся над чуждым изданием, другие, укрепив природные силы своя учением, устраняются от проложенных стезей и вдаются в неизвестные и непроложенные». Деятельность на благо своего народа, деятельность практическая, исполненная твердости и непоколебимости, выводящая человека из узкого мира лишь своих частных интересов,—вот основное качество и свойство характера Ушакова—мыслителя и гражданина. «Деятельность,—говорит Радищев,—есть знаменующая их (людей, подобно Ушакову.—*Г. М.*) отличность».

Под руководством Ушакова и начал «учиться мыслить» Радищев. Он читал и Руссо, и Мабли, и Гельвеция, «укреплял природные силы свои учением», учился мыслить, то есть, «соображая их мнения со мнениями своего учителя», старался «отыскать истину в среде различия оных». Огромное значение имели для Радищева и собственные сочинения Ушакова—его «Размышления»: «О праве наказания и о смертной казни», «О любви», «Письмы о первой книге гельвециева сочинения «О разуме».

Последняя книга есть конкретный пример сознательного, критического отношения к изучаемому материалу. Сочинения Гельвеция «О разуме» Ушаков получил от проезжавшего Лейпциг русского офицера Ф.,—видимо, Федора Орлова, брата екатерининского фаворита. Характерно именно это упоминание: русский вельможа, следуя моде русского двора, читал книги французских мыслителей, представляя собой разновидность новомодных «русских вольтерьянцев». По свидетельству Радищева, «Ф. толикое пристрастие имел к сему сочинению, что почитал его выше всех других». И тут же, не скрывая своей иронии, добавляет: «Да других, может быть, и не знал». Так вот, получив эту книгу, Ушаков и Радищев

принялись ее читать «со вниманием», «и в оной мыслить научилися». Мы уже знаем, что значит, по Радищеву, «учиться мыслить» — сопоставлять мнение автора с собственным и в различии отыскивать истину. Примером такого учения и являются ушаковские «Письмы». Это сочинение — результат самостоятельного и критического подхода к многим вопросам, затронутым Гельвецием. Видимо, «Письмы» эти предполагалось опубликовать, и, таким образом, они должны были стать известны Гельвецию; во всяком случае Радищев сообщает, что Гельвеций знал об изучении русскими студентами книги «О разуме»: «Гельвеций, конечно, равнодушно не принял, узнав, что целое общество юношей в его сочинении мыслить училося». Об этом Гельвецию сообщил Гримм, французский писатель, друг Гельвеция и Дидро, во время своего пребывания в Лейпциге познакомившийся с русскими студентами.

В других сочинениях Ушакова также критически пересматриваются некоторые в высшей степени распространенные теории французских мыслителей. Ушаков прямо заявляет: исполнение сего предприятия «требует напряжения разума и довольного времени; да и тем паче, что не всегда я с автором одного мнения». Это заявление Ушакова знаменательно тем, что оно почти дословно воспроизводит приводившуюся выше формулу Козельского из его «Философических предложений».

Чаще всего Ушаков оспаривал Руссо. Он решительно возражает против центрального тезиса этого философа — человек родится добрым, но условия общественной жизни делают его злым. В ответ на это Ушаков заявляет: «Человек рождается ни добр, ни зол». Отсюда — полное расхождение в теории воспитания человека. Руссо считает, что человека надо воспитывать в изоляции от общества, давая возможность развиться всем от природы заложенным качествам, воспитывать именно человека, а не гражданина. Ушаков, высказываясь против этого, заявляет: «Обстоятельства делают человека». Он требует воспитания не индивидуалистов, которых он называет метко «единственниками», а человека-гражданина, который «величайшее услаждение находит в том, чтоб быть отечеству полезным и быть известным свету». Так, пункт за пунктом Ушаков в своих сочинениях «устремлялся от проложенных стезей» и «вдавался в неизведанные и непроложенные», учил мыслить своих товарищей и первого своего друга

Радищева прежде всего. Именно поэтому Радищев называет его «вождем своея юности»; исполненный благодарности, открыто называет его своим учителем, печатает и делает достоянием всего общества его сочинения.

Объединяло русскую колонию в Лейпциге с русскими просветителями и тяготение к вопросам русской политической жизни. Козельский активно отстаивает за собою право судить о политических вопросах. «Все говорят, что рассуждать о политических происхождениях одних лишь министров дело, а другие-де люди не имеют к тому способности»,—писал он. Опровергая это ложное утверждение, Козельский выпустил книгу, в которой «как раз трактует о политике, касающейся до начальствующих особ». Политикой занимались и в русской колонии и когда обсуждали деспотическое правление Бокума, и когда вырабатывали свое понимание политической свободы, и когда, под руководством Ушакова, разрабатывали вопросы о положении человека в гражданском обществе.

Так протекала жизнь Радищева в Лейпциге—в напряженной идейной работе, в активной деятельной подготовке к возвращению на родину, связь с которой год от года крепла и росла. Но накануне окончания срока учения Радищеву суждено было пережить огромное горе: умер его друг и учитель Федор Ушаков, крупный русский мыслитель и философ, умер в самом начале своего поприща, в возрасте двадцати трех лет. Смерть Ушакова потрясла Радищева. Но вместе с тем послужила ему уроком, оказалась той последней каплей «деятельного нравоучения», которым отличалась вся его «лейпцигская» жизнь. Смерть друга не только опечалила Радищева, не только «уязвила сердце», но и многое открыла, доселе неизвестного. Ушаков наставлял Радищева в «твердости». Мужественно умирая, он показал истинный смысл и значение этой твердости. Заболев тяжелой, неизлечимой болезнью, приговоренный к смерти, он ждал ее прихода спокойно. Собравшиеся у постели умирающего его друзья видели, как слова и дела у Ушакова были едины. Умирая, он дал последние наставления, оставил завещание лучшему своему другу и ученику—Радищеву. Незадолго до кончины Ушаков вручил ему все свои бумаги: «Употреби их, говорил он мне,—сообщает Радищев,—как тебе захочется. Прости теперь в последний раз; помни, что я тебя любил, помни, что нужно в жизни иметь правила, дабы

быть блаженным и что должно быть тверду в мыслях, дабы умирать бестрепетно».

Радищев лишился друга, но завещание его «неизгладимою чертою ознаменовалося на памяти». Ушаков воспитал из Радищева человека «твердых мыслей», имеющего «правила» исполнения должности гражданина, мыслителя, прокладывающего новые стези в важнейших вопросах общественной жизни, отважного человека, понявшего, что в основании личного поведения лежат убеждения о необходимости утверждения в России вольности, что только они делают человека способным «восстать на губительство и всесилие».

Именно таким в сентябре 1771 года Радищев вместе с двумя другими своими товарищами—Кутузовым и Рубановским—вернулся на родину. Возвращение в Россию было вместе радостным и суровым. Патриотическое чувство, желание деятельности вызывало «нетерпение видеть себя на месте рождения нашего». Увиденная граница, «Россию от Курляндии отделяющая», вызвала восторг. Радищев указывает, что он и его спутники были готовы «тогда жертвовать и жизнью для пользы отечества».

III

Екатерининская Россия встретила их неласково. Указом от 26 декабря 1768 года перепуганная активностью демократических депутатов императрица распустила Комиссию. Сатирические журналы, начавшие выходить в 1769 году, были закрыты. Екатерина становилась на путь открытой борьбы с русскими деятелями, не желавшими верить творимой ею легенде, что в России наступил «златый век», что царствует там «просвещенный монарх». Очень скоро выяснилось, что прибывшие юристы никому, собственно говоря, не нужны. Они оказались предоставленными сами себе. Лишенный каких-либо средств к существованию, Радищев должен был искать службу. Ничего подходящего не было. Пришлось брать то, что попалось под руку: Радищев вместе со своим товарищем Алексеем Кутузовым поступает в Сенат на должность протоколиста. Предстояло жить среди чиновников, которые, по словам Радищева, «не токмо не равны тебе по знаниям, но и душевными

качествами иногда ниже скотов почесться могут; гнушаться их будешь, но ежедневно с ними обращаться должен». Но приходилось не только жить вместе с этими людьми, но и подчиняться им, выполнять их приказания. «Окрест себя,—свидетельствует Радищев,—увидишь нередко согбенные разумы и души, и самую мерзость. Возненавиден будешь ими, поженут тебя, да оставишь ристание им свободно. А если тогда начальник твой будет таковых же качеств, как и раболепствующий ему, берегись: гибель твоя неизбежна».

Так начиналась жизнь на родине, в бюрократическом самодержавном государстве, где «управляющие умами и волею народов властители», под эгидой екатерининского самодержавия, «соделовывали» все, чтобы в каждом человеке «утушить заквас, воздымающий сердце юности», чтобы заставить человека смириться и покорно нести ярмо тирании и рабства. Но Радищев знал, что «единожды смирившись, человек навеки соделывается калекою». Опыт жизни под началом Бокума приходил на помощь. Только в протесте против угнетения и неправды, только в сопротивлении насилию человек может сохранить себя, свое достоинство, утвердить свою личность, обрести «блаженство». Суровость и жестокость встречи с самодержавной екатерининской Россией поэтому не слишком огорчили Радищева, а скорее радовали. Он твердо знал, что эти условия, созданные мучителями, одних смиряли, «причинив немалую печаль», но зато «во сте других родили отчаяние и исступление».

С первого же дня пребывания в столице Российской империи в сознании Радищева растет и зреет вражда к царскому деспотизму, к крепостническому рабству. Зная, что в этом своем чувстве он не одинок, зная, что десятки людей «твердых мыслей» уже до него начали борьбу с самодержавием, он, не ограничиваясь службой в Сенате, стал искать связей с этими людьми, желая встать в число «борзых смельчаков». Так, естественно, путь Радищева привел к Новикову, и он легко вошел в круг русских деятелей, закладывавших основы русского просвещения в борьбе против политических теорий энциклопедистов и одновременно—против политической практики русского самодержавия.

Уже там, в Лейпциге, Радищев стал, по примеру Козельского, подходить к огромному идейному богат-

ству корифеев просвещения критически и самостоятельно. Эта самостоятельность определилась прежде всего в том, что он сумел оценить в просвещении его самые сильные, а не слабые стороны—его философию, а не политику энциклопедистов. Мы знаем, что в Лейпциге его привлекала атеистическая философия, материализм Гельвеция, демократизм и общественные теории Руссо, моральные принципы и политические взгляды не Монтескье, а Мабли.

Естественно, что великий собиратель литературных сил Николай Новиков был именно тем человеком, который привлек Радищева к работе созданного им «Общества, старающегося о напечатании книг». Первое выступление Радищева в России—это перевод книги Мабли «Размышление о греческой истории», изданный Новиковым в 1773 г.

Перевод книги Мабли, несомненно, был обдуманным шагом со стороны Радищева. Он был сделан с учетом начатой Козельским и Новиковым борьбы против распространения легенды о просвещенном характере русского самодержавства. Как мы уже видели, Екатерина популяризировала в России социально-политическое учение энциклопедистов (Наказ, написанный по книге Монтескье, переводы политических статей из Энциклопедии, издание «Велизария» Мармонтеля и т. д.). Как Козельский в своих «Философических предложениях» этим авторам противопоставляет Гельвеция и Руссо, так и Радищев, продолжая эту линию, политическим концепциям энциклопедистов противопоставляет Мабли и свои собственные политические взгляды. Не случайно его выбор пал именно на Мабли—наиболее активного противника доктрины просвещенного абсолютизма. Но этим Радищев не ограничился; он снабжает сочинение Мабли своими примечаниями, усиливающими его направленность против энциклопедистов.

Самостоятельное значение имеет примечание к слову «самодержавство» (так Радищев перевел употребленный Мабли термин «деспотизм»). Блестяще разбиравшийся в вопросах теории, Радищев, безусловно, делал это отступление с расчетом. Согласно учению энциклопедистов, деспотия, монархия, самодержавство—разные политические системы. Радищев же позволяет себе поставить знак равенства между крайней формой монархии—деспотией и самодержавством. Но это была только часть дела. Главное состояло в том, чтобы дать русскому

обществу исчерпывающее определение политической сущности русского государственного управления—самодержавства. Этим своим примечанием Радищев сразу активно включался в начатую русскими просветителями политическую борьбу.

Острота политического выступления Радищева объясняется прежде всего тем, что он открыто напал на книгу, изданную по велению Екатерины II, книгу, содержащую столь важные и нужные ей основы политических теорий энциклопедистов. Книга эта называлась «О государственном правлении и разных родах оного из Энциклопедии», принадлежала она переводчику Ивану Туманскому. Вышла она в конце 1770 года. Совершенно очевидно, что появившийся в 1771 году в Петербурге Радищев знал ее и, когда писал свое примечание к слову «самодержавство», имел в виду определение этого понятия, принадлежащее разносчику политического учения энциклопедистов, секретарю «Энциклопедии», де-Жокурту. Чтобы убедиться в этом, стоит прочесть, что же писала по этому вопросу «Энциклопедия»:

«Самодержавство (правление). Можно сказать с Пуфендорфом, что самодержавство есть право повелевать решительно в гражданском обществе, которое право члены общества поручили одной или многим особам для сдержания в оном внутреннего порядка и внешнего защищения; а вообще, для приобретения под таким покровительством истинного благоденствия и надежного пользования своей вольностью. Сказал я, во-первых, что самодержавство есть право повелевать решительно в обществе, дабы показать, что существо самодержавства состоит наипаче в двух вещах: первое, во праве повелевать членами общества, строго управлять их деяниями со властию или силою принудительною; второе, что сие право должно иметь такую силу, чтобы все честные люди за должность почитали покоряться оной безо всякого сопротивления; впрочем, если бы таковая власть не была бы верховная, не могла бы содержать в обществе порядка и безопасности, яко намерения для которого учреждена оная».

Нетрудно заметить, что такое определение самодержавия было крайне выгодно, удобно и политически необходимо Екатерине. Поэтому она и пропагандировала это учение. Потому и повелела Туманскому издать собра-

ние только политических статей из «Энциклопедии», ибо это прикрывало ее деспотический режим авторитетом европейских философов. Так сомкнулись на поприще определения существа русского самодержавства теория и практика французского просвещения. В самом деле в крамольной «Энциклопедии» кавалер де-Жокурт пишет: «Самодержавство и создано для истинного благоденствия и надежного пользования своею вольностью». Екатерина уверяет Вольтера, Дидро и Гримма, что в ее стране—истинная вольность, что под ее скипетром подданные блаженствуют. И Гримм заявляет, что цель самодержавного правления Екатерины—установление вольности. И Дидро, только по приезде в Петербург (в год выхода перевода Радищева), только в общении с Екатериной, как это он сам утверждает, «обрел в себе душу свободного человека в так называемой земле варваров». «Если государь добродетельный, то правление его есть век златый»,—утверждает «Энциклопедия», переводимая по приказу Екатерины. И Дидро, и Вольтер, и Даламбер, и Гримм свидетельствовали «перед лицом всего света»: Екатерина добродетельна, справедлива, мудра, больше того—она «республиканка с душой Брута».

Вся эта вывезенная из Франции идеология усиленно популяризировалась Екатериной в России. Она полагала,—все из того же, свойственного многим прибывшим в Россию немцам, неверия в Россию и ее народ, неуважения к стране, приютившей их,—что не найдется в России людей, способных самостоятельно разобраться в идейном богатстве французского просвещения, что можно легко ввести в заблуждение и заставить склониться и замолчать перед авторитетом общепризнанных духовных вождей Европы. Но в России нашлись люди, восставшие против этой фальсификации. Это были люди, воспитанные в России под руководством и воздействием идей первого поколения русских просветителей, и Ломоносова прежде всего: Яков Козельский, Денис Фонвизин, Николай Новиков и Александр Радищев.

Именно в этом историческое значение и смысл первого общественного радищевского выступления. Он решительнее, чем это делали его предшественники, отметает теорию энциклопедистов и дает резкую характеристику политической сущности режима Екатерины. Вот что писал Радищев:

«Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. Мы не токмо не можем дать над собою неограниченной власти; но ниже закон, извет общия воли, не имеет другого права наказывать преступников, опричь права собственныя сохранности. Если мы живем под властию законов, то сие не для того, что мы оное делать долженствуем не отменно, но для того, что мы находим в оном выгоды. Если мы уделим закону часть наших прав и нашея природные власти, то дабы оное употребляемо было в нашу пользу; о сем мы делаем с обществом безмолвный договор. Если он нарушен, то и мы освобождаемся от нашея обязанности. Неправосудие государя дает народу, его судии, то же и более над ним право, какое ему дает закон над преступниками. Государь есть первый гражданин народного общества».

Так по приезде из Лейпцига Радищев в первом же своем общественном выступлении показал, как овладел он идейным наследством «великих мужей», показал, что он понял их, исходя из социально-политических условий русской жизни и потребностей русского общественного движения. Начавшаяся в конце 60-х и начале 70-х годов деятельность русских просветителей в 80-е годы примет качественно новый характер. Это будет определено великим событием русской жизни—крестьянской войной против дворянско-самодержавного режима, возглавленной Пугачевым. До восстания Пугачева эта деятельность в большей своей части будет носить негативный характер: разрушались «алтари», возводимые екатерининскому самодержавству. После восстания, продемонстрировавшего революционные силы народа, русское просвещение окажется способным теоретически обобщить его опыт и построить самое передовое в мире самостоятельное политическое мировоззрение XVIII столетия, в основе которого будет лежать радищевская теория народной революции.

IV

Петербургская жизнь Радищева после возвращения из Лейпцига оказалась своеобразным русским университетом, довершившим формирование его мировоззрения. Позднее Радищев писал: «Природа, люди и вещи суть

воспитатели человека». Политические события, практика екатерининского государства, все то богатство живой действительности, людей, обстоятельств, которые, по мысли Радищева, одни воспитывают и образовывают человека, обрушились на молодого свободолюбца. На место юношеского пыла, абстрактной жажды служения отечеству приходило выстраданное убеждение в необходимости политической борьбы с режимом деспотизма и рабства. Суждения и политические теории, под влиянием сотен и тысяч реальных русских дел, фактов и событий, приобретали необходимую «твердость», точность, конкретность. Первый этап этой русской школы падает на 1771—1773 гг. Восстание крепостных крестьян, возглавленное Пугачевым, завершит радищевское воспитание в русском университете.

В 1768 году Комиссия по составлению нового Уложения оказалась не просто распущенной на каникулы, в связи с турецкой войной, как об этом было известно русским студентам в Лейпциге, но разогнана навсегда. Наказ императрицы, успешно пропагандировавшийся в Европе, в России был запрещен. Упоминать о нем или ссылаться на него было нельзя. Поднятый в Комиссии крестьянский вопрос не только не получил никакого разрешения, но волею Екатерины крепостное право усиливалось, количество крепостных увеличивалось, крепостническая эксплоатация неуклонно возрастала. Екатерина, не стесняясь, прямо заявляла в указах о своем намерении силой оружия удерживать существующее положение. Посылая воинские команды на подавление крестьянских бунтов, возникавших в разных наместничествах России, она снабжала их таким приказом: «Стращать крестьян не токмо императорским гневом, но жестокою казнию, а напоследок огнем и мечом и всем тем, что только от вооруженной руки произойти может». Все это делалось потому, что, —разъясняла императрица, —«намерены мы помещиков при их имениях и владениях нерушимо сохранять, а крестьян в должном их повиновении содержать».

Помещики, чувствуя за собой силу самодержавия, не только закабаляли крестьян, не только превращали их в рабов, в «тяглый скот», но и мучили, безнаказанно издевались над ними. Бытовым явлением крепостной России тех лет являлись беспрестанные истязания крестьян, истязания, в сотнях и тысячах случаев оканчивавшиеся смертью

несчастных жертв барского гнева. Только из ряда вон выходящие случаи помещичьих преступлений становились предметом внимания правительства. В Сенат поступали следственные дела на них. Эти-то следственные дела, по должности протоколиста, Радищев вместе с другом своим Кутузовым читал, обрабатывал, составлял экстракты для заседений сенаторов. День за днем переписывал Радищев жалобы и челобитные крепостных, знакомился с делами следствия, читал с содроганием «чувствительного сердца» эту живую, писанную слезами и кровью историю русского крестьянина, и везде находил великие бедствия, безысходное горе, несчастье обездоленного, «мертвого в законе», ничем не защищенного от произвола и самодурства, русского хлебопашца, «питателя» России. С горечью и страстью составлял он экстракты, выписывая ясно и точно преступления помещиков, горя желанием справедливой мести за убитого и замученного мужика, жаждая всем сердцем справедливого наказания дворянским владетелям. И чем больше надеялся Радищев на справедливость наказания, на торжество возмездия, тем сильнее были печаль и ярость, когда читал приговоры этим преступникам. Сенат твердо и нерушимо стоял на стороне «своей братии»—дворян. Он никогда не наказывал, а лишь делал вид осуществления справедливого суда. Помещица Морева убила свою крепостную. Сенат сослал ее в монастырь на один год. Дворяне Савины убили крестьянина и были присуждены к церковному покаянию. Помещицу Кашинцеву, которая бесчеловечными истязаниями довела служанку свою до самоубийства, сослали в монастырь на покаяние. И так было всегда. За явное, точно установленное убийство человека преступники, только потому, что были дворянами, приговаривались к покаянию. Механика работы Сената, его приговоры, его циничный классовый суд, его покровительство помещикам—все это было отличной школой для Радищева. Он не только увидел своими глазами бедствие и бесправие русских крепостных, но и понял глубокую, органическую связь помещика с царем, связь, опирающуюся на власть. Так для Радищева самодержавие и рабство сплетались воедино, вызывая единую ярую ненависть мстителя.

В 1773 году Радищев переводится на службу по специальности в штаб Петербургского главнокомандующего

графа Брюса в качестве военного прокурора (обер-аудитора). Здесь его и застало величайшее событие русской истории XVIII века: крестьянская война под руководством Пугачева. Событие это явилось рубежом не только русской истории. Оно служило сигналом—начиналась великая битва против феодализма. Начавшие ее русские крепостные продемонстрировали перед всем миром, что антинародное помещичье-крепостническое государство должно быть уничтожено и что силой, призванной осуществить это, являются сами угнетенные массы, что единственным путем достижения свободы является вооруженная борьба, восстание. Окончившись трагическим разгромом, эта крестьянская война вместе с тем показала, как велика творческая мощь народа, как неисчерпаемы и богаты духовные силы его, как непреклонна его ненависть к своим угнетателям, как «зиждительно» свободолюбие, одухотворяющее всю его жизнь.

Так случилось, что в год начала восстания в Петербурге одновременно были глава французского просвещения Дидро и молодой просветитель Радищев. Жизнь как бы испытывала этих людей. Как отнесутся они к этому событию, как поймут его, что извлекут из него?

Дидро, верный своей идее просвещенного абсолютизма, прибыл в Россию, чтобы «осчастливить» русский народ своими советами, долженствующими претвориться в мудром законодательстве просвещенной монархини Екатерины II. Поэтому он пребывал во дворце. Он проявил полное равнодушие к русской литературе и русской общественности. Сведения о России, о ее народе он предпочитал получать от Екатерины, задавая ей вопросы и довольствуясь ее высочайшими ответами. Мечтам о преобразовании России он предавался, оставаясь бесконечно далеким от русской жизни, истории России, ее народа. Потому он просто не заметил восстания. Потому он покорно отбыл из Петербурга, когда перепуганная восстанием Екатерина поспешила выпроводить его из России. По дороге в Париж он задерживается в Гааге, продолжая работать для Екатерины. Его друг Вольтер узнал о восстании Пугачева от самой Екатерины. И он писал ей утешительные письма, уверяя, что просветители в этой схватке будут на ее стороне, глубоко веруя, что она сумеет расправиться с «маркизом Пугачевым».

Радищев сразу по возвращении из Лейпцига установил связи с передовыми, радикальными русскими писателями и выступил против самодержавия. Когда началось восстание Пугачева, он настойчиво стремится понять причины, породившие его, понять смысл и содержание народного освободительного движения, желая проверить свои убеждения на опыте практической борьбы крепостных масс против рабского ига, ища в нем ответов на вопрос о путях общественного переустройства, о путях создания общества свободных людей, без крепостничества и самодержавной власти. Радищев мечтал о светлом будущем своего отечества и, вырабатывая свои общественные идеалы, опирался на знания, почерпнутые в жизни своей страны, в жизни своего народа.

Резко отличное отношение к этому крупному историческому событию со стороны Дидро и Радищева определило и разность результатов. Дидро остался в плену умозрительной, метафизической, а на деле разоружающей освободительное движение угнетенного народа против крепостного рабства, а потому и враждебной ему теории просвещенного абсолютизма. Радищев извлек урок из мощного движения крепостных масс за свою свободу, движения, потрясшего устои крепостнического государства, и сумел нанести решительный удар политическим теориям энциклопедистов и сформировать свою теорию народной революции—краеугольный камень идеологии русского просвещения.

Служба Радищева в штабе петербургского главнокомандующего облегчала детальное ознакомление со всеми этапами пугачевского движения, со всеми подробностями хода и организации этого восстания. Уже в сентябре 1773 года Петербург был полон слухов о начавшемся возмущении яицких казаков. За слухами пошли точные сведения—воинские командиры и начальники спешно доносили в Военную коллегию о случившейся «беде», прибывшие курьеры были жадно расспрашиваемы как очевидцы. Новым в этом бунте было объявление самозванца и быстрый рост его популярности в народе, обеспечивший широкое распространение движения. Радикальная русская общественность, первая выступившая против легенды о Екатерине, «матери отечества» и «мудрой монархине», против утверждения, что в России наступил «златый век», неожиданно для себя получила поддержку

народа. Объявление самозванца, его растущая популярность были ярким свидетельством не только трезвого отношения широких крепостных масс к практике екатерининского самодержавства, но и неприятия ее правления. Екатерине—дворянскому монарху—они противопоставили Пугачева,—своего, и, как сказано в одном из пугачевских указов,—«народом учрежденного великого государя».

Поздней осенью того же года в столице уже стало ясным: на далеком Яике вспыхнул не рядовой бунт, каких в каждом году был не один десяток,—там началась крестьянская война против дворян-помещиков. Это понимание характера народного движения и его реальной угрозы всему самодержавному режиму было с предельной ясностью выражено в манифестах Екатерины, в мероприятиях правительства. Екатерина была вынуждена вступить в единоборство с Пугачевым. В ответ на его указы она писала свои манифесты, в которых обращалась к населению восставших областей, призывая его отстать от самозванца, перейти на ее сторону. Уговаривая, она грозила, что будет в противном случае считать их также «бунтовщиками и возмутителями». Ответом на этот царский манифест было расширение восстания. С Яика и оренбургских степей оно перекинулось на Урал, Магнитную и Белорецкие заводы, к башкирам, жившим по реке Белой. Менее чем через полгода пожаром возмущения было охвачено Поволжье. Вскоре Казань, Саратов, Пенза пали под ударами пугачевских армий. Направление движения Пугачева было очевидно: он шел на Москву. Обе столицы были переполнены беглецами—тысячи дворянских семей в панике прибыли «под монаршую руку». Тысячи остались на месте, пав жертвами справедливого возмездия.

Екатерина поняла, что зашатался престол, всей помещичье-самодержавной России грозила великая опасность. Приходилось принимать решительные меры к спасению. Полки, один за другим, отправлялись к месту боев. Иногда приходили известия—Пугачев разбит. Но, разбитый под Оренбургом, он появлялся в Уфе, разбитый под Уфой, он с новыми силами подступал к стенам Казани. Приходилось принимать чрезвычайные меры. Из столицы двинулась гвардия. Спешно повели переговоры с врагом внешним—Турцией, о мире, чтобы бросить силы освободившейся армии на врага внутреннего.

Армия Пугачева была и сильной и бесконечно слабой одновременно. Силы ее в народности, — в нее шли угнетенные русские люди «с веселием мщения». Шли крепостные крестьяне, шли бурлаки, как тогда на Руси называли наемных рабочих, шли крепостные, работавшие на заводах, шли пребывавшие в рабстве башкиры и другие угнетаемые царизмом народы. Эта армия действовала решительно, быстро, отважно. И в то же время она была слабой, лишенной единства, неорганизованной, воодушевляющейся более против конкретно знакомых носителей зла, против ненавистных мучителей, чем против всего крепостнического государства. Поэтому, не понимая отчетливо своих общеклассовых и национальных задач, часто руководимая защитой своих непосредственных, узко понятых интересов, она так же быстро распадалась под ударами правительственных войск, как быстро создавалась на почве ненависти к своим угнетателям, на почве твердого желания разбить цепи рабства и обрести желанную свободу. Но как ни слаба была пугачевская армия, она почти полтора года победоносно воевала с отлично подготовленными профессиональными войсками Екатерины. Это было возможно потому, что Пугачев нес вольность, и народ всюду шел за ним, приветствовал его, помогал ему, поддерживал его.

Работая в качестве военного прокурора (обер-аудитор) при штабе петербургского главнокомандующего, Радищев оказался близок к Военной коллегии, месту, куда стекались все донесения о действиях Пугачева, и потому был в курсе всех событий. Он читал сводки полковников, генералов, командующего Бибикова, знакомился с многочисленными следственными делами пойманных «возмутителей», с волнением брал в руки указы Пугачева — документы исторической важности, живые свидетели государственного творчества народа. Военачальники доносили из армии, что вступление Пугачева в города и села вызывало празднества, народ встречал его с хлебом-солью, «в лучших платьях», «показывая радостный вид». Пугачев специальными манифестами жаловал народу волю, освобождая от подушных податей и рекрутского набора, передавал землю помещиков «навечно» крестьянам. В указах говорилось: «Жаловать буду вас всех во-первых: вечно вольностию, реками, лугами, всеми выгодами». Указы Пугачева выражали самые задушевные народные чаяния

и мечты: «Отныне я вас жалую землями, водами, лесами, рыбными ловлями, жилищами, покосами и морями, хлебом, верою и законом нашим, посевом, телом, пропитанием, рубашками, жалованием, свинцом, порохом и провиантом, словом всем тем, что вы желаете во всю жизнь вашу». И подпись под этими указами всегда была неизменной: «Делатель благоденствия, сладкоязычный милостивый, мягкосердечный российский царь император Петр Федорович, во всем свете вольный». Или: «Ваш доброжелатель, духовно усердствующий государь». И народ верил этим наименованиям, действительно Пугачев был для них доброжелатель, ибо рушил он рабство, мучителей убивал, жаловал вольность, землю, прощал вины и проступки, обещал помощь, защиту и участие. В донесениях, адресованных Военной коллегии, сообщалось, что крестьяне повсеместно о своем мужицком царе отзывались так: «Был он нам, черни, не злодей, а приятель и заступник».

Но этому могучему стихийному движению крестьян за свою свободу не суждено было победить. «Отдельные крестьянские восстания даже в том случае, если они не являются такими разбойными и неорганизованными, как у Стеньки Разина, ни к чему серьезному не могут привести. Крестьянские восстания могут приводить к успеху только в том случае, если они сочетаются с рабочими восстаниями, и если рабочие руководят крестьянскими восстаниями. Только комбинированное восстание во главе с рабочим классом может привести к цели. Кроме того, говоря о Разине и Пугачеве, никогда не надо забывать, что они были царистами, они выступали против помещиков, но за «хорошего царя». Ведь таков был их лозунг»[1].

Восставших все больше и больше теснили хорошо вооруженные войска правительства во главе с екатерининскими генералами.

В армии же Пугачева начался распад. Ее солдаты, вчерашние крестьяне, получив свободу и землю, бросали армию и оставались в своих селах. Крестьянская армия, воодушевляемая идеей «хорошего царя», не осознавала своих классовых интересов, не понимала общегосудар-

---

[1] И. Сталин. Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом. Партиздат, М., 1938, стр. 8—9.

ственного размаха борьбы, действовала стихийно. Это было исторически неизбежной слабостью крестьянства. Ею пользовались екатерининские генералы. Располагая огромными вооруженными силами самодержавного государства, они жестоко расправлялись с восставшими, хитростью и подкупом пытаясь заполучить вождя и руководителя восстания—Пугачева.

В ноябре 1774 года выданный царским генералам Емельян Пугачев был доставлен в Москву. На Волге ещё с полгода гуляли отдельные отряды бывшей могучей армии. Восстание было подавлено.

С утра 10 января 1775 года в Москве на Болоте, несмотря на лютый мороз, собралась многотысячная толпа. Даже крыши домов и лавок были усеяны людьми. Народ стоял в ожидании уже несколько часов. Наконец вдали показались сани, и в народе закричали: «Везут! Везут!»

В санях на возвышении сидел Пугачев с открытой головой и кланялся народу, что стоял на всех улицах. Пугачев взошел на эшафот. Стоявшие вокруг войска взяли на караул. Чиновник принялся читать манифест. По окончании чтения Пугачев широко взмахнул рукой, перекрестился и, заторопившись, стал прощаться. Кланялся во все стороны, говоря прерывающимся голосом: «Прости, народ православный; отпусти, в чем я согрешил перед тобою...»

Экзекутор дал знак, палачи бросились к Пугачеву и стали торопливо раздевать его. Через минуту Пугачева казнили.

Именно в этом 1775 году Радищев уходит в отставку. Вряд ли можно сомневаться в политических мотивах этой отставки. Радищев бросает военную службу, уходит из штаба петербургского главнокомандующего и делает все это в момент начавшейся жестокой расправы над «возмутителями». Несомненно, Радищеву предстояло исполнять волю монархини и карать «мстителей». И он не пожелал быть этим орудием ненавистной ему Екатерины. Уже был известен в России пример использования отставки, как средства сохранения своей независимости от правительства. Новиков первый после службы в Комиссии по составлению нового Уложения категорически отказался служить и в возрасте двадцати трех лет сделал беспримерный в России шаг—ушел в отставку, занялся

общественной деятельностью, публично объявив русским людям о своем нежелании служить на государственной службе. Позже, в 80-е годы, к отставке прибегнет Фонвизин. Радищев уходит в отставку в 1775 году, два года не служит совсем, несколько раз уезжает на много месяцев из столицы в Москву и к родителям. В этот период он женится на сестре своего товарища Рубановского Анне Васильевне. В 1777 году он вернулся на службу, но не военную, не юридическую, а хозяйственную, поступив в Коммерц-коллегию, находившуюся под управлением либерально настроенного графа Александра Воронцова, ненавидевшего деспотический режим Екатерины II.

Какой же след оставило восстание Пугачева в сознании Радищева? Все, написанное Радищевым после пугачевского восстания, есть непосредственное, теоретическое, политическое, философское и художественное обобщение опыта великой войны русского народа против помещичье-самодержавного государства, войны, наиболее демократической, предшествовавшей и американской и французской буржуазным революциям.

В самом деле массовость, широта, продолжительность и демократичность движения позволили уяснить Радищеву общественно-политические проблемы русской жизни. Было совершенно очевидно, что в основании этого всенародного движения лежат общие, социально-политические причины.

Царствование Екатерины II ознаменовалось усилением «тяжести порабощения», увеличением прав дворянства. Крепостное право было доведено до своих крайних пределов. Сотни тысяч крестьян, до того вольных, были розданы новоявленным вельможам на вечное владение, приписывались к заводам, превращались в рабов, лишенных всех прав. «Доведенные до крайности», крестьяне беспрестанно восставали против своих угнетателей. За первые десять лет царствования Екатерины было более пятидесяти крупных волнений и крестьянских бунтов, среди которых особое внимание привлекали крупные «возмущения» на шуваловских и демидовских заводах. Так созревали условия для огромного антифеодального восстания. Нужен был только толчок, чтобы привести в движение угнетенные массы. Радищеву становилась ясной справедливость и законность этой борьбы против мучителей-дворян и чиновников. Восстание Пугачева отчет-

ливо показало ему, что первейшей задачей русского освободительного движения является борьба с крепостничеством и самодержавием. Больше того, становилось ясным, что единственным путем достижения этого является восстание, революция, ибо никогда ни помещик, ни самодержец не уступят в чем-либо своим крепостным, не откажутся от своих прав. Дикий разгул реакции, усиление гнета после поражения народа с необыкновенной силой убедительности доказывали это. Даже тысячи вздернутых на виселицы помещиков, даже страх перед новой пугачевщиной не заставил дворян хоть немного поступиться своими правами. Чем яснее видел это Радищев, тем отчетливее становилась его мысль, что надежды можно возлагать только на восстание, только на сам народ. Так, после опыта крестьянской войны, возглавляемой Пугачевым, он станет глашатаем крестьянской революции.

Развивая свою теорию революции, Радищев многократно говорит при этом о мщении. Революционер, республиканец, он вкладывает в это слово особый смысл. Мщением он называет крестьянскую войну под руководством Пугачева. Мщением именуется будущая русская революция, в честь которой он пишет свою пламенную оду «Вольность». Этим словом Радищев стремится подчеркнуть справедливое, исторически законное право угнетенных народных масс силой оружия вернуть отнятую у них свободу. Больше того: слово это передает всю веками накопленную суровую ненависть крепостных к своим поработителям и мучителям, решимость и долг беспощадно бороться с ними.

Между прочим в употреблении слова «мщение» сказался демократизм Радищева. Проповедуя революцию, призывая русских крепостных «избить дворянское племя», возвести самодержца на плаху, он говорит языком, понятным широким массам народа. Книги его они не могли прочесть, —это Радищев отлично знал. Но слово «мщение» сходило с их страниц, становилось лозунгом, ясной программой действий, вдохновляющим на великое и правое дело. Поэтому, употребляя разные термины: возмущение, мщение, восстание, Радищев всегда подразумевает одно—революцию, вооруженную борьбу крепостных против своих угнетателей, ниспровержение устоев феодального государства и утверждение республики свободных тружеников. Таким образом «мщение» включает в себя

й момент великого созидания, когда мстители, расправившись с «венчанным злодеем», будут творить новую государственность, новые социальные отношения, новую культуру. Употребление этого термина в радищевской теории революции, следовательно, объясняется конкретно историческими условиями той эпохи, пропагандистскими задачами Радищева.

Пугачевское восстание решило вопрос и о будущей культуре, о ее творцах. Господствующая дворянская теория утверждала, что культуру создают избранные. Именно это обстоятельство и оправдывало справедливое, по мнению господствующих классов, общественное разделение на трудящееся большинство и управляющее меньшинство. Это меньшинство творило искусство, создавало науку, литературу, управляло государством, организуя в нем жизнь. Народ, мужик, мог лишь только пахать.

Еще до пугачевского восстания в русских сатирических журналах и в новиковском «Трутне» в частности писалось о нелепости и дворянско-своекорыстном характере этой теории. Эпоха Петра, богатая фактами массового народного творчества во всех областях жизни, многогранная могучая деятельность гениального Ломоносова, политические речи крестьянских депутатов в Комиссии по составлению нового Уложения и многое, многое другое позволяло Радищеву критически отнестись к этой реакционной теории. Но крестьянская война за вольность радикально и коренным образом раз навсегда покончила с нею.

Многочисленные стихийные бунты, беспрестанно возникавшие в России, ограничивались всегда лишь уничтожением своих мучителей. Поэтому многие дворянские идеологи старались доказать, что восстания крепостных бессмысленны, творчески бесплодны и что они лишь сеют разрушение. И вот именно в восстании, несмотря на всю его стихийность, Радищев увидел творчество народа. Пугачев не только сражался с екатерининскими генералами, чинил суд и расправу над помещиками и царскими чиновниками, не только разрушал старые, ненавистные народу порядки.

Во главе восстания был штаб—«Военная коллегия». Он состоял из людей, выдвинутых народом, из «мстителей», и именно мщение проявило в них доселе дремавшие

духовные силы, таланты, нравственные качества. Вчерашний беглый крепостной Хлопуша стал страстным «прорицателем», «возмутителем», воодушевлявшим своими речами обездоленных, стал незаурядным полководцем. Рабочий Белобородов стал полковником, принял командование артиллерией; крестьянин Михаил Шигаев—продовольственным комиссаром армии; казак Иван Чика-Зарубин—одним из организаторов военных отрядов, ближайшим помощником Пугачева. Да и сам Пугачев, вчерашний казак, по бедности ходивший наниматься в работники к богатым хозяевам, стал государственным деятелем, вождем восстания.

Указы Пугачева свидетельствовали о попытках организации новых экономических порядков. Штабом Пугачева отменялось крепостное право, даровалась вольность, жаловалась земля, отменялись старые подати и назначались новые налоги, нужные для ведения войны, делались попытки создания своей администрации. Все эти факты были известны Радищеву. Несомненно, все эти мероприятия не могли изменить общего, стихийного характера движения. Но вместе с тем они были объективным, реальным и документально достоверным свидетельством творческих возможностей народа. Восстание продемонстрировало и готовность и способность самого народа не только освободиться от своих мучителей, но и своими руками создать новую государственность, новую культуру. Все это позволило Радищеву понять: именно восстание есть наивысший акт народного творчества. Такое понимание открывало широкие перспективы. Дворянство, отчаянно защищавшее свои права на чужой труд, установившее режим рабства и деспотизма, превратилось в паразитический, антиобщественный класс. Народ, во имя «святой вольности», украденной дворянством, доведенный до крайности тяжестью порабощения, восстает. Осуждая режим рабства, ненавидя угнетателей, Радищев именно в годы ожесточенных боев народа с палачами и мучителями решительно порывал со своей средой. Опыт восстания воодушевлял его глубокой, проникновенной верой в светлое будущее России. Народ своей борьбой за вольность утвердил убеждение Радищева, что именно он есть истинный субъект истории, ее хозяин, ее создатель и творец.

Все это поставило перед Радищевым глубоко личный вопрос: нужно было решить, что же делать ему, дворя-

нину, с этим убеждением, как жить в крепостнической России после поражения восстания и торжества екатерининско-потемкинской реакции?

Служба в Коммерц-коллегии у Воронцова, честное исполнение своих обязанностей, внимание и уважение сиятельного начальника к его с блеском развернувшемуся дарованию глубокого экономиста, государственного деятеля, быстрая служебная карьера—в 1780 году он уже помощник начальника Санкт-Петербургской таможни, а в 1785 году—фактический ее управляющий,—все это не могло удовлетворить Радищева. Он стремился к деятельности общественной, к деятельности на благо страдающего в оковах народа. Какой же могла быть деятельность в эту пору? Конец 70-х годов знаменовался в России господством реакции. Ужас перед народным возмущением сплотил дворян. Оппозиционные настроения, характерные для известной группы общественных деятелей (Панин, Сумароков, Херасков и др.), пали сами собой перед лицом смертельной опасности, каким было для них пугачевское восстание. В год расправы над восставшими когда-то бывший в оппозиции Сумароков стал славить Екатерину. Екатерина объявила себя «казанской помещицей» в знак полной солидарности с дворянством. Вокруг «казанской помещицы» дворянство сплотилось с ликованием—монархиня оправдывала их доверие. Многие из числа субъективно-честных дворян, отлично понимавшие справедливость требований крепостного крестьянства, лично ненавидевшие рабство и деспотизм, не видя средств и путей к изменению существующего положения, с презрением отвернулись от потемкинского режима произвола. Они демонстративно уходили с поприща общественной деятельности, замыкались в кругу собственных, личных, моральных проблем и интересов, не желая присутствовать на празднике победивших рабовладельцев. На этой почве широко развернулось масонство—религиозно-нравственное течение, объединившее в свои тайные общества прежде всего этих людей, решивших, что если нельзя уничтожить или хотя бы уменьшить социальное зло, то можно не увеличивать его, что если нельзя исправить «порочные» натуры русских крепостников, то можно заняться собственным нравственным усовершенствованием. Масонство не было идейно однородным течением. В 80-х годах появились и открыто-мистические, воин-

ственно-реакционные ордена, каким, например, был орден розенкрейцеров, руководимый сначала мистиком Шварцем, а затем шарлатаном и политическим авантюристом Шредером. Но вне зависимости от оттенков и программ различных орденов масонство в целом объединяло, как правило, ту дворянскую интеллигенцию, которая, отказываясь от общественной деятельности, не пожелала что-либо сделать для изменения судьбы крепостных. Высшей формой активности этих «самоусовершенствующихся личностей» была милостыня, подаваемая «несчастным». Вот почему Радищев ненавидел масонство и зло высмеивал его.

Только немногие деятели отваживались продолжать свой прежний путь, и среди них первое место занимали Фонвизин и Новиков.

V

В этих условиях Радищев и начал свою деятельность. Все настоящее России, ее будущее, общественно-культурная жизнь отечества, все идеологические ценности мира — философские, политические, социологические, эстетические теории—рассматривались отныне Радищевым, человеком энциклопедических знаний, в свете опыта вооруженной борьбы русских крепостных. До нас дошли бумаги Радищева—его замечания о прочитанных книгах, его выписки по истории, его мысли о распространенных просветительских теориях,—эти рукописи, только теперь публикуемые, помогают нам восстановить содержание и характер идейной работы Радищева в начале 80-х годов.

Естественным было обращение к вопросам политическим и социальным. Здесь прежде всего необходимо было проверить опытом русской истории и русской жизни теории, уже созданные «великими мужами» и получившие мировое распространение. И Радищев останавливается на двух главных деятелях, лидерах двух различных лагерей, умеренного и радикального, во французском просвещении,—на Монтескье и Руссо.

Монтескье—создатель новой социологии, вдохновитель политической доктрины энциклопедистов. Его «Дух законов» был источником воззрений на государство, проповедовавшихся и Гольбахом, и Гельвецием, и Дидро, и Вольтером. Для Екатерины «Дух законов» был «молит-

венником». Что же открыл Монтескье? Как пишет в своих замечаниях Радищев, он «мнимое нашел разделение правлений, имея в виду древние республики, ассийские правления и Францию». Абстрактная, метафизическая теория Монтескье устанавливала три типа государственного устройства: республику, деспотию и монархию. Соответственно этой метафизической классификации также умозрительно делался вывод: республиканско-демократический строй является идеальным, но утопичным, в настоящее время неосуществимым. Деспотия—форма правления отвратительная, противная природе человека, подлежащая уничтожению. Монархия же, смягченная просвещением и вдохновляемая философами,—вот практическая программа для современного устройства политического бытия народов. Именно в силу своей схоластичности, оторванности от реальной истории народов, догматичности эта теория породила политическую концепцию энциклопедистов, которая не могла вооружать освободительное движение народов, а, наоборот, отлично была использована самодержавцами—Фридрихом II и Екатериной II. Поэтому Радищев отвергает социологию Монтескье, называет ее «умствованием», указывая причину ее метафизичности—отрыв от реальной жизни народов и государств: «Монтескье,—заявляет он,—забыл о соседях своих».

Но, как уже говорилось, политическая доктрина энциклопедистов никогда не вызывала сочувствия Радищева. Другое дело—Руссо. Его демократические радикальные воззрения, его теории народоправства казались в лейпцигский период молодому свободолюбцу истинными. Следы влияния самой радикальной книги французского мыслителя «Общественный договор» отчетливо видны в примечании к слову «самодержавство», которым сопроводил Радищев свой перевод книги Мабли. И вот именно теории Руссо подвергаются категорическому и решительному пересмотру после пугачевского восстания. Характерным оказывается уже тот факт, что Радищев ставит его в один ряд с Монтескье, и равно с ним отвергает. Пересмотр шел по всем линиям: политической, философской и эстетической. В отличие от Монтескье Руссо выдвигает в качестве идеала не монархию, а республику. Казалось бы, это являлось свидетельством и радикализма и демократизма Руссо. Но Радищев показывает, что это отличие Руссо от Монтескье только кажущееся, внешнее. В самом деле,

Руссо проповедует республику, но лишь для малых стран и народов. Большие же государства и народы должны довольствоваться, по Руссо, монархией. И здесь Радищев стремится выяснить причину «умствования» — оторванность от жизни, от истории, от политической практики народов, умозрительность теоретических построений. В своих заметках по этому вопросу он пишет: Руссо, «не взяв на помощь историю, вздумал, что доброе правление может быть в малой земле, а в больших — должно быть насилие». Последнее замечание крайне характерно: по мнению Руссо, в «больших землях» должна быть монархия; Радищев же переводит это понятие на свой язык: насилие. Так, кстати сказать, было всегда у Радищева: монархическое правление было для него тождественно с насилием. Дав оценку политическим и моральным воззрениям Монтескье и Руссо, Радищев в крайне выразительных словах передает свое общее отношение к ним: «Монтескье и Руссо с умствованием много вреда сделали».

Той же метафизичностью, по Радищеву, отличаются и воззрения Руссо на общественную природу человека. В «Общественном договоре» Руссо заявляет: человек свободен от рождения. Свобода эта есть следствие человеческой природы. Истинное состояние человека, когда он ощущает себя вполне свободным, — состояние одиночества. Это естественное его состояние. Но в силу развития человеческого общества «первобытное состояние не может более существовать». Чтобы защитить себя и свою свободу, человек должен жить в обществе, у него «не остается другого средства самосохранения, как образовать путем соединения сумму сил». Но, соединившись в общество, человек теряет часть своей свободы. Как же быть? Руссо берется «найти такую форму ассоциации, которая защитила бы и охраняла совокупной общей силой личность и имущество каждого участника и в которой каждый, соединяясь со всеми, повиновался бы, однако, только самому себе и оставался бы таким же свободным, каким был и раньше». Так, по Руссо, общество, союз, нужны человеку лишь для него, для его защиты. Пребывая в обществе, он использует его для своих целей, всячески ограждая себя от этого общества и спасая от него свою свободу.

Радищев полностью отвергает эту теорию, как антиобщественную, индивидуалистическую, противоречащую инте-

ресам народа. В бумагах Радищева находится незавершенный набросок трактата о коренных проблемах нравственности и бытия человека под названием «О добродетелях и награждениях». Весь этот набросок—опровержение философии «Общественного договора», первая попытка изложения иной теории о человеке и обществе. Общество, союз,—по Радищеву,—создаются не для защиты индивидуальной свободы индивида, а для «обуздания» тех, кто покушается на общие права людей. «Воззванные в общежитие всесильным гласом немощей и недостатков человеки скоро познали, что для обуздания наглости и дерзновения нужна была сократительная сила, которая, носяся поверх всего общественного союза, служила бы защитою слабому, подпорою угнетенному». Центральная же мысль радищевского рассуждения—общество не посягает на права и свободу человека, но раскрывает в нем дремавшие силы, пробуждает и воспитывает качества, обогащающие его личность. «Единственность», по Радищеву, гибельна. «Подернутые мглою бездействия, объятые мраком самоневедения или неощущения, силы человеческие дремавшие, уснувшие, паче или поистине мертвые в единственности, воспрянули в общественном сожитии, укрепилися взаимно, распространилися, возвысились и, объяв все не токмо существующее, но и все возможное, возмечтали и то, что им несоразмерно, касаяся пределов даже божественности».

Только в союзе, в обществе,—подчеркивает Радищев,—человек может ощутить свое достоинство, свою свободу. «Немощны, дебелы, расслаблены во единице, едва не всесильны стали в сообщении, творяй чудеса яко боги». Совершенно очевидно, что все эти утверждения Радищева об общественной природе человека, о силе союза носят глубоко демократический характер и являются теоретическим выражением опыта «союза» крепостных «немощных во единице», но ставших «едва не всесильными в сообщении» в пору активной защиты своих прав, попранных угнетателями. В этом же отрывке Радищев, прямо обращаясь к угнетенным, призывает их понять «силу вашу общую», которая «тебе и собратии твоей присно сущна». Речь Радищева в этих заметках утрачивает спокойствие ученого мыслителя. Она горяча и призывна, будто произносит ее человек, «вышедший на лобное место», когда «все взоры на него стремятся, все ожидают с нетерпением его прорицания»: «дерзай желати своего блаженства,—

утверждает Радищев,—и блажен будешь. Блажен в общественном союзе, блажен и в твоей единственности».

И Монтескье и Руссо Радищев обвинял в незнании жизни, истории, в оторванности от опыта политического и социального бытия народов. В 80-е годы сам Радищев напряженно занимается русской историей, читает летописи, исторические сочинения, проводит огромную работу по изучению экономического положения современной ему России, пишет исследование об экономике Петербургской губернии, знакомится с русским законодательством, с практикой исполнения законов, судами и исполнительной властью, сам начинает писать, видимо, по заказу, сочинение «Опыт о законодавстве». На место «умствований», метафизики Радищев ставит конкретную, достоверную историю, факты, документы.

Сохранившиеся радищевские замечания по истории свидетельствуют, что в древней Руси и в недавнем прошлом русского народа Радищев ищет ответа на вопрос об исконных начальных формах его политического бытия. И в Киеве, и в Новгороде он находит «веча или народные собрания». Именно «на оных сборищах основывалась наипаче вольность народа». Княжеская власть, замечает он, не была сильной. «Князя Всеволода новогородцы, лиша правления, держали два месяца в заточении». Эта исконная вольность народа была насильственно отнята князьями. У народа отнимали права, порабощая его.

История свидетельствовала Радищеву—царская власть и народ антагонистичны. Цари и князья отняли вольность у народа и с каждым годом, с каждым столетием все более и более его закабаляли. Но в то же время Радищев видел, что в деятельности некоторых монархов было много прогрессивного, нужного для блага всего русского государства. Царь Иван Васильевич «соединил разрозненную на уделы Россию», «возбудил государственные силы, всегдашним разделением и от ига татарского в недействие пришедшие», «он положил основание того величества, которого Россия достигла», «царь Алексей Михайлович оградил Россию от поляков», «Петр произвел окончательные преобразования всего огромного государства». Этими царями исчерпывается список самодержцев, в деятельности которых Радищев видел прогрессивные черты. Но и они,—и это очень важно для Радищева,—укрепляя русское государство, приносили ему в жертву интересы

народа, порабощая и закабаляя крестьянские массы. Именно это последнее обстоятельство, засвидетельствованное опытом русской истории, позволило Радищеву окончательно отвергнуть надежду на монархию, надежду на самодержца, каким бы «великим», «добрым», «мудрым», «просвещенным» он ни был. В любом своем виде, в любой своей форме монархия—смертельный враг народа, она держит народ в узде рабства; и народ поэтому вправе вернуть себе то, что было отнято у него силой.

Так, из глубокого изучения русской истории, социального бытия народа, его экономического и юридического положения, из обобщения опыта его освободительной борьбы рождалась радищевская теория народной революции, как единственного пути к вольности,—теория, чуждая умозрительности, проникнутая историзмом, глубоко и органически связанная с прошлым русского государства, с судьбой русского народа, отвечающая насущным потребностям миллионов крепостных крестьян, вооружающая русское освободительное движение.

Учитывая условия развития русской общественности, Радищев и принимает решение стать писателем. Отрывки теоретических работ по истории, социологии, экономике, юриспруденции остались незавершенными. Чтобы придать своим теориям бóльшую силу общественного воздействия, он приступает к созданию художественных произведений, пронизанных этими политическими идеалами. Радищев избирает писательство, рассматривая слово как сильнейшее оружие. Но не просто печатное слово, а свободное слово, ибо он хочет писать, минуя царскую опеку. А предстояло написать правду о политическом бытии России, о положении народа, о деспотизме екатерининского правления, об антинародности любой формы монархии, о революции, которая одна может только преобразовать отечество на началах вольности. Это, конечно, правительство не разрешило бы сделать открыто. Поэтому надо было найти способ, чтобы свободное слово достигло соотечественников, открыло бы им глаза, вооружило бы их в жизни и деяниях.

Опыт русской литературы наглядно свидетельствовал о том, как велика действенная сила свободного слова. Ломоносов, Новиков, Фонвизин высоко подняли значение писателя, его общественную роль. Опираясь на эти достижения, Радищев шел еще дальше. Для него писатель—

не только гражданин, но революционер, «прорицатель вольности» и потому активный политический деятель, вождь освободительного движения. Свое учение о роли писателя в обществе Радищев многократно излагал в своих трудах. Он писал: «Недостойны разве признательности мужественные писатели, восстающие на губительство и всесилие, для того что не могли избавить от оков и пленения». Это определение открыто обобщало прежде всего собственный опыт. Писатель «восстает на губительство и всесилие», он «прорицает вольность», но это лишь часть задачи: писатель должен не только карать, обличать и судить власть, «губительства и всесилия»,—он еще обязан воспитывать общество, бороться с заблуждениями, множить число своих единомышленников.

Радищев утверждал, что если современникам и потомкам «предлежит заблуждение, если, оставя естественность, гоняться будут за мечтаниями, то весьма полезный был бы труд писателя, показавшего нам из прежних деяний шествие разума человеческого». И опять это определение задачи писателя вытекало из конкретных русских обстоятельств. Русская дворянская общественная мысль в 80-е годы переживала кризис. Часто увлекалась она «мечтаниями», пагубными для народа, множество «заблуждений» выдаваемы были за истину. С начала 80-х годов в русском обществе намечаются некоторые изменения, знаменовавшие собой начало нового подъема, начало роста и консолидации оппозиционных екатерининско-потемкинскому режиму сил. Все тот же роковой для дворянского государства, неразрешенный крестьянский вопрос с новой силой вставал перед помещиком, самодержцем, обществом. Настроения томящегося в рабстве крестьянства, затаенно ждавшего случая для новой войны против мучителей, питали мысль передовых дворянских деятелей, определяли развитие и активность литературы.

Именно в этот знаменательный период широкие и разнообразные круги русского общества проявили интерес к вспыхнувшей далеко за океаном войне американского народа против англичан. Известия из-за океана волновали умы. Выражая интерес к политике широкого читателя, в основе своей не дворянского, Николай Новиков наполнил свою газету «Московские ведомости» подробными известиями о ходе войны, о победах народа, о завоеванных

конституциях и т. д. В своих журналах, и прежде всего в «Московском издании», он печатал статьи, в которых приближался к пониманию того, что существуют войны захватнические, которые ведутся ради корыстолюбия королями, и «справедливые» (терминология журнала.—*Г. М.*), которые ведутся народом, борющимся за свою свободу и независимость.

Но русское общество не просто интересовалось американскими событиями, оно внимательно их изучало для того, чтобы «размышлять о своих важнейших интересах», о своих домашних, внутренних политических делах.

Передовые дворянские, но радикально настроенные писатели, просветители, изучая американскую революцию, сумели взглянуть на нее через призму исторического опыта борьбы русского крестьянства против крепостнического рабства. В этом сила и своеобразие русских откликов на заокеанские события.

Как уже говорилось ранее, русское просвещение, как мощное идеологическое движение, складывалось в борьбе против практики деспотического режима Екатерины II и политической теории французских энциклопедистов, которая использовалась императрицей для создания легенды о просвещенном характере русского самодержавства. Пугачевское восстание было третьим (после поражения в Комиссии по составлению нового Уложения и выступлений Козельского, Новикова, Радищева в 1768—1773 годах) и самым мощным ударом, нанесенным легенде о просвещенном характере русского абсолютизма. Крестьянское восстание выявило в небывалых дотоле масштабах деспотизм русского самодержавия, его реакционно-феодальный характер. Все дальнейшее (после 1775 года) развитие русской литературы и просвещения проходит под знаком решения тех вопросов и политических проблем, которые были поставлены трагически разгромленным крестьянским движением.

Прежде всего—резко изменилась внутренняя политика Екатерины. Увидев тщетность своих попыток заставить русских просветителей поверить в легенду, созданную на Западе, она перешла к мерам полицейского режима, призвав для практического осуществления намеченных мер Потемкина.

В литературе в эти годы правительственной реакции начинается резкое размежевание, наметившееся еще

в пору расцвета сатирической журналистики. Группа писателей во главе с Петровым и Богдановичем переходит на сторону правительства, открыто выполняя волю монархини. Богданович, отрекшись от «заблуждений» своей юности, порывает с оппозиционной панинской группой, становится редактором официальной газеты «Санкт-Петербургские ведомости», пишет поэму «Душенька», льстиво прославлявшую Екатерину. Василий Петров, с гордостью именовавший себя «карманным поэтом Екатерины», в убогих виршах прославляет русскую императрицу, как монархиню-философа, тщась всеми силами поддержать на русской почве легенду о Екатерине—просвещенном монархе.

Главной же и решающей особенностью передовой дворянской литературы после пугачевского периода явится рост ее политического радикализма. Тема политическая, вместо моральной в предшествующем периоде, становится господствующей. Критика русского самодержавия, обсуждение вопроса об изменении существующего политического режима занимала ведущее место в ее проблематике.

Коренным образом изменяется творчество Фонвизина, достигая вершин дворянского политического радикализма. «Письма из Франции», «Придворная грамматика», «Недоросль», «Вопросы» сочинителю «Былей и Небылиц», наконец совместно с Паниным сочиненное «Рассуждение об истребившейся в России совсем всякой формы государственного правления» (так называемое «Завещание Панина»)—один из самых сильных до-радищевских обличительных документов XVIII века,—все эти произведения резко направлены против екатерининского самодержавства.

Ненавидя деспотизм Екатерины и сочувствуя бедствующему в рабстве народу, негодуя на политику, разоряющую страну, Фонвизин в то же время ограничен в своем радикализме. Трезво оценивая политику Екатерины, он ясно понимал безрассудность своих надежд дождаться исправления положения ее волей. Но вместе с тем, не имея сил порвать с основами дворянского мировоззрения, он беспрестанно развивал излюбленную свою мысль об идеальном монархе, власть которого ограничена законами. Оттого в его творчестве перемежаются «Слово похвальное Марку Аврелию» с сатирой «Придворная

грамматика», «Недоросль», в конце которого содержалась утопическая апелляция к Екатерине, с резким и категорическим «Рассуждением», которое опять-таки было не чем иным, как обращением к монарху, на этот раз—к Павлу. И вместе с тем совершенно очевидно, что в этот период все помыслы Фонвизина обращены к борьбе с деспотизмом.

В 80-х годах Новиков развертывает свою огромную по размаху, небывало разностороннюю издательскую деятельность. Критикуя и обличая в своих изданиях крепостнические порядки, он не поднимался, однако, до сознания необходимости уничтожения самодержавия, как политического строя, при котором неизбежны и рабство, и произвол, и взяточничество, и беззаконие. Он не понял и не принял восстания Пугачева. Как истый просветитель, он верил в силу просвещения, считал, что воспитание есть то «всеобщее врачество», которое обновит мир, есть та сила, умело используя которую, можно покончить с бедствиями и ужасами крепостного права. Состоя в масонской ложе, он сумел сохранить свою независимость от ордена, отверг мистические бредни орденских начальников и, верный своим просветительским убеждениям, использовал масонские связи, деньги «братьев» для создания в Москве замечательного книгоиздательского центра. На протяжении целого десятилетия он действовал с исключительной активностью, объединив вокруг своего предприятия сотни людей—писателей, переводчиков, ученых, редакторов, распространителей книги и т. д., издавая сотни нужных России книг по разным отраслям знания, газету, насыщенную политикой, несколько журналов, из которых наибольшее значение имели «Московское издание» и «Прибавление к «Московским ведомостям», включавшие в себя не только литературные, но и философские, и политические «материи».

Наблюдая рост активности передовых русских писателей в эти годы, Радищев отлично видел слабую сторону политического сознания деятелей, возглавлявших антиправительственный лагерь русского общества. Сильные своей критикой, своим обличением социального зла русской жизни, они были беспомощны в решении вопросов положительной программы. Радищев был практическим деятелем, он считал: мало обличать зло,—его надо

уничтожить. Что же предлагали просветители типа Новикова и Фонвизина? Попрежнему уповали на монарха. Правда, они давно поняли, что Екатерина никогда не осуществит их программы, и в то же время всем своим творчеством, всей своей деятельностью вселяли надежду, что можно изменить положение лишь вмешательством правительства, что монаршая воля—единственный путь к спасению. Это было, с позиций Радищева, заблуждением, «умствованием», тем более опасным, что оно разоружало русское освободительное движение, вредило великому делу ликвидации крепостного права. Вот почему он считал «полезным труд писателя», который, «обнажая шествие наших мыслей к истине и заблуждению, устранит хотя некоторых от пагубные стези»; «блажен писатель,—говорил Радищев,—если творением своим мог просветить хотя единого».

Вот почему писательская трибуна нужна была Радищеву не только для прямой и открытой борьбы с самодержавием. Предстояло вывести передовую русскую мысль из тупика, развеять навсегда, как «бредни», как «полет невежества», всевозможные мечтания о «добром», «мудром», «просвещенном» царе, обогатить политическое сознание современников революционной теорией.

VI

Как писатель Радищев примыкал к тому литературному направлению, которое получило в науке наименование сентиментализма. Установив этот факт, исследователи направляли свое внимание на Запад: там родина сентиментализма, там и следует искать ключи к русскому сентиментализму. Традиция изучения литературного наследия Радищева через призму практики французских и английских сентименталистов, установление их общих корней и общей эстетики—традиция давняя и, к сожалению, не только дожившая до наших дней, но и прочно удерживающая свои позиции именно сегодня.

Сентиментализм трактуется как единое, общеевропейское, антифеодальное течение. Сентиментализм, согласно этим теориям, представляет собою тип мышления, свойственный определенной исторической эпохе, это некая сумма стойких и неизменных принципов, проблем и тем,

приемов и характерных особенностей стиля. Отсюда — общий, единый ряд писателей-сентименталистов: Ричардсон и Гете, Руссо и Радищев, Стерн и Дидро, Карамзин и Клопшток. Каждый из них, конечно, в какой-то мере индивидуален, и даже в меру этой индивидуальности, определяемой национальными и социальными обстоятельствами, самобытен. Но основа художественного мышления, основа эстетики, темы и стилевые принципы — о б щ и для всех сентименталистов.

Методологическая несостоятельность этого построения очевидна. В основе этой теории е д и н о г о европейского сентиментализма лежат три глубоко ошибочных, буржуазных в своем существе концепции.

Во-первых, эта теория явно идеализирует сентиментализм. Все это течение в силу одного признака—признания внесословной ценности человека—рассматривается как эстетическое выражение буржуазной революции и поэтому объявляется в своих наиболее последовательных выражениях (Дидро и Руссо прежде всего) революционным. Такое толкование сентиментализма не соответствует его реальному содержанию, не отражает фактического положения вещей.

Второй ошибкой исследователей является имманентное изучение сентиментализма как явления, замкнутого в самом себе, оторванного от своей национальной и социальной почвы.

Наконец третья группа ошибок этой общей концепции проистекает из традиционного в дворянско-буржуазной науке пренебрежения к русской культуре. Следствием игнорирования ее явилась неразработанность проблем рождения, развития и становления р у с с к о г о сентиментализма, органически порожденного ходом русского исторического процесса и соответствующего уровню и содержанию русской политической и философской мысли.

Именно эти причины привели к неверному, ошибочному и потому крайне обедненному представлению о Радищеве-писателе. Он весь, с первого дебюта—«Дневника одной недели»—до последнего произведения объявляется воспитанником и талантливым продолжателем Руссо, хотя и в русских условиях. Разоблачение этих антинаучных, противоречащих действительным фактам теорий — насущная задача советской историко-литературной науки.

Сентиментализм как литературное направление возник на конкретной исторической почве—в Англии после победы буржуазии, во Франции накануне начала борьбы буржуазии за политическую власть. Сентиментализм средствами искусства вел войну с феодально-общественным правопорядком. Он провозгласил человека высшей ценностью мира. Не сословная принадлежность, не чин, не звание, не богатства и род, а достоинство, индивидуальные и неповторимые качества и способности, составляющие личность! Не богатство кармана, а богатства души, ее способность чувствовать и переживать! «Человек велик своими чувствами»,—заявлял Руссо. «Человек!—говорил Бомарше,—твое величие на земле заключено не в твоем положении, а в твоей личности». Это признание внесословной ценности человека имело огромное прогрессивное значение, делало искусство сентиментализма поэтому антифеодальным.

Утверждался сентиментализм в борьбе с классицизмом—искусством придворно-аристократическим. Прозаический роман из жизни человека среднего состояния, слезная драма и жанровая живопись составляли боевой авангард нового течения в искусстве. Сороковые—шестидесятые годы XVIII столетия—годы утверждения этого искусства. Процесс этот с особой отчетливостью наблюдался во Франции. К искусству этой страны мы и обратимся.

В литературе правящего дворянского класса господствовала трагедия. Проблематика трагедии, ее герои, структура, торжественный, приподнятый стихотворный язык, пышное, декоративное оформление, техника актерской игры—все было глубоко и принципиально аристократическим. Зрительный зал—двор короля Людовика XV—с одобрением смотрел на сцену, узнавая и приветствуя свое приукрашенное, героизированное изображение.

Буржуа не желал восхищаться образами ненавистных ему дворян и аристократов, представленных к тому же в таком облагороженном виде. Он хотел видеть себя на сцене. Так появилась, в противовес трагедии, слезная драма. Исчезла стихотворная речь—речь богов, появилась проза, обычная, бытовая речь простого человека; исчезла условность пышной античной декорации—появился быт, знакомый и милый глазу домашний очаг.

В нем зажил, заговорил, занялся своими будничными делами «человек среднего состояния». Новый герой вышел на подмостки не как робкий проситель; он чувствовал свою силу и хотел господствовать. Оттого он устроился по-хозяйски, вытащив на сцену рядом с собой свою семью, свои интересы, свои вещи и, главное, свои добродетели. Дворянству, погрязшему в роскоши, безделье, разврате, буржуа тщился противопоставить свое трудолюбие, бережливость, хозяйственность, святость семейных традиций. В утверждение своих добродетелей буржуа даже возвышался до пафоса, до патетики. Сидя в зрительном зале и любовно созерцая свой портрет, он плакал, умилялся, восхищался и гордился сам собой.

Рука об руку с театром шла новая живопись. Чувственному, галантному Ватто, аллегорическому и мифологическому Пуссену, оперно-декоративному Буше, этому первому художнику короля, мастеру обнаженного женского тела, третье сословие противопоставило Шардена, Греза, Леписье, Рюбера и других. Они свели искусство с высот мифологии, аллегории и абстракции на землю. Их трубадур и идейный вдохновитель Дидро ратовал за реальное, верное природе искусство. Такое искусство должно было быть правдивым. Жизнь третьего сословия, жизнь городского буржуа, его очаг, как истинный хранитель высшей добродетели и нравственности, объявляется действительным объектом художника. Греза и Шардена Дидро объявляет своими идеалами. Их живопись—поэзия обыденной жизни. Они воинственно нравственны, они потрясают зрителя и вызывают глубокое моральное сочувствие к бесхитростной, внешне скупой, но богатой чувствами жизни—отца семейства, хозяйки очага, точильщика, прачки и т. д.

Третье сословие выступало против сословных преград между людьми, выдвигая в противовес породе свою неповторимую индивидуальность, свои добродетели, требуя свободы своим чувствам. Писатели-романисты возвысили свой голос в защиту прав утесненной сословными предрассудками человеческой личности. Одним из первых начал Прево. Он показал всесильную, всепоглощающую любовь дворянина де-Грие к девушке низкого состояния—Манон Леско, показал, как эта естественная любовь кончилась трагически, причиной чего явились ненавистные сословные предрассудки, социальное неравенство,

господствующие в обществе. Через тридцать лет радикальный мыслитель Руссо создал апофеозу чистой любви бедного учителя Сен-Пре к аристократке Жюли («Новая Элоиза»). И чем сильнее показывал писатель неведомую дотоле глубину страсти, сложность и красоту их душевной жизни, тем сильнее звучал приговор дворянско-аристократическому обществу,—это оно обрекло людей на несчастье, на страданье, поставив на их пути неодолимую преграду—социальное неравенство.

Именно за эти-то черты сентиментализм и был провозглашен боевой, революционной идеологией. При этом забывалась буржуазная природа идейной сущности сентиментализма, а его идеалы трактовались как общечеловеческие, имеющие не только историческую, но и вечную ценность. Тот факт, что буржуазии, как указывал Маркс, даже в момент революции надо было скрывать узкоклассовый и потому своекорыстный и эгоистический характер своих политических целей и выдавать свои добродетели, свои убеждения и интересы за всеобщие, оказался в забвении. Оказалось забытым и замечание Энгельса о том, чем в действительности было провозглашенное просветителями «царство разума: «Теперь мы знаем,—писал Энгельс,—что это царство разума было не больше, как идеализированное царство буржуазии»[1].

В чем же состоит буржуазная природа самых передовых идей сентиментализма, объективно, в свою эпоху даже сыгравших прогрессивную роль? Прежде всего—в его индивидуализме. С самого своего возникновения буржуазия, борясь против феодальной привилегированной замкнутости за свободную промышленность, свободную торговлю, свободное общество, порождает «...всеобщую борьбу человека против человека, индивидуума против индивидуума. Таким же точно образом и *все буржуазное общество* есть война отделенных друг от друга исключительно своей *индивидуальностью* индивидуумов друг против друга...»[2] Само понимание индивидуальности, личности, их достоинств и чувств содержало совершенно точный, конкретно-социальный смысл: для буржуазии существовать как инди-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, стр. 357.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. III, стр. 144.

видуальность значило существовать как буржуа. Великий русский революционный демократ Чернышевский совершенно отчетливо уловил этот буржуазный смысл, например, в экономической теории вид нейшего идеолога буржуазии—Тюрго. «Давая человеку достоинство,—писал Чернышевский,—он делал его одиноким, его величие он основывал на эгоизме, он провозглашал под именем конкуренции войну между интересами, под именем свободы—оставление бедного без помощи»[1]. Именно поэтому буржуазное общество как основу своей общественной морали выдвигает эгоизм, который, по словам Маркса, в буржуазном обществе есть «необходимая форма самоутверждения индивидов»[2].

Индивидуализм определил принципиальную антиобщественность буржуазного правопорядка. Он сделал условием существования личности ее отчуждение от общества, от окружающего мира, он определил его потенциальную враждебность и равнодушие к другим людям, к их судьбам. Человек сентиментализма велик своим чувством, своей любовью, своей семьей, своим очагом, своими добродетелями—всем с в о и м, потому что только в этой сфере он ощущал себя как личность. И далеко не случайным поэтому, а исторически закономерным было убеждение Руссо, что человеку не свойственно общественное бытие, что ему враждебно общежитие («Рассуждение о происхождении и основаниях неравенства среди людей»).

Если мы взглянем с этих позиций на искусство сентиментализма, то увидим, как полно выразило оно эти идеалы. Начнем с слезной мещанской драмы и ее творцов—активных общественных деятелей третьего сословия—Дидро, Де-Ляшоссе, Мерсье, Седэна, Бомарше. О чем писали они? «Побочный сын», «Отец семейства», «Два друга», «Преступная мать», «Женитьба Фигаро» и т. д. Как видим, единственная и центральная тема—семья, семейные радости, семейные несчастья. С драмой глубоко и органически связана живопись. Что пишет Шарден? Какие сюжеты волновали его, одушевленного стремлением показать величие человека, его внутренний мир, утвердить его внесословную ценность? Вот они: «Трудолюбивая

---

[1] Н. Чернышевский. Сочинения, т. IV, стр. 230.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. М., 1933, стр. 227.

мать», «Утренний туалет», «Молитва перед обедом», «Гувернантка» и бесконечные натюрморты, любовно изображающие предметы домашней утвари, окружавшие человека в его повседневном быту и столь милые, уютные для глаза собственника. Что открыл, что нового выразил Грез? Вот его сюжеты: «Паралитик», «Деревенская свадьба», «Балованое дитя», «Мальчик с куклой» и т. д. Неизменно, когда мы обращаемся к французскому сентиментализму, перед нами выступает все тот же круг идей, все те же герои, все та же философия человека. Говорят о личности, о ее неповторимости, а пишут семьянина-собственника; превозносят великие духовные ценности человека—изображают самодовольного буржуа за обеденным столом, играющим с собачкой, совершающим утренний туалет; требуют свободы и показывают, как реализована эта свобода в семейном очаге, в уютном мирке близких по крови людей, домашних вещей, домашних животных. Перед нами в сентиментализме предстает не просто живой, окруженный бытом человек третьего сословия, но прежде всего **частный** человек, равнодушный к окружающему миру, занятый собой и своим достатком, находящий свое счастье в кругу близких по дому людей и ему лично принадлежащих вещей. И этот частный человек даже в годы, когда еще предстояло бороться, когда надо было хотя бы для обеспечения своего же будущего благополучия совершить революцию, жертвуя собой, своим уютом, ниспровергать дворянско-феодальное государство,—даже в эту пору не может скрыть своего нежелания покинуть очаг, своего стремления жить для себя, жить в довольстве, жить умеренно и аккуратно.

Шарден, художник, боровшийся против дворянского искусства, заложивший основы новой эстетики, один из идеологов третьего сословия,—за несколько лет до революции написал свой автопортрет. И что же увидел зритель? Добродушный старый человек, с мягким взором окруженных мелкими морщинами глаз, видимо только поднявшийся с постели, так как на нем ночной колпак, а на его шее—теплый платок. Это был портрет милого дедушки, частного человека, а не художника, открывшего новую эру в искусстве.

Художник Жан Рюбер решил написать цикл картин о Вольтере. Что увидел он в этом лидере просвещения,

воителе против церкви, активном борце третьего сословия против деспотизма, против всего феодального уклада жизни? Частного человека. Он пишет картину «Вольтер на прогулке»—маленький тощий старичок лихо несется на коляске, но, неумелый кучер, он наезжает на камень. Он пишет другую картину—«Завтрак Вольтера». В домашнем небрежном туалете перед нами тот же старичок, лукаво улыбающийся принесшей ему чашку утреннего кофе служанке. В третьей картине— «Утро Вольтера»— художник как бы вплотную подходит к большой теме— Вольтер-писатель. И опять: перед нами все тот же старичок, вставший только что с постели, что-то небрежно диктующий своему секретарю и занимающийся в то же время главным делом: подпрыгивая на одной ноге, он стремится натянуть на себя панталоны. Перед нами нет Вольтера-трибуна, Вольтера-писателя, Вольтера-общественного деятеля, чьи сочинения читала вся Европа, кто способствовал разрушению твердыни деспотической власти и всемогущей церкви. Художник изобразил сухонького, с оригинальным лицом, старичка, с не менее оригинальными причудами, оригинальным бытом. Пути развития русской литературы были совершенно иными.

VII

Литературной деятельностью Радищев начал заниматься тотчас после приезда из Лейпцига. Видимо, сразу после перевода книги Мабли, то есть в первой половине 70-х годов, он пишет «Дневник одной недели»—свое первое художественное произведение и, пожалуй, первое в России законченное сентиментальное произведение. «Дневник»—это лирическая исповедь духовно потрясенной личности, запись беспрестанно меняющихся психологических состояний человека, пристально вглядывающегося в жизнь своего сердца. «Дневник»—блестящий дебют молодого писателя. Все в нем—замысел, тонкость анализа, мастерство передачи быстро сменяющихся впечатлений, язык, передающий интенсивность и напряженность душевной жизни,—изобличают талант и мастерство художника, отлично усвоившего принципы и стиль своих учителей, и Руссо в первую очередь. Но, написав такое произведение, Радищев не печатает его—обстоятельство

первостепенной важности, которое должно быть отмечено как вторая особенность начала творческого пути Радищева.

После «Дневника» наступает перерыв. Затем вдруг начинается пора интенсивнейшей работы. Происходит это в самом начале 80-х годов. В 1780 году пишется «Слово о Ломоносове»; в 1782 году—«Письмо другу, жительствующему в Тобольске»; в 1783 году Радищев создает первое свое поэтическое произведение—оду «Вольность»; в 1784—1789 гг. он пишет два центральных своих произведения—«Житие Ушакова» и «Путешествие». Произведения 80-х годов резко отличаются от первых опытов, отличаются прежде всего идейно. В переводчике Мабли и авторе «Дневника» мы видим радикального политического мыслителя, ученика передовых идеологов просвещения, писателя, отлично усвоившего основы эстетики сентиментализма. Автор произведений 80-х годов—революционер, самостоятельный мыслитель и самобытный писатель.

Нетрудно заметить, что не случайно в литературной деятельности Радищева так четко могут быть разграничены два периода. Между ними проходит великий рубеж русской истории XVIII века—крестьянская война 1773—1775 гг.

Два года, проведенные Радищевым в России по возвращении из Лейпцига,—годы интенсивной идейной жизни. Уже в этот период, до восстания Пугачева, Радищев, следуя за «вождем своея юности» Ушаковым, начинает критически относиться к апостолу европейского сентиментализма—Руссо. Замечательным свидетельством этого является «Дневник одной недели». При чтении «Дневника» именно эта полемичность по отношению к Руссо прежде всего обращает на себя внимание.

Философским обобщением идейно-эстетических воззрений Руссо на человека, своего рода энциклопедией сентиментальных убеждений, был его педагогический роман «Эмиль, или о воспитании». Именно там мельком высказанный в «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства» тезис об антиобщественной природе человека нашел свое полное, законченное выражение. Центральная идея романа—воспитание человека в полной изоляции от общества. Именно так, в уединении, человек может раскрыть все свои душевные качества, заложенные в нем от природы, обнаружить и проявить себя как личность. Соответственно этой

задаче сформулирован и нравственный кодекс Эмиля, определяющий путь человека к блаженству. В наставлениях учителя Эмиля это сформулировано так: «Я мечтаю о том моменте, когда, освободившись от телесных оков, я стану *Я* без противоречий, без разделения, и не буду нуждаться ни в чем, кроме себя, для того, чтобы быть счастливым; в ожидании этого состояния я стремлюсь к нему уже в этой жизни, так как придаю мало значения всем ее бедствиям, считаю ее почти чуждой для своего существа, и всякое истинное благо, которое я могу извлечь из нее, зависит от меня». И еще определеннее: «О человек! Заключи бытие твое внутри себя и не будешь ты несчастлив».

Радищев перечитывал Руссо, обогащенный своими русскими впечатлениями, опытом своего участия в русском общественном движении. Руссо настойчиво уводил от мира, обосновывал возможность и право человека найти счастье внутри себя. Дух самодовольства пронизывал этот идеал счастья. И действительно, Руссо откровенно заявляет: человек чувствует свое достоинство, свою полноценность тогда, когда удовлетворяется и радуется своей способности тонко и сложно воспринимать мир, глубоко чувствовать и созерцать богатство собственной души. «Не быть довольным своим состоянием—значит не желать быть человеком».

Радищеву становилось ясным: как энциклопедистская теория просвещенной монархии в русских условиях оказывалась союзницей деспотической политики Екатерины II, так и моральная теория Руссо была чужда России, ибо не соответствовала интересам русского общественного движения. В атмосфере этих размышлений и возник замысел «Дневника одной недели».

Основная идея «Дневника» выражена самим Радищевым так: «Как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе». С позиций сентиментализма Радищев стремился дать психологическое обоснование несостоятельности теории уединения. «Дневник» начинался словами: «Уехали они, уехали друзья души моей...» Герой «Дневника», автор записок, остался один. «Везде пусто—усладительная тишина! вожделенное уединение!» И вот тут-то Радищев стремится психологически показать, что требуемое сентименталистами уединение, восхваляемое ими одиночество—нестерпимы, больше того—пагубны для человека.

Уже в первый день герой заявляет: «не мог я быть один». Занятый собой, герой оказывается «почти глухим и немым». На второй день он уже знает: «...я один,— блаженство мое, воспоминание друзей моих было мгновенно, блаженство мое была мечта». Скорбь и отчаяние охватывают его. «Но где искать мне утоления хотя мгновенного моей скорби? Где?» Он прибегает к спасительному совету Руссо: «В тебе самом»; но совет этот оказывается обманным: «нет, нет, тут-то я и нахожу пагубу, тут смерть, тут ад». И тогда он бросается к людям—«в сад, общее гульбище», в «позорище»—смотреть, как играют Беверлея.

Так идет борьба: он уговаривает себя насладиться уединением и томится им, бежит сам от себя. День ото дня, все яснее и яснее он понимает, что одиночество—«се смерть жизни, смерть души». Наконец приходит отчетливое сознание: «Как можно человеку быть одному, быть пустыннику в природе». Счастье и блаженство начинаются с окончанием одиночества. Гонимый тоской уединения, он бежит дома, где должен был, согласно заветам Руссо, «быть блаженным», бежит навстречу вернувшимся друзьям—«выходит—о радость! о блаженство! друзья мои возлюбленные! Они!»

Как видим, в противовес идее уединения Радищев выдвигает принцип общежительства. Позже Радищев еще раз вернется к этому вопросу и прямо назовет идеи Руссо «умствованиями», открыто ополчится на него. «Человек,— заявит он,—рожден для общежития. Позднее его совершеннолетие воспретит, да человеки не разыдутся, как звери. О Руссо! куда тебя завела чувствительность необъятная». Так писал Радищев в 90-е годы, в соответствии со своей уже сложившейся философией и политическими взглядами, но в 70-е годы, несмотря на всю активность критической переоценки центрального догмата буржуазного сентиментализма, Радищев еще не смог до конца сформулировать свою позитивную программу. Русский университет еще не был окончен. Вот отчего в своей критике он опирается пока что на психологические доказательства. Вот отчего его герой, томимый одиночеством человек, дан вне социальной среды и общественной жизни, вот отчего ему чужды интересы других людей, он глух и равнодушен к судьбам своих сограждан: «должность требует моего выезда,—невозможно, но от оного

зависит успех или неудача в делопроизводстве, зависит благосостояние или вред твоих сограждан,—напрасно». Впавший в «бесчувственность» герой, предавшись своим страданиям, своим чувствам, не едет туда, куда призывает его долг. Вот отчего своего утешения он ищет в общении не с людьми вообще, не с теми, с кем связан «по должности», а лишь «с друзьями души».

Человек радищевского «Дневника» ненавидит одиночество, страдание, смерть, он ясно понимает, что «тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни». Он жаждет общения с людьми, но он еще не знает своего общественного призвания, не знает, как и в чем он осуществит себя как личность. Видимо, эту слабость позиций своего героя ощущал Радищев—во всяком случае он воздержался от напечатания «Дневника одной недели».

Разразившееся восстание русских крепостных крестьян помогло Радищеву понять слабость своего «Дневника», слабость своей эстетической позиции—в ней отсутствовала положительная программа, программа превращения литературы в оружие политической борьбы.

Как уже говорилось ранее, крестьянская война создала перелом в мировоззрении Радищева. Параллельно процессу формирования революционно-политической теории Радищев формулировал основы своей эстетики. Определив свое призвание быть прорицателем вольности, революционным писателем, Радищев тем самым определил существо своей эстетики. Она должна была вооружать литературу, выводить ее на арену активной политической борьбы, служить коренным интересам народа, то есть прежде всего содействовать делу освобождения русского крепостного крестьянства.

В соответствии с этим Радищев сделал героем своих произведений передового своего современника, отважившегося порвать с своим классом и объявить «дерзновенную борьбу» всему самодержавно-крепостническому государству.

Радищевский герой враждебен человеку европейского сентиментализма—семьянину, герою очага, замкнувшемуся в крохотном мирке своих душевных переживаний, своих добродетелей, своего самодовольного счастья. Он исторический деятель, преобразователь, бунтарь, политик, живущий в мире, именуемом Россией, для которого интересы родины, интересы угнетенного народа—его соб-

ственные интересы. Он порывает с миром «уединенности», «единственности» и потому всегда раскрывается и самоутверждает себя как личность в общественном деянии, в патриотическом служении. Он всегда выступает в окружении множества людей, в центре больших событий, всегда—вдохновитель дерзких вольнолюбивых деяний и поступков, «прорицатель вольности», «зритель без очков».

Радищев начисто опрокинул и отверг понятие человека, культивируемое сентименталистами. Вместо буржуазно-ограниченной формулы «человек велик своим чувством» Радищев утверждает: человек велик своим сочувствием к угнетенному народу. Это сочувствие помогает порвать с теми, кто равнодушен к окружающим людям, к судьбам своих сограждан. Оно выводит из порочного круга частного, эгоистического и самодовольного существования на широкое поприще общественной деятельности, заставляет искать истинного счастья и блаженства в борьбе за благо отечества, в мщении за томящихся в рабстве миллионов крестьян.

Радищевский герой—не абстрактный умозрительный человек «вообще». Писатель стремился понять «тайну национальности» и передать в изображаемых им людях неповторимые и дорогие ему, как патриоту, черты русского характера. Отсюда желание изображать таких людей, в которых наиболее ярко и отчетливо проявились не просто отличные человеческие качества, но эти качества выступали как русские, национальные, прежде всего потому, что они подтверждались всем опытом русской истории. Поэтому он создает портрет выходца из народа, гениального ученого и поэта Михаила Ломоносова, поэтому его внимание привлекает Петр, величайший деятель русский прошлого, с замечательными чертами смелости, активности, дерзости и размаха, выступавшими как русские качества. Он прославляет вольнолюбие, ненависть к тирании, «твердость в мыслях» в облике реального человека, русского философа Ушакова. Наконец, полный исторического самосознания, он станет писать о самом себе, как о первом русском революционере, передавая свои черты отваги, твердости, неукротимого стремления к свободе, к деятельности на благо страждущего человечества, как черты русского национального характера. Величайшей заслугой Радищева поэтому является создание им первого в мировой литературе образа

человека-революционера, черты которого он пытался раскрыть в своих думах, чувствах, поступках, в складе ума, как черты русского характера.

Это огромная по размаху, дерзновенная по существу работа. В 80-х годах Радищев создавал одно произведение за другим, и каждое практически утверждало новую эстетику, эстетику героической литературы, мощно приуготовлявшей основы русского реализма, утвержденного Пушкиным.

Чтобы понять ход развития литературы, место, занимаемое таким крупным писателем, как Радищев, необходимо «в прошедшем отыскивать настоящее и прозревать в историческую связь явлений». Искусство, по словам Белинского, «со стороны содержания, есть выражение исторической жизни народа»[1]. Каковы же те исторические и социальные обстоятельства, которые определили формирование радищевской эстетики? Каковы те литературные явления, которые помогли Радищеву, послужили ему опорой, дали возможность завершить начатое до него и открыть перспективы для нового развития? Именно в глубокой и органической связи с русской традицией исторический смысл и значенне радищевской литературной революции.

VIII

Стремясь понять своеобразие русской истории и самобытность русского национального характера, Пушкин записывал: «Россия по своему положению, географическому, политическому etc. есть судилище, приказ Европы. Мы великие критики».

Эта пушкинская мысль с поразительной точностью отмечает одну из важнейших черт исторического развития русской литературы XVIII и первой трети XIX веков. В самом деле, стараниями русского дворянства и самодержавных правителей от Петра и до Екатерины II в России тщательно пересаживалось иноземное искусство. Оно оказывалось более близким классовым интересам дворян, чем культура, чем искусство своего народа, чем молодая литература, создаваемая писателями, оппозиционными самодержавному правительству, по-разному

[1] В. Белинский. Сочинения, т. XI, стр. 193.

отражавшими в своем творчестве настроения, чаяния, крепостническое бытие миллионов русских хлебопашцев. Именно поэтому особенностью развития передовой русской литературы является ее борьба с западным влиянием за национальную самобытность и независимость, ее «стремление отрешиться от результатов искусственной пересадки, взять корни в новой почве и укрепиться ее питательными соками»[1].

Ярким примером ограждения русской литературы от западных влияний является творческая деятельность Ломоносова и Новикова. Творчество Ломоносова открывает новую эпоху именно потому, что он определил и обосновал общественную роль искусства, предъявил к поэту требование гражданского и патриотического служения. Гениальным завещанием явилось беспримерное, не знающее себе равных в мировой литературе произведение под названием «Разговор с Анакреоном». Это был первый развернутый манифест русской литературы, формулировавший основы русской национальной эстетики в открытой борьбе с враждебными ей нормами европейского искусства. Эта открытая полемичность выражена в самом названии и в самой сути содержания,—произведение Ломоносова построено, как развернутое опровержение тезисов, выдвинутых Анакреоном.

Почему избран Анакреон? Древнегреческий поэт, создатель антиобщественного, гедонистического чувственного искусства, получил, начиная с XVI века, европейское распространение, стал знаменем целого направления в поэзии, живописи, театре, скульптуре. Мотивы его поэзии—любовь и наслаждение, вино и женщины, человек,упоенный мимолетными чувственными радостями—отражали философско-политическую позицию господствующих классов, оправдывали их эгоистическую, своекорыстную жизнь за счет угнетенных масс народа.

Во Франции, начиная с XVI века, с поэтов Плеяды и ее главы Ронсара, с новой силой возрождается поэзия Анакреона. Создается целое анакреонтическое направление. В конце XVII и начале XVIII века оно станет в центре огромного движения, известного под именем «Рококо», уже не только во Франции, но и Германии и Италии. Поэма, лирика, живопись, театр (опера),

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. XI, стр. 194.

выражая вкусы и требования дворянства, стали средством развлечения. Искусство славило наслаждение, и чувственное наслаждение прежде всего. Оно изображало жизнь человека вечным праздником. Человек этого искусства был изъят из мира общественной и социальной жизни. Он являлся в своем узко эгоистическом мирке частной жизни всегда с бокалом вина, всегда с возлюбленной, на лоне сказочной, условной, аллегорической, парадной природы, всегда в уединении, всегда философствующий о своем праве заботиться об удовольствиях, об утехах, о прихотях. Анакреонтизм—искусство деградирующего дворянства, но искусство воинствующее именно тем, что оно отстаивало частную жизнь человека,—как-то неожиданно оказался близким идеологам просвещения. Поэтому анакреонтические мотивы мы находим у Монтескье и Вольтера, поэтому Вольтер перед смертью первым признает и высоко оценит нового поэта, поднявшего упавшее было знамя рококо,—Парни.

Вот почему Ломоносов дал бой Анакреону, выступив с опровержением его принципов, ниспровергая вождя антиобщественного искусства, глубоко враждебного социальной и исторической практике русского народа, духу русской литературы. Чувство человеческого достоинства у Ломоносова органически было слито с национальной гордостью. Свойственная ему высокая оценка своего поэтического и научного труда определила и композицию произведения. Оно построено, как спор двух лидеров: Анакреона—всемирно известного поэта, вождя и учителя воинствующей школы антиобщественного искусства, и Ломоносова—главы русской литературы, закладывающего и формирующего основы активной и героической эстетики, отражавшей национально-общественный опыт русского народа. Это чувство национального достоинства, сознание величия и значения культуры подымающейся нации, ее самостоятельности в ряду других культур, нашло свое выражение в замечательных, вещих словах Ломоносова, обращенных к своим согражданам: «Сами свой разум употребляйте. Меня за Аристотеля, Картезия, Невтона не почитайте. Ежели вы мне их имя дадите, то знайте, что вы холопи, а моя слава падет и с вашею».

Вот несколько примеров не только поэтического, но и общественного столкновения двух враждебных друг другу эстетических систем.

Анакреон декларирует: поэт поет любовь:

Мне петь было о Трое,
О Кадме мне бы петь,
Да гусли мне в покое
Любовь велят звенеть.

Ломоносов с презрением отвергает этот отказ от общественной героической темы:

Мне струны поневоле
Звучат геройский шум,
Не возмущайте боле,
Любовны мысли, ум;
Хоть нежности сердечной
В любви я не лишен;
Героев славой вечной
Я больше восхищен.

Анакреон славит чувственную радость, наставляет и требует: счастье человека в частной жизни, в мире собственных личных интересов:

Не лучше ль без терзанья
С приятельми гулять
И нежны воздыханья
К любезной посылать...
Лишь в том могу божиться,
Что должен старичок
Тем больше веселиться,
Чем ближе видит рок.

Ломоносов с гневом отворачивается от подобного идеала человеческого счастья. Он бросает в лицо творцу этой философии уничтожающие слова Катона—«Какую вижу я седую обезьяну?» И далее последовательно отвергает принципы морали и эстетики этой школы:

Анакреон, ты был роскошен, весел, сладок,
Катон старался ввесть в республику порядок...
Ты жизнь употреблял как временну утеху,
Он жизнь пренебрегал к республики успеху.

Завершается этот спор формулировкой задач искусства. Анакреон, давая заказ живописцу, предлагает «написать любезну мне». Здесь, в этих стихах Анакреона, целая энциклопедия воззрений антиобщественного искусства с его отъединенностью человека от жизни мира, с его равнодушием к другим людям, культом «случай-

ной радости», чувственных наслаждений. С гордостью и восторгом Ломоносов формулирует основы эстетики русской героической литературы. Он тоже заказывает живописцу портрет, но это портрет не «любезной», а «возлюбленной матери»—России.

О мастер в живопистве первый!
Ты первый в нашей стороне,
Достоин быть рожден Минервой,
Изобрази Россию мне.
Изобрази мне возраст зрелый
И вид в довольствии веселый,
Отрады ясность по челу
И вознесенную главу.

Значение этого ломоносовского выступления трудно переоценить. Он не только выступал против современного, деградирующего и вместе с тем воинствующего, дворянского искусства (не случайно в 70—80-х годах именно на этой анакреонтической базе вырастет целое направление так называемой «легкой поэзии»). Отвергая это искусство с его культом частного человека и проповедью идеалов эгоистического существования, он тем самым предостерегал русскую литературу и от нового течения—сентиментализма, с его эстетикой уединенного человека, семьянина, собственника, довольного очагом и своими добродетелями. Больше того, он вооружал молодую русскую литературу героической эстетикой, в центре которой стоял общественный человек, в великом деянии, в патриотическом служении осуществлявший свою личность.

Все творчество Ломоносова и прежде всего его оды были образцами этого нового чувства. Тематика его од—величие и благо России.

Именно у Ломоносова мы встречаемся с первой попыткой дать личность в ее национально выраженном русском характере. Лирический герой его од—Русский, с большой буквы, сын отечества, пришедший в восторг от сознания, чтó уже сделано для блага отчизны, чтó еще открывается в туманной дали ее будущей истории. Это Петр, данный не как император, а как неповторимая индивидуальность, деятель всемирно-исторического масштаба. Да, Петр не изображен в своей частной жизни. Да, лирический герой не совпадает с бытовым обликом Михаила Васильевича Ломоносова. Но перед нами в том и другом случае—личность, понятая и в ее общественной функции,

личность, обнаруживающая свою нравственную силу, духовную красоту и индивидуальную неповторимость в патриотическом, активном служении общему благу и благу отчизны прежде всего.

Но ломоносовская личность—лирический герой его стихов, данный как сын отечества, как россиянин,—это лишь первый подступ к полному литературному выражению русского характера и русского героя. Герой Ломоносова к тому же и ограничен. Он не видит, что в России есть разные русские—дворяне и хлебопашцы, что Петр не только вождь и вдохновитель народа в его работах и походах, но и самодержец, неукротимый враг народной вольности. Эта ограниченность Ломоносова таилась в его политических убеждениях—он разделял концепции просвещенного абсолютизма.

Нараставшая к середине века борьба крепостного крестьянства с помещиками все более выдвигала проблему социальную, как главную и определяющую характер русской жизни. Вопрос о рабстве, о правах крестьян, о судьбе закабаленного хлебопашца, вопрос о крестьянине и крепостном праве к моменту прихода к власти Екатерины II станет центральным. Это чувствовало и потому волновалось дворянство; это понимала Екатерина и оттого вынуждена была маневрировать и искать путей к новой политике. Это чувствовала и понимала растущая русская общественность. В деле формирования именно этой русской общественности решающую роль сыграла литература.

Рассматривая данный вопрос, Белинский обнаружил наличие резко отличных факторов, исторически образовавших общественность на Западе и в России. «Разнородное общество, сплоченное в одну массу только одними материальными интересами, было бы жалким и нечеловеческим обществом. Как бы ни были велики внешние благоденствия и внешняя сила какого-нибудь общества, но если в нем торговля, промышленность, пароходство, железные дороги и вообще все материальные движущие силы составляют первоначальные, главные и прямые, а не вспомогательные только средства к просвещению и образованию, то едва ли можно позавидовать такому обществу»[1].

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. X, стр. 133.

Так, по Белинскому, обстояло дело на Западе: буржуазный способ производства, материальная база капитализма (промышленность, торговля, железные дороги) создают лишь искусственное сплочение навечно разъединенных и враждебных друг другу индивидуумов, и потому оно «печальное общество». Иные исторические обстоятельства сформировали передовую общественность России: «В этом отношении нам нельзя пожаловаться на судьбу: общественное просвещение и образование потекло у нас вначале ручейком мелким, едва заметным, но зато из высшего и благороднейшего источника,—из самой науки и литературы»[1]. Именно эти условия, по мнению Белинского, сделали литературу средством создания прогрессивного общественного мнения.

«Говоря об успехах образования нашего общества, мы говорим об успехах нашей литературы, потому что наше образование есть непосредственное действие нашей литературы на понятия и нравы общества. Литература наша создала нравы нашего общества, воспитала уже несколько поколений, резко отличающихся одно от другого, положила начало внутреннему сближению сословий, образовала род общественного мнения»[2].

Создание этого общественного мнения падает на бурные 60—70-е годы, годы работы Комиссии по составлению нового Уложения, годы выступлений Козельского, Новикова, годы начала деятельности Радищева. Таким образом, Белинский подошел к объяснению того, как в силу русских исторических условий на арену общественно-политической борьбы с самодержавным колоссом выступила особая, только в России проявившая себя, сила — передовые круги дворянства. Эти люди, чутко слышавшие пульс социальной жизни, не могли оставаться равнодушными к жизни угнетенного крестьянства и потому оказались способными «уразуметь» положение этого класса. От тех же, кто составлял большинство в русском государстве, от крепостных крестьян, исходило сознание необходимости изменения несправедливого политического и экономического режима, сознание необходимости революции.

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. X, стр. 183.
[2] Там же.

Ленинская периодизация русского революционного движения дает нам ключ к пониманию процессов, происходивших в обществе и литературе в конце XVIII века. В статье «Памяти Герцена» Ленин писал: «Чествуя Герцена, мы видим ясно три поколения, три класса, действовавшие в русской революции. Сначала—дворяне и помещики, декабристы и Герцен»[1]. Сначала дворяне: Радищев—первый русский революционер—открывает этот список. Ему предшествовали дворяне, не поднявшиеся до осознания необходимости революции, но честно порывавшие с эксплоататорской, своекорыстной практикой своего класса и отважно отстаивавшие интересы народа, борясь с просветительских позиций против рабства и тирании. Среди этих людей первое место принадлежит писателю-просветителю Николаю Новикову.

Литературно-общественная деятельность Новикова-писателя непосредственно предшествует радищевской и служит той почвой, опираясь на которую Радищев создает передовую и революционную литературу, глубоко связанную с национальной традицией и всемирно-историческими подвигами русского народа.

Для Новикова Ломоносов был «мужем великого разума, высокого духа». Он ценит в Ломоносове «доброту», «твердость духа», «стремление преодолевать все случавшиеся ему препятствия», «предприимчивость», многогранность и широту его интересов, «верность отечеству, друзьям», «нрав веселый и остроумный»—черты, выявлявшие в поэзии русского человека. Но глубоко ценя Ломоносова, продолжая его дело патриотического служения отечеству, Новиков выдвигает новое требование к литературе—служить интересам несчастных крепостных Филаток, живущих в разоренных деревнях под управлением тирана—помещика Безрассуда. Для Новикова патриотизм—это борьба за ограждение России от трутней-дворян, презирающих отечество, его историю, русский язык, русский народ, это—желание изменить существующее положение, основывающееся на бесчеловечном праве владения себе подобными людьми, праве, освобождающем дворян от труда, от деятельности и приводящем к физическому и нравственному их вырождению,

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 14.

праве, обрекающем миллионы хлебопашцев на вымирание, на страдание, на животное существование.

Вот почему в своем журнале «Трутень», изданном в 1769 году, Новиков впервые открыто поставил перед общественной мыслью, перед «дворянским корпусом», перед правительством крестьянский вопрос. Он был объявлен главным, от решения которого зависела вся дальнейшая судьба и дворянства, и самодержавного государства, и трудового народа. Именно с этих пор в России крестьянский вопрос не сходит более со страниц литературы.

Несомненно, постановка вопроса о судьбе крепостного крестьянства, о паразитизме дворянства отражала нараставшую, год от года все более грозную борьбу хлебопашцев за свою волю. И острота этих социальных и политических вопросов, поднятых сначала на страницах «Трутня», а затем «Живописца», определяла эстетические позиции Новикова-писателя. За его плечами был опыт русской литературы и Ломоносова прежде всего. Новиков учился в основанном Ломоносовым университете, воспитывался у Поповского—ученика Ломоносова, разбирал творения поэта уже на школьной скамье. Усвоенный от Ломоносова образ русского героя-деятеля, патриота, сына отечества, россиянина, был обогащен им социальной характеристикой. Герой новиковских очерков в журналах—Правдолюбов, Путешественник, Издатель «Трутня»—не просто русский человек, но дворянин, сострадающий положению крепостных, вознегодовавший на своих собратьев по классу, ставший на путь отважного обличения их паразитизма, их своекорыстной, варварски жестокой и бессмысленной жизни.

Ломоносовский герой велик своим подвигом во славу России, своим патриотическим восторгом, своей гордостью великим и могучим отечеством. Новиковский герой—человек, негодующий на несправедливость, человек, сочувствующий крестьянскому состоянию, переполненный чувством скорби, участия и возмущения. Мерой человека, его личных качеств и неповторимых достоинств, индивидуальных особенностей Новиков объявляет его общественную активность, готовность вмешаться в несправедливые социальные отношения, заинтересованность в судьбах других людей —больше того, не просто людей, а сочувствие хлебопашцу, находящемуся в рабстве. Сфера социальных эмоций определяет духовный облик нови-

ковского человека. Ему чужд комнатный мирок, домашнее удовольствие, чуждо уединение и самодовольство. Он тысячами уз связан с людьми, его «очаг»—Россия, его интересы—судьбы угнетенных, его друзья—«единоземцы», сочувствующие ему в социальной скорби, ободряющие его за порицание помещика Безрассудова, за борьбу с правительственным журналом «Всякая всячина», с чиновниками-взяточниками, обижающими тех, кого они обязаны защищать.

Важнейшим этапом в развитии эстетики «действительной живописи», прямо предшествующей радищевской литературной революции, было создание Новиковым образа человека-гражданина, русского патриота. На страницах своих первых журналов Новиков и осуществляет эту новую, сложную задачу. Скрыв свое имя автора, Новиков открывает «Трутень» первым портретом своего героя, которому дает имя: «Издатель «Трутня». Представляясь читателю, Издатель «Трутня» говорит о своей слабости, лености. Читатель готов уже улыбнуться такому простодушному замечанию, но вдруг Издатель сообщает, что именно эта слабость помешала ему выбрать постоянную службу, так как ни одна известная—«не по его склонности». Насторожившись, читатель следует дальше, и узнает: военная отвергнута Издателем оттого, что «беспокойна и угнетает человечество», приказная—«хоть и гораздо наживна, однако не по моим склонностям», придворная—«всех покойнее», «ежели бы не надлежало знать наизусть науку притворства», ежели бы не надо было «забывать человечество», занимаясь ею.

Слушая эти признания, читатель знакомился с новым для него человеком, мало похожим на известных, окружающих его людей. Это был смелый человек, не боящийся посылать стрелы в адрес двора, острослов, высмеивающий вельмож и дворян, человек глубокого и серьезного отношения к жизни, твердо принявший решение отказаться навсегда от казенной службы, от службы царям. Но, отказываясь служить, он не погружается в уединение, не предается самодовольству, а выбирает самый трудный путь в жизни, путь общественного служения своему отечеству, путь защиты русского «питателя», живущего в «бедности и рабстве».

Он предается неведомой дотоле в России общественной деятельности—изданию журнала, с намерением испра-

влять нравы, обличать власть в ее несправедливых и преступных действиях. Это он хочет делать сообща, приглашая сограждан последовать за ним, подкрепить его. Так начиналась жизнь литературного героя и в то же время реального человека—«Издателя «Трутня». И крайне важно, что первое появление этого героя перед читателями было публичной исповедью о своих намерениях, публичным изложением принципов своей морали, публичным утверждением своего права на независимость и свободу действий от правительства, деятельность частного человека, направленную на благо отечества и сограждан.

Каждый новый лист журнала становился страницей биографии этого человека, так непохожего на своих собратьев по классу. Резко обрушивался он на взяточников, обличал придворных, высмеивал столичных «господчиков». Смело говорил о злоупотреблениях в судах, «беззаконии при рекрутских наборах», зло издевался над дворянами, преклонявшимися перед французскими парикмахерами и из всех наук понимавшими лишь волосоподвивательную науку, отважно начавшего предерзостную полемику с коронованным автором—Екатериной II. Но, выступая с критикой существующего в России положения, критикой, проводимой с моральных позиций, Новиков заботился и о том, чтобы создать перед читателем образ нового в русских условиях человека, не только патриота, но и гражданина. Этой цели служили письма в редакцию. Письма давали характеристику этого человека, рисовали нравственный облик его. К нему, частному человеку, можно было обращаться за помощью, за советом, сообщать о злоупотреблениях, просить вмешаться в судьбы преследуемых и угнетенных. Ему можно было рассказать о себе—он всегда откликался, приходил на помощь. Его жизнь оказывалась открытой, жизнь удивительная, ни на что непохожая —жизнь общественного деятеля. Именно потому, что это было новым, Новиков ставил своей задачей максимально полнее обнаружить существо, характер, смысл, содержание идеалов этого человека-гражданина.

«Чистосердечное ваше о самом себе описание мне весьма нравится»,—заявляет Чистосердов. «Я уверен, что вы—ненавистник порока и порочных»,—писал Правдолюбов. «Я прибегаю к вам и прошу вашей помощи»,—

обращался Заботин. «Я знаю, что вы,—признавался Азазазов (писатель Александр Аблесимов),—благодетель всех бедных и угнетенных, что вы ставите долгом помогать помощи требующим». Так писали друзья «сочувственники», разделявшие убеждения Издателя.

Враги бесновались. Придворные «господчики» злобно заявляли:—«не в свои-де, етот Автор, садится сани», «такая-де склонность есть дерзновение», и т. д.

Этому выявлению нравственных достоинств Издателя «Трутня» способствовали журналы, пристально следившие за беспримерно открыто живущей личностью, занимающейся не зависимой от правительства общественной деятельностью. Правительственный журнал «Всякая всячина» яростно обрушился на Издателя «Трутня», называя его «ругателем», «вреднейшей тварью» и т. д. Журнал союзника Новикова—Эмина одобрял деятельность Издателя «Трутня» и во всеуслышание заявлял: «Вы прямой друг истинного человечества».

Но этим не удовлетворялся Новиков. Он стремился как можно полнее обрисовать облик Издателя «Трутня» с тем, чтобы образ этот мог стать выражением его идеалов человека. Прежде всего, подчеркивает он, Издатель «Трутня»—патриот, русский человек, ему дороги интересы отечества, он защищает от немецко-французских невежд русский язык, бережно поддерживает творческие успехи русских художников, русских искусных ремесленников и мастеров. Он гневно обличает тех, кто гнушался всем русским, кто предавал Россию за ленты, пудру, вина и кружева. Для него ненавистна сословная оценка человека. Он с негодованием пишет о вельможе Недоуме, гордящемся «своей породой и древностию рода», о помещике Безрассуде, нагло заявлявшем, что «крестьяне—не суть человеки». «Безрассудный!—восклицал Издатель «Трутня»,—разве забыл то, что ты сотворен человеком, неужели ты гнушаешься самим собою во образе крестьян, рабов твоих. Разве не знаешь то, что между твоими рабами и человеками больше сходства, нежели между тобой и человеком».

Итак, не порода, не род, не знатность, а какие-то другие качества определяют, по Новикову, ценность человека. Какие же именно?

Уже в первом листе Издатель «Трутня» объявляет себя активным защитником закрепощенных хлебопашцев,

заявляя, что стал на сторону тех, кто работает, защищая их от тех, кто поедает их труд. Русский дворянин,—показывает Издатель «Трутня»,—или взяточник-судья, или грабитель-чиновник, или тунеядец-помещик Безрассуд, или воевода Забылчесть, или спесивый вельможа Недоум, или говорящий на тарабарском наречии светский волокита, и потому он недостоин высокого имени человека. Главное в человеке,—утверждает он,— труд на общую пользу. Носителем этих качеств оказывается русский крестьянин, о котором Издатель «Трутня» рассказывает в «Крестьянских отписках».

Крестьянин трудится «и производит самонужнейшую вещь—хлеб», который надобен всей России. Они, крестьяне, такие же бедные, как и автор письма, несчастный разорившийся, впавший в страшную бедность Филатка, когда узнают о его горе, сообща помогают ему, умея найти форму активного сочувствия его горю. Помещик же Григорий Сидорович—не человек, а тиран, деспот, бесчувственное эгоистическое животное, неспособное поэтому понимать чужое горе и сочувствовать ему.

Дворянин только тогда достигает высокой степени человека, заявляет Издатель «Трутня», когда он станет отличаться добродетелью, когда будет «стараться о благосостоянии государства больше, нежели о себе самом». И главное: «Чтобы, восходя на степень знатности», не забывал, «что те бедные, от коих он отличен, остались еще такими же бедными и что они требуют его помощи»,—то есть чтобы он не замыкался в себе, а умел жить общей жизнью, сочувствуя другим, и угнетенным прежде всего. Именно эта черта—сочувствие не вообще людям, а сочувствие крестьянам, находящимся в рабстве, по Новикову,—и есть главная мера ценности человеческой личности, мера русская, даваемая с позиций задач общественного движения. Вот почему Новиков не помещает статьи Эмина в своем журнале, где тот называет Издателя «Трутня» прямым другом истинного человечества. Всем содержанием своего журнала Новиков заявляет: нет, Издатель «Трутня» не вообще друг человечества, а друг тех, кто работает, защитник угнетенных, сочувствующий русскому хлебопашцу Филатке «со товарищи». Вот почему приславший в журнал письмо Правдин свидетельствовал: «Из ваших сочинений приметил я, что вы к состоянию крестьян чувствительны».

Так Новиков в 1769 году, за два года до приезда Радищева в Петербург, развил в новых условиях философию русского понимания человека, как патриота и гражданина. Мерою ценности личности устанавливалось не богатство его чувств, не самодовольное уединение, но активная общественная деятельность на благо отечества, что в данных исторических условиях прежде всего обозначало деятельность на благо находящегося в рабстве народа. В 1772 году в «Живописце» Новиков еще полнее разовьет мысль о том, что только в общежитии, в общественной, нужной согражданам деятельности, человек может осуществить себя как личность, во всем своем богатстве национального характера. Позднее, в 1778 году, в новом своем журнале «Утренний свет» он напечатает статью, которая обрушится прямо на догмы модных французских, немецких и английских сентименталистов, проповедовавших уединение человека, утверждавших, что человеку несвойственна общественная жизнь, что он может обрести счастье вне общества, вне активного сочувствия тем, кто страждет вокруг. «Общежитие прекрасно»,—читаем мы там. «Что бы было в обитании целого света, если бы должно было обитать его единому? Сирая вселенная есть понятие, огорчающее человека. Столь мило существовать вместе!» «Я сожалею о том счастливом, который отрицает себе утешения несчастливых, более ласкающие сердце, нежели все мертвые сокровища, который не радуется в общении с людьми».

Так дело, начатое Ломоносовым, было продолжено и углублено Новиковым. Русский народ, творец всемирно-исторических побед в петровскую эпоху, поставил в порядок дня русской жизни вопрос о своей свободе, о ликвидации крепостничества, о русской революции. Отражением этого, отражением еще слабым, непоследовательным, была литературно-общественная деятельность Новикова, его философия активного человека-гражданина, его эстетика, породившая произведения, отвечавшие потребностям русского общественного движения, и вслед за ломоносовским «Разговором с Анакреоном» полемизировавшие с догмами англо-французского сентиментализма.

«Трутень» вышел в 1769 году двумя изданиями, «Живописец» в 1772 году также дважды переиздавался. В 1775 году появилось так называемое третье издание

«Живописца», по сути новый журнал, состоящий из лучших, радикальнейших новиковских произведений, взятых из «Трутня» и «Живописца», соединенных в одной книге. Это издание пользовалось особым успехом и в 1781 году вышло в четвертый раз. Это была самая популярная книга и самая радикальная, затрагивавшая наиважнейшие вопросы социального бытия России. Это была книга русская из русских, всеми своими корнями уходящая в национальную почву, в национальную традицию. Она служила для Радищева хорошим плацдармом для дальнейшего движения. Не случайно поэтому сразу по приезде в Петербург молодой Радищев устанавливает личную связь с Новиковым и с его помощью начинает свою литературную деятельность. В овладении уже достигнутых русской литературой успехов и эстетики Новикова прежде всего отлично помог Радищеву его первый общественный опыт, и с особой силой—события крестьянской войны, завершившие воспитание и формирование его революционных убеждений.

Вернувшись в Россию, Радищев приступает к изучению всей предшествовавшей литературы. В центре его внимания оказывается Ломоносов. Не ограничиваясь книгой, он знакомится с народным творчеством—сказками, сатирическими стихами, былинами и прежде всего песней. Уже по дороге в Петербург, когда он возвращался из Лейпцига, как только миновали «межу, Россию от Курляндии отделяющую», русская песня обступила Радищева. Пели ямщики, пели женщины у детских колыбелей, пели девушки, водя хороводы, пели бродившие по селениям нищие, слепцы, бобыли. Много и после этого приходилось ездить Радищеву по России, и это живое общение с народом помогло понять неведомое ему дотоле духовное богатство. Так, в песнях открыл он «скорбь душевную», «образование души нашего народа».

Отлично знавший западноевропейскую литературу, читая ее в подлинниках, Радищев имел возможность в сравнении уяснить себе все своеобразие плодотворной работы русских писателей, всю неповторимую самобытность создаваемых ими произведений. «Разговор с Анакреоном» Ломоносова, представляющий собою первый развернутый манифест русской литературы, формулировавшей основы национальной эстетики в открытой борьбе с враждебными ей нормами европейского искусства,

«Телемахида» Тредьяковского, «Сатиры» Кантемира, «Трутень» Новикова убедительно свидетельствовали об этой самобытности. Судить творчество русских писателей по канонам искусства, господствовавшего во Франции, Англии и Германии, было невозможно. Лишь творчество Сумарокова и его школы отчетливо соотносилось с образцами общеевропейского классицизма. Но то была открыто дворянская, классовая литература, и она была чужда Радищеву и своими «монаршистскими» идеями, и проповедью «доблести дворян», и своей рационалистической, нормативной поэтикой.

Деятельность Кантемира открывала плодотворную эпоху в развитии русской литературы. По словам Белинского, «сатирическое направление со времени Кантемира сделалось живою струею всей русской литературы»[1]. Оно было «благодетельно» и «важно». На этой-то почве и могла появиться и пышно расцвести сатирическая журналистика 1769 года и писательская деятельность Новикова в журналах «Трутень» и «Живописец». Руководствуясь живой потребностью русской жизни, Новиков смело отрешается от канонов классицизма и нового, идущего с Запада искусства—сентиментализма, и создает свою эстетику «действительной живописи».

Новиков-писатель требовал, чтоб объектом искусства был действительный, исполненный мучительных контрастов и противоречий мир. В этом мире, обусловленный данным социальным бытием, живет человек. Изображение должно объяснить его характер, порожденный данными социальными условиями. Требуя от литературы активного вмешательства в жизнь, Новиков именно поэтому оружию сатиры верил больше всего.

В дальнейшем «действительная живопись» получает новый расцвет в творчестве Фонвизина, и особенно в его комедии «Недоросль». В этом произведении, написанном как бы в нормах классицизма, главным оказывается то, что разрушает классицизм,—реальная, конкретная, точно изображенная помещичья Россия, люди, поведение которых обусловлено их социальным бытием, в самодержавном государстве Екатерины II. Так перед Радищевым отчетливо предстала самобытная линия развития русской литературы—сатирическое направление, определяемое со-

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. IX, стр. 184.

циально-политическими условиями жизни писателей крепостнического государства. Именно критика рабства и деспотизма рождала принципы реального, конкретного, достоверного изображения действительности.

Но критическое начало счастливо дополнялось утверждением. Русской литературе не был свойственен скептицизм и пессимизм. Рядом с отрицателем Кантемиром стоит Ломоносов с его утверждением великого будущего России, с его верой в творческие силы народа. На первом этапе развития эти два начала еще разъединены. У Новикова они сливаются.

Закладывая основы для будущего расцвета критического реализма, Новиков своей художественной практикой показал, что обличение должно неизменно сопровождаться утверждением. Вскрывать язвы социального бытия России, описывать «рабство и бедность», мучительство и тиранство всевозможных Трифон Панкратьевичей и Григорий Сидоровичей, рисовать правдивые картины «разоренных деревень», страдающих в них Филаток с «малыми ребятами» писателя обязывал долг гражданина. Но чувство, заставляющее «снимать личину», есть чувство патриотическое, оно продиктовано любовью к своему угнетенному отечеству, к своим порабощенным «единоземцам». Вынуждаемый «бедоносными» устоями жизни на сатиру, на критику, на обличение, художник «с великим содроганием чувствительного сердца начинает описывать некоторые села, деревни и помещиков их». Это чувство боли за Россию и ее народ, этот патриотизм и определил положительное, утверждающее начало в художественном творчестве Новикова.

Лучшим образчиком органического единства начал сатирического и утверждающего являются «Отписки крестьянские», напечатанные в 1769 году в «Трутне». Одна из важнейших задач этих «Отписок»—противопоставить два мира: мир Филаток и мир помещиков Григориев Сидоровичей. Противопоставление это реализовано на конкретном примере—на решении судьбы Филатки. Впавший в отчаяние, начисто разоренный, больной сам, отягощенный «малыми ребятами» и большой семьей, он обращается за помощью, «бьет челом и плачется» Григорию Сидоровичу, прося его помочь в этом крайнем случае. Григорий Сидорович, как истый помещик, не только не внял этому слезному плачу, но и повелел обездоленного

Филатку и старосту Андрюшку публично на сходе перепороть за то, что осмелились писать ему челобитную, за то, что обременили его своим «плачем».

Но строго и осудительно проведя читателя через все картины крепостнического ада, Новиков выводит его вдруг на чистый воздух, дает ему возможность припасть к чистой и живительной струе неувядаемой и торжествующей в любых условиях человечности—читатель попадает в неведомый ему крестьянский мир. Только у них, тружеников-хлебопашцев, можно найти утешение. Читатель узнает: крестьянский мир, мир бедных и разоренных Филаток, есть великая сила и аккумулятор нравственной энергии—именно потому, что они—труженики, потому, что заняты трудом, нужным всему отечеству, потому, что они «питатели» и производят «самонужнейшую вещь»—хлеб. В ответ на бессердечное решение Григория Сидоровича «мир» помогает Филатке—он платит за него подати, он оставляет Филатке корову, потому что хочет поднять его на ноги, потому что в нем есть уважение и любовь к человеку, потому что ему свойственна жалость. Читатель «Трутня» и «Живописца» получал произведение, полное антикрепостнического пафоса, гневного обличения и глубокой патриотической любви к своему «бедствующему» отечеству, к народу, сохранившему, несмотря на рабство, подлинно человеческую нравственность. Русская критическая литература начинала свое развитие с органического сочетания тех двух начал, которые, по мнению Белинского, и составили в будущем существо русского реализма: «патриотическое, беспощадное сдергивание покрова с действительности» и «кровная любовь к плодовитому зерну русской жизни»[1].

Эта тема нашла новое развитие в фольклоре, вторгавшемся в русскую литературу с небывалой до того силой в 60-х годах. Народ рассказывал о себе сам, заставляя многих дворянских писателей задуматься «над образованием души» его, над его судьбой, над его положением. Особенно много сделали для распространения сказок, песен, пословиц такие два антидворянских писателя, как Михаил Попов и Михаил Чулков.

Весь этот опыт русской литературы по-новому был освещен для Радищева восстанием Пугачева, которое

---

[1] В. Белинский. Сочинения, т. VII, стр. 253.

было для него высшим актом народного творчества. Став глашатаем народной революции, он политике подчинил свою литературную деятельность. Критика рабовладельческих порядков определяла и до Радищева сатирическое направление. Радищев же встает на путь отрицания самого помещичье-самодержавного государства. Вот почему небывалую дотоле силу приобрела сатира Радищева. Вот почему в книгах его предстала потрясшая читателя реальная картина самодержавной России, этого «чудища, обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй», изображенная большим писателем с почти документальной достоверностью. Но те же революционные убеждения позволили Радищеву по-новому развернуть положительную программу. Народ и его революционная энергия, преобразующая мир деспотизма и угнетения, жестокости и неволи; народ, как строитель будущей республики свободных тружеников, как создатель новой, глубоко человеческой культуры; свободная, преобразованная Россия — таково конкретное содержание этой положительной программы.

Естественным оказалось для Радищева использование фольклора, который усиливал его и политическую и художническую зоркость, сближал с теми, от кого он ждал спасения России.

Создавая эстетику героической литературы, требуя от нее служения делу освобождения русских крепостных от рабства, Радищев и теоретически и практически обосновывал развитие русского реализма. По-хозяйски используя опыт своих предшественников, он закладывал мощное основание такой литературы, на почве которой будет построен гением Пушкина реализм, как новая эпоха в искусстве.

И здесь должна быть отмечена еще одна заслуга Радищева: он уберег русскую литературу от бурного наступления нового, антифеодального, но глубоко буржуазного в своем существе литературного направления — сентиментализма.

Продолжая национальную традицию, Радищев, создавая произведения, посвященные насущным вопросам русской общественной политической жизни и прежде всего делу русской революции, воевал с модным течением нового буржуазного искусства — сентиментализмом и, в частности, с Руссо. Историческая зоркость Радищева, пре-

допределившая необходимость защиты русской литературы от чуждых ей влияний, поразительна. В 90-е годы, в пору жестокой расправы над передовыми русскими писателями—Радищевым, Новиковым, Фонвизиным и Крыловым—восторжествует это новомодное влияние, создав целое направление так называемого дворянского сентиментализма, возглавленного Карамзиным. Но труд Радищева не пропал даром: Пушкин в своей борьбе со школой Карамзина — Жуковского с благодарностью обратится к творчеству Радищева, станет опираться на его опыт в создании эстетики русского критического реализма.

Восьмидесятые годы, годы интенсивной творческой работы Радищева, явились периодом мощного развития русской демократической культуры. «В *каждой* национальной культуре,—учит Ленин,—есть, хотя бы не развитые, *элементы* демократической и социалистической культуры, ибо, в *каждой* нации есть трудящаяся и эксплуатируемая масса, условия жизни которой неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую»[1]. Элементы демократической культуры, предшествовавшей Радищеву, в многогранной его деятельности (писатель, политик, философ, экономист, поэт, государствовед, историк) получили свое новое мощное развитие. Творческое наследие Радищева, все проникнутое страстной защитой интересов народа, воспитывавшее ненависть к самодержавию и дворянам-крепостникам, подчиненное одной цели—революционному обновлению страдающей в рабстве Родины,—противостояло враждебной ему дворянской и буржуазной культуре.

«Но в *каждой* нации есть также культура буржуазная (а в большинстве еще черносотенная и клерикальная)—притом не в виде только «элементов», а в виде *господствующей* культуры»[2]. Вот почему на каждом произведении Радищева лежит печать полемичности, вот почему они проникнуты духом нетерпимости ко всему строю крепостников и собственников. Радищев открыто воевал с тем, что мешало делу освобождения крестьян, что было чуждо народу, мужественно отрицая господствующую культуру. Дворянство и самодержавие, а позже буржуазия отлично понимали это и потому с таким ожесточением бо-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 20, стр. 8.
[2] Там же.

рились с ним, с его книгами, даже с памятью о нем—ибо законно видели в нем своего непримиримого врага.

Первым произведением, написанным Радищевым после долгого перерыва, явилось «Слово о Ломоносове», над которым он начал работать в 1780 году. «Слово»—важнейший этап в творчестве Радищева. Оно всем строем своим, манерой, стилем органически связано с «Дневником одной недели» и в то же время открыто обнажает смысл идейного разрыва с этим первым произведением, рождение новой эстетики.

Радищев, словно нарочно, сближает эти два своих произведения для того, чтобы ярче было видно то новое, что в корне отличает их друг от друга. В «Дневнике» есть глава «Четверток», рассказывающая о посещении героем кладбища. В известных Радищеву образцах европейского сентиментализма кладбищенская тема—важнейшая. В многочисленных произведениях кладбище рассматривается как место вечного успокоения, смерть трактуется как избавительница от страданий, которые несет человеку враждебная действительность. «Уединенный» человек сентиментализма, думая о смерти, раскрывал все неповторимое богатство своей индивидуальности. Он терзал себя и наслаждался мукой и в этой «мучительной радости» обретал высшую жизнь. И Радищев заставил своего «несчастного» посетить кладбище. «На месте сем, где царствует вечное молчание, где разум затей больше не имеет, ни душа желаний, поучимся заранее взирать на скончание дней наших равнодушно... Приучим заранее зрение наше к тленности и разрушению, воззрим на смерть,—несчастный хлад объемлет мои члены, взоры тупеют. Се конец страданию». Так, будто послушный ученик, вел себя герой «Дневника». Но дальше вторгался Радищев, протестующий против условных и нелепых для живого человека чувств и страданий. «Мне умирать?»—восклицает возмущенный герой и тут же останавливает себя в своем протесте против навязанной догмы—не ты ли хотел приучать себя заблаговременно к кончине? Но следующая фраза героя свидетельствует о полном разрыве его с противными человеческой природе переживаниями: «Мне умирать? Мне, когда тысячи побуждений существуют, чтобы желать жизни!.. Мне желать смерти? Нет, обманчивое чувствие, ты лжешь, я жить хочу, я счастлив!»

Вот из этого здорового, активного жизнелюбия, взбунтовавшегося против догм индивидуалистической философии, и вырастало «Слово о Ломоносове». Начало его как бы возвращает нас к уже известной картине—герой бродит за городом и заходит на кладбище. «Ворота были отверзты. Я вошел... На сем месте вечного молчания, где наитвердейшее чело поморщится несомненно, помыслив, что тут долженствует быть конец всех блестящих подвигов». Кладбищенская тема начисто разрушалась изнутри,—не «конец страданию», не внимание к субъективному, болезненному состоянию, а «конец всех блестящих подвигов», то есть философское рассуждение героя над объективными судьбами других людей.

Вместо стихии субъективного созерцания, «приучения себя к смерти», внимание героя привлекает объективный мир. Он замечает пышность памятников, и это вызывает его гневное, сатирическое слово о гнусности человеческого тщеславия, цветущего и торжествующего не только при жизни, но и после смерти: «на месте незыблемого спокойствия и равнодушия непоколебимого могло ли бы, казалося, совместно быть кичение, тщеславие и надменность. Но гробницы великолепные? Суть знаки несомненные человеческия гордыни».

Так совершается в пределах традиционной кладбищенской темы коренной переворот в эстетике: вместо стихии «субъективности», равнодушия к окружающему миру, к реальности бытия, к другим людям—интерес и доверие к объективной действительности, к судьбам и бытию других людей. В «Дневнике» мы были погружены в больную мятущуюся душу человека, ничего не зная ни о нем, ни о его окружении. В «Слове» мы видим реального человека, бродящего по Невскому кладбищу, осматривающего памятники, возмущающегося надменностью и гордыней, останавливающегося, наконец, перед памятником великому русскому поэту и задумывающегося о его судьбе, о его вечной славе. Мы знаем, что герой пришел на кладбище после прогулки в роще, что «солнце лице свое уже сокрыло, но легкая завеса ночи едва, едва ли на синем своде была чувствительна».

Закономерной поэтому оказывается и новая тема— не самораскрытие героя, а попытка построения объективной биографии другого человека, раскрытие его духовного мира, его «чувствований». Но еще важнее сам выбор

героя—им оказывается не просто другой человек, но исторический деятель, «великий муж, исторгнутый из среды народные», первый из совершивших подвиг во благо отечества, русский не только по рождению, но по духу, по делам своим. Отказавшись от формулы «человек велик своим чувством», Радищев ищет иную, русскую меру ценности человека, и, обращаясь к русской жизни, к событиям всемирно-историческим, он находит героя, жизнь которого позволяет открыть то важнейшее, что определяет личность, ее индивидуальность, ее достоинства и духовное богатство—заслугу обществу. Ломоносов «подстрекаем науки алчбою», «собирает познание вещей», изучает языки, математику, логику, химию, физику, словесность, входит в «храм любомудрия»—все для того, чтобы оказать «услугу отечеству». Он преобразует русское стихотворство, «преподает правила российского слова, вознамереваясь «руководствовать согражданам своим». Слово, по Ломоносову, дано человеку «для сообщения своих мыслей», оттого сам поэт создает грамматику, риторику, облегчая общение между русскими людьми, распространение знаний, открывая возможность общественного «действия на своих современников». В этом последнем действии первую роль играют его «творения», возросшие на обновленном им языке. Творения Ломоносова повествуют о том, «что́ он был», открывают намерение «сообщить согражданам своим жар, душу его исполнявший». Но чем больше находит Радищев в Ломоносове-поэте достоинств патриота, тем яснее становится ему и недостаточность, неполнота этого патриотизма. Радищев, уже окончивший русский «университет», считает нужным указать на исторически объясняемые слабость, ограниченность Ломоносова-человека. Он был великим патриотом и гражданином, но Радищев скорбит, что он «льстил похвалою в стихах Елизавете», что «не восстал он на губительство и всесилие», что не обратил слова своего в защиту русского хлебопашца.

В 1782 году Радищев пишет «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», тесно примыкающее к «Слову о Ломоносове». Принципы, выработанные в «Слове», торжествуют в «Письме». Внимание Радищева привлекает реальный исторический факт—открытие памятника Петру I работы Фальконета. Он описывает документально точно все происходившее на Сенатской площади в этот

день. Поэтому уже само начало вводит нас в атмосферу этой исторической достоверности: «Сочинено 8 августа 1782 года. Вчера происходило здесь с великолепием посвящение монумента Петру I». «Вчера»—соответствует действительности—письмо писалось 8-го, а памятник открыт был 7 августа.

Новое произведение написано человеком, не мыслящим существования вне общежития, высоко ценящим живое общение с людьми и особенно «беседование» с другом. Присутствуя при открытии монумента, взволнованный событием, он задумался над судьбой этого удивительного царя, над тем, что сделал он для России, над принципами монархического правления вообще и немедленно спешит поделиться с этими своими думами, приглашает «на беседование» того, с кем «юношеские провел дни свои». Как и в «Слове», героем «Письма» является не автор его, а другой человек, и опять исторический русский деятель—Петр I. В облике «властного самодержца» Радищев увидел могучую личность великого русского «плотника», воодушевленного заботой об отечестве, основателя «града на Неве», обновившего Россию», сообщившего «стремление» своему отечеству—«столь обширной громаде, которая яко первенственное вещество была без действия». Именно патриотическое чувство делало Петра замечательной личностью, именно эти деяния на благо отечества позволили Радищеву «вознести ему хвалу» и видеть в нем «мужа необыкновенного, название великого заслужившего правильно».

Но еще более, чем у Ломоносова, Радищев видит ограниченность патриотизма Петра, ограниченность его личности. Ломоносов не способствовал духу вольности, Петр ничего не мог сделать для освобождения народа, ибо он был царем, самодержцем: «Нет и до скончания мира примера может быть не будет, чтобы царь упустил добровольно что-либо из своея власти, седяй на престоле». Ломоносов «не восстал на губительство и всесилие», не защитил пребывавший в рабстве народ, и в этом, по Радищеву, его вина. Петр, будучи царем, «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества» и оттого вторым монументом, незримо возвышающимся рядом с фальконетовским, была «ненависть к нему его современников».

Здесь же Радищев открыто говорит о том, что может

воспитать и создать истинного человека. «И я скажу, что мог бы Петр славнея быть, возносяся сам и вознося отечество свое, утверждая вольность частную». Радищев точно формулирует свою меру ценности личности, свое определение патриотизма: деятельность, направленная на утверждение «вольности частной», борьба за освобождение крестьян от рабства, за свободу сограждан. Это и есть наивысшее патриотическое служение, более всего «возносящее» отечество, а равно возносящее человека к наивысшему самораскрытию своей индивидуальности, своего духовного богатства. Так впервые в произведениях Радищева осуществляется слияние патриотизма и революционности. Это поднимало его творчество на новую ступень. Такое понимание патриотизма идейно вооружало русскую литературу.

После «Письма к другу», начиная с оды «Вольность», героем новых произведений Радищева станет патриот-гражданин или, как его назовет сам автор, «прорицатель вольности», утверждающий свое человеческое достоинство в политической борьбе против русского самодержавства и крепостничества. В оде «Вольность» лирический герой автобиографичен. После «Слова о Ломоносове», после «Письма к другу», где героем был исторически реальный деятель, Радищев как бы возвращается на позиции «Дневника одной недели» с ее стихией автобиографичности и исповедности. Но это только кажущееся возвращение,—Радищев обратился к проблеме автобиографичности, обогащенный опытом русской литературы, обратился с позиций человека, ставшего на путь «борзых смельчаков»,—путь революционной деятельности, и оттого сумевший исторически взглянуть на самого себя. Русская история, которой много занимался Радищев именно в 80-е годы, говорила ему: в пантеоне русских деятелей было много великих мужей, лучшие из них—патриоты, сыны отечества, оставившие неизгладимый след в жизни России и ее народа,—такие, например, как Петр, Ломоносов. Ныне общество выдвинуло на первый план крестьянский вопрос, вооруженная крестьянская война поставила на долгие годы в качестве первоочередной задачи ликвидацию крепостничества и самодержавия. В этих условиях нужны и новые деятели, нужны «прорицатели вольности», нужны революционеры. Он, Радищев,—первый это осознавший и мужественно начавший

борьбу,—тем самым объективно становится историческим деятелем. Лирическая стихия оды «Вольность» воссоздавала духовный облик первого русского революционера, она раскрывала нравственное богатство не личности вообще, а русского человека 80-х годов XVIII века, осознавшего необходимость подготовки народной революции в России, опиравшегося в своих выводах на объективный ход общественного развития, на творческий опыт восставшего от «тяжести порабощения» русского крепостного крестьянства. Радищев, человек, лирически раскрывший себя в оде, выступает как объективное явление русской истории, русского революционного движения.

Небывалым предстало «тайное тайных» души лирического героя оды. Ненавистник рабства, свободолюбец, он жил единой жизнью с окружающим миром, его мечты прорывали «завесу времени, будущее от нас отделяющую». Он печалился—и это была скорбь патриота, видевшего «в отечестве своем драгом» ненавистное самодержавие и рабство. Он мечтал—и это была мечта о революции в России, о «дне избраннейшем всех дней».

Радищев показал, как весь духовный мир его лирического героя конкретен и оттого обусловлен национально-социальными обстоятельствами политического бытия России. В этом отношении особый смысл имеет строфа, в которой Радищев формулирует свое понимание целей и смысла человеческого существования, определенных условиями России, верным сыном которой он оставался. После описания победы революции в Америке Радищев взоры свои обращает к своей родине и решительно заявляет, что как ни дорога ему свобода, но он никогда не уедет из своего отечества, не прельстится заокеанскими благами, а останется у себя в России, останется для того, чтобы добывать истинную свободу для своих соотечественников. Он пишет:

Но, нет! где рок судил родиться,
Да будет там и дням предел,
Да хладный прах мой осенится
Величеством, что днесь я пел;
Да юноша, взалкалый славы,
Пришед на гроб мой обветшалый,
Дабы со чувствием вещал:
«Под игом власти, сей рожденный,
Нося оковы позлащенны,
Нам вольность первый прорицал.

«Обаятелен мир внутренний, — писал в одном из своих писем Белинский, — но без осуществления во вне он есть мир пустоты, миражей, мечтаний». Это открыл для себя Радищев. Его внутренний мир—мир «прорицателя вольности» и русского революционера—жаждал осуществления вовне, этим внешним миром была для него Россия. Вот отчего так обаятелен и прекрасен мир этого человека.

IX

После оды «Вольность» в годы 1784—1789 Радищев пишет два своих центральных произведения: «Житие Ф. В. Ушакова» и «Путешествие из Петербурга в Москву», внутренне связанных идейной общностью.

«Житие Ушакова»—это обобщение прошлого опыта, сделанное с позиций уже сложившегося революционного самосознания.

В «Дневнике одной недели» Радищев полемизировал и пытался показать психологическую несостоятельность одного из тезисов Руссо, сформулированного в романе «Эмиль или о воспитании». «Житие Ушакова»—книга, выросшая в атмосфере резкого и всеобщего критического пересмотра идей радикального французского мыслителя, пересмотра с позиций национальных задач русской революции.

Как ни положительна была объективная роль теории Руссо о воспитании в условиях феодального общества, она в своем существе представляла собою теорию буржуазно-индивидуалистическую и потому антиобщественную. Именно это и вооружало против нее Радищева.

Система убеждений Руссо на редкость лаконически и полно нашла свое выражение в книге «Эмиль». Ненавидя сословное феодальное государство, где ценили только ранг, звание, а не личное достоинство, он выступает с апологией и защитой человека. Видя, как современное ему общество уродует, калечит, порабощает личность, видя, как весь аппарат власти, вся структура государственного устройства направлены на подготовку из человека члена этого общества, он страстно и горячо отрицает это общественное воспитание. «Все прекрасно выходит из рук творца вещей, все вырождается в руках человека», — заявляет он. Современное общество воспитывает верного

слугу жестокого, несправедливого, деспотического государства, подавляя в нем все драгоценное, составляющее его «я». Так, оказывается, в условиях сословного государства гражданин и человек враждебны друг другу, разделены друг от друга. Поэтому-то Руссо обрушивается на общественное воспитание. «Общественное воспитание не существует более и не может существовать потому, что там, где нет более отечества, не может быть и граждан. Эти два слова—отечество и гражданин—должны быть выброшены из современных языков. Я знаю причину этого, но не хочу об этом говорить». В этих словах вся позиция Руссо, позиция протестанта и гневного отрицателя сословного государства и в то же время позиция буржуазного индивидуалиста, не желающего бороться за обращение своей родной Франции в отечество, не дорожащего именем гражданина Франции, предпочитавшего в теории создавать систему воспитания индивидуалиста, равнодушного к окружающему его миру и страданиям угнетенных людей, в жизни—именоваться «гражданином Женевы».

Роман «Эмиль» и написан «гражданином Женевы», предлагающим утопическую идею воспитания человека, воспитания, состоящего в ограждении естественной доброй природы, прирожденных достоинств от общества. Отсюда главная догма этой системы: «Образуй с самого начала ограду вокруг души твоего ребенка». Воспитание в полной изоляции от окружающей среды, от общества, позволяет привить воспитаннику открыто индивидуалистические идеалы: «Человек,—учит Руссо,—существует весь для себя». Воспитанник из рук Руссо должен выйти «ни судьей, ни солдатом, ни священником»,—«он будет прежде всего человеком». «Жизнь—вот ремесло, которому я хочу его обучить».

Эмиль—это человек особой, «новой породы», человек без родины, без общественных идеалов. Руссо подчеркивает—для воспитания не имеет значения ни общественная среда, ни национальные традиции, а лишь добрый климат, благоприятствующий физическому здоровью. Эмиль «не нуждается ни в чем, кроме себя, для того, чтобы быть счастливым». Ему нужна религия, ибо без религии нет добродетели. Добродетель же, состоящая в следовании предначертаниям природы (то есть в умении жить для себя),—честность, искренность, богатство чувства, в том числе чувство бога, его могущества и т. д. «Что же такое

добродетельный человек?»—спрашивает Руссо, после того как Эмиль прошел весь курс воспитания, и отвечает: «Это тот, кто умеет побеждать свои влечения, так как в таком случае он следует своему разуму, своей совести; он исполняет свой долг; он держит себя в порядке и ни за что не отступит от него. До сих пор ты был свободен только по видимости; ты обладал лишь непрочной свободой раба, которому ничего не приказывают. Теперь будь свободен на деле; учись быть господином самому себе, повелевай своему сердцу, Эмиль! И ты будешь добродетельный».

Эмиль, действительно, стал свободным на деле в результате воспитания. Но что же это за свобода, которую так славит Руссо? «Свобода не в какой-либо форме правления, она в сердце свободного человека, он носит ее повсюду с собою». И здесь оказывается, что свобода Руссо—это свобода моральная, свобода для себя, свобода, в конечном счете, собственного благополучия. Закономерным поэтому является и конечный идеал жизни Эмиля, как итог всей воспитательной системы Руссо. Вот что заявляет этот «естественный», от природы «свободный» человек: «Я знаю только одно счастье—жить независимым с тем, кого любишь, зарабатывая каждый день аппетит и здоровье своим трудом... Я не хочу другого блага, кроме небольшого хутора в каком-нибудь уголке мира. Вся моя жадность будет заключаться в том, чтобы привести его в цветущее состояние, и я буду жить припеваючи. Дайте мне Софи и мое поле—и я буду богат».

Филистер и собственник, буржуа и семьянин, самодовольный и опьяненный своим чувством, своей добродетелью, своим полем, своим «хутором», своей Софи, равнодушный к окружающему его миру и людям, и в равнодушии жестокий эгоист,—вот кого воспитал Руссо, стыдливо прикрывая от самого себя убогость и ограниченность идеала пышными философическими одеждами «естественного, природного человека». Но, вожделея этого своего уюта и своего самодовольного счастья, как и следовало ожидать от буржуа, Эмиль не отваживается завоевать его. завоевать его хотя бы для себя. Дух борьбы ему чужд. Человек без родины, он думает лишь о себе. Не находя во Франции условий для осуществления своего идеала, он отправляется по Европе в поисках «убежища, в котором бы можно жить счастливым с семьей». Если, заявляет своему Эмилю

Руссо, удастся найти это желанное убежище, «вы обретете истинное счастье, которого тщетно ищут столько людей, и не пожалеете о затраченном на это времени. Если не удастся—вы исцелитесь еще от одной химеры; вы утешитесь сознанием неизбежности зла и подчинитесь закону необходимости». Нет, не был свободным человеком воспитанник Руссо! Его философия—философия раба и филистера.

Книга Руссо была поднята, как знамя, третьим сословием Франции—буржуа увидел свой портрет; ему хотелось спокойно жить на своем «хуторе», на своем поле, в своем доме, со своей семьей и умиляться, проливать слезы восторга от сознания своей добродетельности, своей честности, своего прямодушия. Эта книга пришла в Россию и, как многое в идейном наследии просветителей, оказалась пущенной на потребу интересов Екатерины, игравшей роль просвещенного монарха и затеявшей создание учебных заведений для воспитания искусственным путем «новой породы людей».

Первому русскому революционеру выпала историческая роль оградить русское освободительное движение от чуждых влияний, разоружавших его. Система воспитания Руссо была враждебна практическим задачам русской революции. Опровержением этой индивидуалистической, антиобщественной и буржуазной в своем существе системы и была повесть «Житие Федора Васильевича Ушакова».

Руссо начинает роман с решения «дать себе воображаемого ученика», и этот воображаемый ученик, Эмиль, становится героем. Радищев, верный своему уже сложившемуся принципу, берет реальное лицо—Федора Ушакова. Реальность исторического героя, точное, объективное изображение его жизни, его воспитание, его развитие подчеркивало правоту радищевских убеждений, противопоставленных умозрительной утопической системе и воображаемому ученику. Руссо стремится найти своему Робинзону—Эмилю—«свое поле и свой хутор», в недрах несправедливого, сословно-феодального государства. Ненавидя это государство, он не хочет биться за отечество, довольствуясь хутором. Поэтому-то, считая невозможным воспитание гражданина, он воспитывает человека. Радищев со всей решительностью и категоричностью отвергает тезис о невозможности воспитания человека-гражда-

нина. И не только отвергает, но и открывает миру верный и действительный путь к этому. Радищев, так же как и Руссо, знает, что в реальной действительности понятия государства и отечества не совпадают. Но ему чужда пассивность и смирение перед этим объективным фактом истории, ему ненавистен отказ от отечества и подмена его хутором. Радищев знает: человек может изменить действительное положение вещей; если у него отняли отечество, он может его завоевать, вернуть его себе в борьбе с феодально-самодержавным государством. Больше того, он знает, что только в борьбе за отечество каждая личность станет гражданином, а гражданин воспитает в себе человека. Это было открытием Радищева. Оно вооружало общественное движение, открывало перспективы, помогало людям порывать с пессимизмом Руссо.

Руссо ограждает своего героя от среды, искусственно изолирует от общества. Радищев показывает, что главным фактором воспитания русских студентов были обстоятельства их жизни под началом самодержавного майора Бокума. Учитель Эмиля наставляет своего ученика—будь умерен в своих желаниях, а если даже их нельзя будет осуществить в реальной жизни, не отчаивайся и смирись; в смирении своем познай силу своего духа. Радищев показывает, как обстоятельства жизни, глубоко враждебные человеку, беспрестанно толкают его на протест. Учитель русских студентов, их «вождь», Ушаков направляет это естественное чувство, объясняет его справедливость и законность, учит использовать его, как оружие, как средство защиты от порабощения.

Руссо объявлял: буду воспитывать «доброго человека». Радищев, создавая образ Ушакова, утверждал: вот воспитанный обстоятельствами жизни «добрый гражданин». Он ополчается против внушаемого Эмилем смирения. «Человек много может сносить неприятностей, удручений и оскорблений. Доказательством сему служат все единоначальства. Глад, жажда, скорбь, темница, узы и самая смерть мало его трогают. Не доводи его токмо до крайности». Доведенный до крайности человек восстает на притеснителя. Именно в этом «отражении оскорбления» проявляется «естественное положение человека». «От сего рождается мщение», «закон, ощущаемый человеком всечасно, но заграждаемый и укрепляемый законом гражданским».

Так было найдено главное—воспитывать надо ненависть к угнетателям. Воспитателем «доброго гражданина» должна быть сама жизнь, политические обстоятельства бытия человека, живущего в обществе, где господствует угнетение человека человеком. Действия Бокума, угнетавшего студентов, вызывали возмущение, негодование возрастало до исступления, пока, наконец, не вылилось в бунт. Этот бунт, укрепив общественный союз студентов, увеличил силы каждого в отдельности. Так практическая жизнь наглядно убеждала студентов в неправоте Руссо, считавшего общество, народ «собранием единственников». Возражая против такого понимания общества, Ушаков заявлял, что в действительности общество представляет «нравственную особу, общим понятием и хотением одаренную и для того права и обязанности иметь могущую». Это учение Ушакова опять-таки подтверждалось практикой. «Обществу» студентов, составлявшему «нравственную особу», Бокум нанес обиду, отвергнув справедливое требование одного из его членов. И тогда вступил в силу закон: все за одного. За бунтом последовали заключения, следствия, суд. Была пройдена полная школа воспитания русского свободолюбца.

Ушаков был самобытным русским мыслителем, первым в ряду тех новых исторических деятелей России, кого выдвигало освободительное движение—истинных патриотов, видевших свой патриотический долг в борьбе с рабством в своем отечестве. Радищев свидетельствовал перед своим народом—ты потерял великого мужа, доброго гражданина, умершего в самом расцвете своих лет. Но «великий муж родит великого мужа»,—пишет Радищев в «Слове о Ломоносове». Он, Радищев, мужественно вставший на путь революционной борьбы,—первый революционер в России. И он бесконечно многим обязан Ушакову. В повести об Ушакове он открыто и публично устанавливает преемственность свою и связь с «вождем юности»; он заявляет, что «в изображении умершего найдешь черты в живых еще сущего». Стремясь сохранить память о русском философе Ушакове, Радищев не только пишет повесть о нем, но и издает все оставшиеся после него сочинения. Так начинал свой революционный путь в России Радищев, посчитавший необходимым самому установить свои русские связи, традиции своих предшественников и учителей.

В документальной достоверности повести—огромное историческое ее значение. Радищев бережно сохраняет от забвения образ самобытного русского философа. Он создает первую и, к сожалению, единственную до сих пор объективную научную биографию этого мыслителя. Напечатав сочинения Ушакова, Радищев дал им характеристику, указав на сильные и слабые стороны его философских и политических воззрений. Сильные, как уже говорилось выше, состояли прежде всего в том, что 23-летний юноша мужественно начал переоценку идей Руссо, увидя в них «философию единственников», поднялся до отрицания главного положения «гражданина Женевы»,—об антиобщественной природе человека. Наконец заслуга его состоит в попытке сформулировать основные принципы иного воспитания—воспитания человека и «доброго гражданина». Ему уже, Ушакову, принадлежит и антируссоистское «истинное определение человека»: не «единственник», живущий своим чувством, а гражданин, который «величайшее услаждение находит в том, чтобы быть отечеству полезным».

Но Ушаков умер в самом начале своего поприща. Он «не имел... довольно опытности» и, поскольку «все почти юноши, мыслить начинающие, «любят метафизику», «мысли свои обращал более к умственным предметам». Поэтому он иногда «возносился на крылиях воображения за пределы естественности». Эта метафизичность, страсть «к умственным предметам» мешали Ушакову «придерживаться правил, народным правлениям приличных». Отсюда одно из главных заблуждений Ушакова в области политики—исповедание концепции просвещенного абсолютизма: «предоставленный сам себе», он «полагал единственное упование на правосудие государя своего».

Убеждения Ушакова формировали сознание Радищева в Лейпциге; молодой свободолюбец исповедовал их в пору своей юности. Но по возвращении в Россию, по окончании русского «университета», его философские и политические воззрения стали иными. Ушаков был «добрый гражданин», Радищев—революционер, «прорицатель вольности». Ушаков, чувствуя «к предстателям мерзение», борется с ними, уповая на государя, Радищев—борется с самодержавием. Ушаков пишет сочинение, в котором высказывается против казни вообще, доказывая ее ненужность для общества. Радищев отвергает эти метафизические суждения и тре-

бует казни для монарха и для дворян, видя в этом общественное благо. Поэтому убеждения Радищева в период написания «Жития Ушакова» во многом отличны от ушаковских. Радищев сознательно и преднамеренно оговаривает: Ушаков был учителем, но не вообще, а «по крайней мере в твердости». О том, что это значит и почему Радищев так настаивает на воспитании в нем твердости, будет сказано ниже. Поэтому крайне наивны те исследователи, которые до сих пор ставят знак равенства между убеждениями Ушакова и Радищева.

«Житие Ушакова»—первое художественное произведение в России, создавшее так нужный русскому общественному движению образ положительного героя—человека и гражданина, истинного сына отечества, действительного патриота и борца за свободу. Здесь нашли свое органическое слияние две ранее существовавшие у Радищева раздельно стихии—лирическая, исповедная, и документальная, достоверная. Образ Ушакова, сочетавшего в своем лице доброго гражданина, свободолюбца, «с бушевавшим в его душе негодованием на неправду»; вождя и учителя русских студентов, философа и мыслителя; человека «доброго сердца», открытого «гласу дружбы»; человека твердых мыслей и жизнелюбца, с мечтой о чистой и деятельной любви, мужественного перед лицом смерти,— дан объективно в делах и поступках, в чувствах и обстоятельствах его жизни.

Параллельно Ушакову Радищев дает лирический автопортрет. С первых строк обращения к другу Кутузову перед читателем возникает обаятельный образ человека, живущего открытой жизнью, готового перед всеми «отверзти последние излучины сердца». Вспоминая «о днях юности своея», он погружает читателя в свой внутренний мир, рассказывая о себе все; и чем ближе знакомился читатель с этой духовной жизнью неповторимой индивидуальности, тем отчетливее и яснее возникал перед ним образ нового человека—русского революционера. Опыт оды «Вольность» давал плодотворные результаты. Рассказами о себе, о юности и друзьях Радищев занимает внимание читателя не потому, что именно для него, автора, важны, дороги и незабвенны эти дни юности, эта эпоха беззаботного счастья, но потому, что это—время «блаженного союза душ», эпоха, «соделавшая» счастье и смысл всей последующей жизни. Именно в эти дни, указывает

Радищев, он «научился мыслить», стал истинным человеком и гражданином, видевшим единственный смысл своего существования в деятельности и борьбе за счастье своих томящихся в рабстве «единоземцев». Так утверждалось новое содержание личной жизни, содержание интимного человека, где эмоции социальные составляли основу духовного богатства индивидуальности, живущей в обществе и ощущающей себя как личность лишь в борьбе.

Этот мир делался для читателей еще более близким и дорогим оттого, что это был не мир абстрактного человека, или, как выражался Ушаков, не мир «человека вообще», «сотворенного в воображении нравоучителей». Нет, то был мир русского человека, русского по своему характеру, по своим мыслям, по складу ума. Размышляя о русском народе, о русском характере, Радищев, обобщая свои наблюдения, писал: «Твердость в предприятиях, неутомимость в исполнении—суть качества, отличающие народ российский... О, народ, к величию и славе рожденный, если они (эти черты характера.—*Г. М.*) обращены к тебе будут на снискание всего того, что сделать может блаженство общественное!»

Определение это замечательно тем, что оно заключает в себе радищевскую философию нравственности, его понимание задач воспитания. Русский народ в итоге своего исторического развития обладает этими решающими чертами—твердостью в предприятиях и неутомимостью в исполнении. Существование их—залог будущего освобождения родины от рабства. Именно эти черты создали ему величие и славу, именно они, обращенные на снискание «блаженства общественного», помогут ему разбить путы рабства, расправиться со своими мучителями, уничтожить самодержавие. Вот почему воспитание, по Радищеву, обязательно должно проходить в условиях национальной традиции. Вот почему он всячески подчеркивает, что главная черта в характере Ушакова—«твердость», и главное, чем обязан он Ушакову,—воспитание в нем твердости. Вот почему, создавая свои революционные произведения—«Путешествие из Петербурга в Москву» и «Житие Ушакова», то есть осуществляя свое намерение служить отечеству, совершая подвиг, к которому он готовился всю жизнь, Радищев в «Житии Ушакова», как истинный русский человек, «трепетал воспоминания» о намерении, возникшем было в Лейпциге покинуть Россию, чтобы избежать пре-

следований Бокума. Открывая читателю «излучины своего сердца», Радищев показывал: для него, патриота, нет и не может быть другого желания и иного счастья, кроме жизни в России, жизни, которая в его сознании означала борьбу с тиранией, с рабством, борьбу за свободу и счастие миллионов крепостных крестьян.

X

«Путешествие из Петербурга в Москву» —книга, посвященная проблемам будущей русской революции. Ее героем стал народ—движущая сила этой революции, и передовой дворянин, порывающий со своим классом и становящийся в ряды «прорицателей вольности», деятелей революции. Вот почему эта книга подводила итог русскому общественному движению XVIII века и в то же время поднимала его качественно на новую, высшую ступень.

В посвящении книги, написанном, когда «Путешествие» было уже не только закончено, но и прошло цензуру, Радищев со всей обнаженностью вскрывает свой замысел: «Я человеку нашел утешителя в нем самом». «Отыми завесу с очей природного чувствования—и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем. Воспрянул я от уныния моего, в которое повергли меня чувствительность и сострадание; я ощутил в себе довольно сил, чтобы противиться заблуждению; и—веселие неизреченное!—я почувствовал, что возможно всякому соучастником быть во благодействии себе подобных.—Се мысль побудившая меня начертать что читать будешь».

Яснее было трудно сказать,—книга должна была «отнять завесу с очей» тех, кто «взирал не прямо на окружающие его предметы», должна была открыть истину, рассеять заблуждение. Именно эта надежда и вдохновила Радищева. «Но если, говорил я сам себе, я найду коголибо, кто намерение мое одобрит, кто ради благой цели не опорочит неудачное изображение мысли, кто состраждет со мною над бедствиями собратии своей, кто в шествии моем меня подкрепит, не сугубой ли плод произойдет от подъятого мною труда?»

Возникает естественный вопрос: к кому же в первую очередь обращался Радищев со своей книгой, кто должен был «подкрепить» Радищева в его «шествии»? Сам дворянин,

Радищев, став на путь революции, стремился «научить прямо взирать» на социально-политическую жизнь самодержавно-крепостнической России, обратить внимание на центральный вопрос русской жизни—рабство, увлечь собственным мужественным примером на путь революции передовые, оппозиционно настроенные к политическому режиму Екатерины, радикальные по своим воззрениям круги дворянства. Исторические обстоятельства России не представляли других возможностей.

Ленин неоднократно обращал внимание на эту особенность русской истории—выдвижение из рядов дворянства деятелей, порывавших со своекорыстной практикой класса, к которому они принадлежали. «Дворяне дали России Биронов и Аракчеевых, бесчисленное количество «пьяных офицеров, забияк, картежных игроков, героев ярмарок, псарей, драчунов, секунов, серальников», да прекраснодушных Маниловых. «И между ними—писал Герцен—развились люди 14 декабря, фаланга героев, выкормленных, как Ромул и Рем, молоком дикого зверя... Это какие-то богатыри, кованные из чистой стали с головы до ног, воины-сподвижники, вышедшие сознательно на явную гибель, чтобы разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и раболепия»[1].

Радищев и стремился всей своей деятельностью и своим «Путешествием» прежде всего разбудить к новой жизни молодое поколение, рожденное в среде палачества, угнетения и раболепия. Вот отчего главным героем книги становится дворянин, научающийся «прямо взирать» на окружающие его предметы, дворянин, «уязвленный страданием человечества», сумевший осознать бедственное положение крепостного крестьянства, дворянин, понявший свои либеральные заблуждения, порвавший со своим классом, отряхивающий с себя гнусный груз предрассудков, отважно решившийся итти во след Радищеву.

Образ героя «Путешествия» не тождественен исторической личности самого Радищева. Это человек, имеющий свою собственную биографию, своих многочисленных друзей, свои сложные, противоречивые убеждения, это человек, лишь под конец путешествия оказывающийся

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 18, стр. 9 (В. И. Ленин цитирует статью А. И. Герцена «Концы и начала»).

способным стать радищевским «соучастником во благоденствии себе подобных». Кто же этот человек? Дворянин, живущий в столице, не имеющий крепостных и добывающий средства к существованию службой. Он человек гуманный, либеральных воззрений, субъективно честный в исполнении своего долга, одобряющий сатирическую деятельность Новикова, читающий его статьи о воспитании, сочувствующий фонвизинским драматическим и прозаическим сочинениям. Добродетельный и честный, он ненавидит социальную несправедливость злупотребления, притеснения и оскорбления человека. Он воспитан на популяризировавшейся в России идее энциклопедистов о просвещенном абсолютизме, как идеальном государственном строе. Поэтому он верит, что в лице Екатерины II осуществлено просвещенное самодержавство, отчего в России начал водворяться «златый век», восторжествовала справедливость, осуществилась свобода, когда дозволялось «мыслить и говорить каждому, что он хочет».

Взяв в герои современника, человека, типичного для общественной жизни России 80-х годов, Радищев хотел открыть ему истину, обнажить его заблуждения и воспитать в нем своего «сочувственника», способного сопровождать его на пути революции. Что же могло воспитать этого человека? Ответ был уже найден, как мы знаем, в «Житии Ушакова»: воспитывает жизнь, обстоятельства, окружающие человека, если только человек сумеет взглянуть на них без предубеждения, если доверится всемогущей силе своих чувств.

В «Житии Ушакова» дух протеста воспитывали в студентах условия их бытия, созданные майором Бокумом. Нового героя Радищева должна была воспитывать исторически-конкретная действительность, именуемая деспотическим, самодержавно-крепостническим государством Екатерины II. Каким же образом эти политические обстоятельства жизни могли стать фактором воспитания? Ответ был найден также в «Житии Ушакова»: путешествие, погружение человека в гущу событий, столкновение его с сотнями реальных фактов, ранее ему неведомых, создание условий для чувственного восприятия подлинной, объективно существующей действительности.

Мы там читаем: «Не имел он (Ушаков.—*Г. М.*) однако же довольно опытности, так сказать, в учении, дабы из путешествия своего извлечь всю возможную пользу. При-

мечания достойно: человек, достигнув возмужалых лет, когда начинает испытывать силы разума, устремляемый бодростию душевных сил, обращает проницательность свою всегда на вещи вне зримой округи лежащие, возносится на крыльях воображения за пределы естественности и нередко теряется в неосязаемом, презирая чувственность, столь мощно его вождающую. Все почти юноши, мыслить начинающие, любят метафизику; с другой же стороны, все, чувствовать начинающие, придерживаются правил, народным правлениям приличных. Итак, Федор Васильевич мысли свои обращал более к умственным предметам и не знал еще, какую полезность извлечь можно из путешествия». Это и была философская база радищевской эстетики, положенной в основание «Путешествия из Петербурга в Москву».

Воспитывает человека жизнь. Человек, погруженный в гущу жизни, доверяется своему чувству, и именно это чувство освобождает его от заблуждений, от умозрительных умствований, метафизических представлений, открывает ему единственно объективную истину—«правила, народным правлениям приличные». Таким образом, отправляя героя в путешествие, Радищев предопределял и исход его воспитания: руководимый чувством, он непременно придет к обнаружению, а затем и приятию именно тех правил, которые «народным правлениям приличны».

Радищевская эстетика героического, эстетика воспитания революционера прочно опиралась на материалистическую философию. Основной философский вопрос Радищев решает с позиций материализма. Он пишет: «бытие вещей независимо от силы познания о них и существует само по себе».

Познание действительности, существующей независимо от сознания индивидуума, происходит при помощи чувств; без чувств разум—ничто. Механизм познания представляется Радищеву в следующем виде: первичным познанием является опыт, вторым—рассуждение; рассуждение—это тот же опыт, но «опыт разумный». Если опыт чувственный познает сами вещи, то рассуждение познает отношение вещей.

Радищев сам формулирует: «Рассуждение есть не что иное, как прибавление к опытам, и в бытии вещей иначе нельзя удостовериться, как через опыт».

Радищев не был только эмпириком, оставшимся в пле-

ну фактов; от наблюдения фактов он переходил к их обобщению.

Установить это положение очень важно, так как оно формирует систему взглядов Радищева, раскрывая нам его метод мышления в следующей последовательности: наличие факта, его наблюдение и чувственное восприятие—первый опыт; рассуждение по поводу факта—накопление нового «умственного опыта», чтобы в итоге, сблизив однородные явления и устранив случайное, притти к обобщениям. Так Радищев устанавливает рождение нового представления и убеждения у человека—от непосредственного соприкосновения с действительностью и только с ней.

В соответствии с этим принципом и построены главы «Путешествия из Петербурга в Москву». Большинство глав содержит в себе «чувственные факты»—поданную и показанную тем или иным способом действительность, зарисованный кусок ее, и следующее за ним «рассуждение»—осознание этой действительности. В «Софии»—это случай с почтовым комиссаром и рассуждение о справедливости вообще; заунывные песни повозчика и рассуждение о необходимом характере правления. Затем—эта встреча с крестьянином, вызывающая размышление «о неравенстве крестьянского состояния», рассказ о систербекской истории и полное тревоги раздумье о злоупотреблении чиновников своей властью. Это—напутствие крестецкого дворянина сыновьям и дума о качествах человека и гражданина. Это—встреча с Анютой, с рекрутами, с семьей, продававшейся с молотка,—и навеянные этими встречами мысли о необходимости крестьянского восстания, как единственного пути к вольности народа. Иногда главы разрастаются и содержат не один, а несколько «фактов», за которыми следует одно «рассуждение», —так построена «Спасская полесть».

Изучение материала глав «Путешествия» позволяет нам сделать следующий вывод: все изображаемые факты действительности, призванные воздействовать на путешественника, раскрывать ему подлинную жизнь и рассеивать сложившиеся иллюзии о ней, подчиняют его разум своей логике жизненной правды. Факты подобраны в следующей последовательности: вначале—столкновение ложной системы, ложных представлений о действительности, свойственных в начале книги герою ее, с самой действительностью, впервые во всей ее наготе представшей перед путешествен-

ником; затем, под влиянием этого столкновения, крушение системы ложных убеждений. В дальнейшем следуют группы фактов, под воздействием которых формируется новое сознание путешественника.

Соответственно этому замыслу автор избирает и самый метод введения фактов. В первых главах с особой остротой показано столкновение заблуждающегося путешественника с действительностью, причем результаты этих столкновений поданы читателю с особой наглядностью: герой книги высказывает свое мнение раньше, чем ознакомится с фактом. Следующее за тем изображение действительности колеблет его ложные представления о жизни. Путешественник начинает искать выход из реально ощутимого противоречия между своими привычными взглядами и действительными фактами. Он размышляет, еще внимательнее присматривается к происходящим вокруг него событиям и людям. В качестве примера укажем хотя бы на главу «Любани»:

«—Ты конечно раскольник, что пашешь по воскресеньям?—Нет, барин, я прямым крестом крещусь, сказал он, показывая мне сложенные три перста. А бог милостив, с голоду умирать не велит, когда есть силы и семья.—Разве тебе во всю неделю нет времени работать, что ты и воскресенью не спускаешь да еще и в самый жар?—В неделе-то, барин, шесть дней, а мы шесть раз в неделю ходим на барщину; да под вечером возим оставшее в лесу сено на господский двор, коли погода хороша; а бабы и девки для прогулки ходят по праздникам в лес по грибы да по ягоды... Голый наемник дерет с мужиков кожу; даже лучшей поры нам не оставляет. Зимою не пускает в извоз, ни в работу в город; все работай на него, для того, что он подушные платит за нас. Самая дьявольская выдумка—отдавать крестьян своих чужому в работу. На дурного приказчика хотя можно пожаловаться, а на наемника кому?—Друг мой, ты ошибаешься, мучить людей законы запрещают.—Мучить? Правда; но, небось, барин, не захочешь в мою кожу.—Между тем пахарь запряг другую лошадь в соху и, начав новую борозду, со мною простился.

Разговор сего земледельца возбудил во мне множество мыслей» (подчеркнуто мною.—*Г. М.*).

Но это не единственный путь; иногда автор прибегает и к изображению больших явлений и событий, в которых

путешественник сам непосредственно не участвует, но выслушивает рассказы встреченных им в дороге лиц. Встреченные лица сообщают такие факты их столкновений с действительностью, которые приводят ум путешественника в смятение с еще большей силой, так как путешественник имеет здесь дело уже с трагическим результатом этих столкновений и, кроме того, убеждается, что он в своем заблуждении не одинок, что несправедливость и произвол в жизни закономерны («Чудово», «Спасская полесть», «Зайцево» и др.).

Общественно-политическая задача «Путешествия из Петербурга в Москву» определила высокие ее художественные достоинства и особенности. Книга, написанная с целью умножения числа людей, «прямо взирающих» на действительность, с целью воспитания героя, имеет сюжет, строго подчиняющий себе весь вводимый в повествование огромный материал. Поэтому радищевское «Путешествие» не распадается на отдельные куски, главы и эпизоды, как это обычно происходит в традиционном жанре сентиментальных путешествий, подчиненных субъективистским, индивидуалистическим задачам их авторов. Сюжет у Радищева цементирует все богатство впечатлений путешественника, отражающих богатства реального мира. Единым сюжетом «Путешествия» является история человека, познавшего свои политические заблуждения, открывшего правду жизни, новые идеалы и «правила», ради которых стоило жить и бороться, история идейного и морального обновления путешественника.

С первой же главы в центре внимания автора становится герой, который наблюдает, слушает и участвует сам в событиях своего путешествия. Главы «София», «Тосна», «Любани» и «Чудово» рисуют нам человека, верующего в мудрость екатерининских законов страны, «где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет», где все дышит обилием, где, якобы, искоренены всякие неустройства и злоупотребления, где правит мудрая императрица, «философ на троне». Но вот герой выехал из столицы и как будто попал в другой мир,— так все ново и незнакомо в нем.

«Я зрел себя в пространной долине, потерявшей от солнечного зноя всю приятность и пестроту зелености; не было тут источника на прохлаждение, не было древесные сени на умерение зноя. Един оставлен, среди при-

роды пустынник! Вострепетал.—Несчастный,—возопил я, где ты? где девалося все, что тебя прельщало? где то, что жизнь твою делало тебе приятною? Неужели веселости, тобою вкушенные, были сон и мечта?»

Его оскорбляет поступок почтового чиновника, не желающего поступать по справедливости («София»), возмущает дорога, оказавшаяся много хуже, чем о ней писали. Он с негодованием отворачивается от стряпчего, собирающегося заработать на темных делишках составления фальшивых родословных, еще твердо веруя, что услугами пройдохи никто не воспользуется («Тосна»).

После встречи с крестьянином (в главе «Любани») он уже удивлен, что тот работает шесть дней на барщине, удивлен диким произволом, находящим опору в законах. Но вот новая история—неугомонная жизнь как нарочно вывернула перед ним изнанку, до сих пор скрытую от него. Систербекская история («Чудово») его поражает; он уже вынужден против воли сделать первое отступление от привычных взглядов и признать существование «малых и частных неустройств». Но он еще поспешно добавляет, продолжая верить и надеяться, что они, конечно, «в обществе связь его не нарушат».

Глава «Спасская полесть» открывает нам смятенный душевный мир путешественника. Выехав из Петербурга спокойно, он, лежа в кибитке, предался было сладостным воспоминаниям об оставленных им друзьях, мечтам о будущей встрече с ними, целиком погрузившись в себя, занявшись собственными мыслями и чувствами. Но обступившая его жизнь нарушила это уединение. Началось с дорожных ухабов: кибитку трясло, кидало из стороны в сторону, так, что «для сохранения боков» путешественнику пришлось вылезти и пойти пешком. Не успел выйти из кибитки, как увидел пашущего в воскресенье крестьянина. Начались встречи, разговоры, которые все более и более волновали путешественника, заставляли задумываться над увиденным, заняться чужими бедами, чужим горем. В Спасской полести путешественник после встречи со второй жертвой беззакония весь оказывается во власти социальных эмоций, совершенно забыв о себе, о своих прежних друзьях, отдавшись раздумьям о судьбах чужих людей—гонимых, преследуемых, угнетенных в государстве, где правит сама «мудрость на троне». «Повесть сопутника моего тронула меня несказанно. Возможно ли, говорил я сам себе, чтобы

в толь мягкосердое правление, каково ныне у нас, толикие производилися жестокости? Возможно ли, чтобы были столь безумные судии, что для насыщения казны (можно действительно так назвать всякое неправильное отнятие имения для удовлетворения казенного требования) отнимали у людей имение, честь, жизнь?» Так путешественник с горечью признался себе—в екатерининской России у человека с легкостью можно было отнять не только имение, но и честь и жизнь. Он теперь на своем опыте убедился, как правы были и Новиков, обличавший судей и помещиков, и Фонвизин, сказавший правду о скотининых и простаковых, о придворных, жадной толпою стоящих у екатерининского трона. Разделяя негодование и возмущение этих писателей, он следует за ними же и в своих последних надеждах: нужно открыть глаза самому монарху,— это единственный выход из тяжелого положения, в котором очутилась Россия. «Я размышлял, каким бы образом могло сие происшествие достигнуть до слуха верховные власти. Ибо справедливо думал, что в самодержавном правлении она одна в отношении других может быть беспристрастна». Так перед нами уже не просто гуманный и честный человек, но гражданин, полный общественной активности, готовый защитить перед лицом самого монарха, которому верит, как богу, попранную справедливость. В этом возбужденном состоянии, поглощенный идеей обращения «к высшей власти», путешественник засыпает, и Радищев использует это для того, чтобы рассказать о его сне.

Путешественник видит во сне то, что ему хотелось исполнить наяву—открыть монарху глаза на все бедствия и злоупотребления, господствующие под покровом «его беспристрастной власти».

И снится путешественнику сон, что он «царь, шах, хан, король, бей, набоб, султан или какое-то сих названий нечто, седящее во власти на престоле». Все вокруг его престола «блистало лучезарно», утопало в роскоши. Голова монарха была украшена «венцом лавровым», под руками его лежали две книги—закон милосердия и закон совести, «с робким подобострастием» вокруг стояли «члены государственные».

Сладостный сон продолжался. Создавая его, Радищев сумел с большой художественной силой передать читателю двойственность своего замысла: во-первых, он выражал естественную для данного этапа идейного развития путе-

шественника надежду на Екатерину, во-вторых, он выражал революционную, радищевскую точку зрения на монархическую власть вообще и деспотическое правление Екатерины II в частности. Первый план осуществлялся в фабульном движении—заблуждающемуся монарху женщина-Истина снимает бельма с глаз, он прозревает, видит себя обманутым и, благодарный Истине, начинает творить благо. Второй план осуществлялся средствами иронии—оружие, которым так блестяще пользовался Радищев, превращая весь сон в злейший памфлет на екатерининско-потемкинское самодержавное правление. В этом смысле первая фраза, где самодержец дерзко представлен как «нечто, седящее во власти», крайне показательна.

Путешественник, увидевший себя во сне монархом, слышит громкие восклицания придворных: «он усмирил внешних и внутренних врагов», «он обогатил государство», «он любит науки и художества», «поощряет земледелие», «он умножил государственные доходы, народ облегчил от податей, доставил ему надежное пропитание» и т. д. Радищев сознательно при этом перечисляет то, что было обычно перечисляемо в официальных екатерининских манифестах. Таким образом само содержание также помогало читателю понимать, что речь идет не о «султане или набобе», а о Екатерине. Заставляя своего «набоба» и «султана» говорить, Радищев прямо уже издевается над Екатериной—«речи таковые, ударяя в тимпан моего уха, громко раздавалися в душе моей». Екатерина, прочтя эти страницы, отлично поняв, в кого целил Радищев, гневно записала на полях: «Враль», «страницы написаны в возмутительном намерении», «покрыты бранью и ругательством, злодейским толкованием».

Что же происходило во сне дальше? После раболепия государственных чиновников к монарху, самодовольно упоенному своей мудростью, подходит Истина—и здесь-то начинается кульминационный момент сна, кульминационный момент политических надежд лучших людей России—писателей, общественных деятелей. К царю подходит мужественный человек, снимает с глаз «толстую пелену и вещает правду»: «Я есмь Истина. Всевышний, подвигнутый на жалость стенанием тебе подвластного народа, ниспослал меня с небесных кругов, да отжену темноту, проницанию взора твоего препятствующую. Я сие исполнила. Все вещи представятся днесь в естественном их виде

взорам твоим». И свершилось так давно ожидаемое чудо: прозревший монарх «вострепетал», увидев себя, погрязшего «в тщеславии и надутом высокомерии». «Одежды его, столь блестящие, оказались замараны кровью и омочены слезами». Министры его—коварными обманщиками и злодеями. Военачальники «утопали в роскоши», «воины умирали от небрежения начальников». Милосердие монарха сделано «торговлею». «Вместо того чтобы в народе моем через отпущение вины прослыть милосердым, я прослыл обманщиком, пагубным комедиантом». Все увидел прозревший вдруг монарх,—злодейство, корысть, бедственное положение угнетенного народа, утвердившееся в годы его правления. Именно в этом месте сна оба плана сливаются в один—сон становится резкой, злой и беспощадной сатирой. Уже многому наученный путешественник спешит поведать обо всем самому монарху, рассказать об открывшейся ему правде,—и здесь он бесстрашен и беспощаден. И Радищев всем сердцем сочувствует его смелым обличениям екатерининского самодержавства. Расхождения между путешественником и Радищевым начинаются вновь далее—путешественник все это рассказывает монарху затем, что верит: стоит только наяву явиться перед лицом Екатерины, сказать ей все, о чем страждет его умудренная опытом путешествия душа, и русский монарх «возревет яростию гнева» на всех тех, кто обманывал его, кто причинил столько страданий народу, возгласит: «Недостойные преступники, злодеи! Вещайте, почто во зло употребили доверенность господа (господина.—*Г. М.*) вашего? Предстаньте ныне пред судию вашего. Вострепещите в окаменелости злодеяния вашего»... Больше того, мечтает путешественник,—Екатерина не только изгонит плохих министров, но, чтоб избежать в дальнейшем повторения сего бедствия, призовет к себе «великих отченников», сказав им: «Прииди... облегчить мое бремя; прииди и возврати покой томящемуся сердцу и востревоженному уму».

В глазах Радищева эта иллюзия была не только печальным заблуждением, как бы частным делом некоторых хороших людей. Нет, для него эта иллюзия была преступлением, разоружавшим русское общественное движение, преступлением, потому что она была выгодна Екатерине, потому что она соответствовала ее политическим планам, ее тактике. Вот почему он иронией взрывал эту веру изнутри уже в этой главе, вот почему была избрана форма сна,—все,

о чем так мечтал путешественник, можно было осуществить лишь во сне. Вот почему, наконец, он заставляет и самого путешественника признаться в утопичности своих надежд. «Властитель мира,—заявляет он после пробуждения,—если, читая сон мой, ты улыбнешься с насмешкою или нахмуришь чело, ведай, что виденная мною странница отлетела от тебя далеко и чертогов твоих гнушается».

Путешественник на почтовых мчится дальше—навстречу новым фактам. Новгород наводит на размышления о естественном праве; выводы неутешительны: «Вопрос: в естественном состоянии человека какие суть его права? Ответ: взгляни на него. Он наг, алчущ, жаждущ. Все, что взять может на удовлетворение своих нужд, все присвояет. Если бы что тому воспрепятствовать захотело, он препятствие удалит, разрушит и приобретет желаемое. Вопрос: если на пути удовлеторения нуждам своим он обрящет подобного себе, если, например, двое, чувствуя голод, восхотят насытиться одним куском, кто из двух большее к приобретению имеет право? Ответ: тот, кто кусок возьмет. Вопрос: кто же возьмет кусок? Ответ: кто сильнее.— Неужели сие есть право естественное, неужели се основание права народного!—Примеры всех времян свидетельствуют, что право без силы было всегда в исполнении почитаемо пустым словом.—Вопрос: что есть право гражданское? Ответ: кто едет на почте, тот пустяками не занимается и думает, как бы лошадей поскорее промыслить».

Путешественнику уже слишком хорошо знаком встреченный в Новгороде жульничающий купец Карп Дементьевич с его опорой не только на естественное, но и на вексельное право. Вновь, неожиданно для себя, он обнаруживает противоречие: вексельное право, введенное правительством как закон, есть не что иное, как законом разрешенные обман и жульничество. «Введенное повсюду вексельное право, то есть строгое и скорое по торговым обязательствам взыскание, почитал я доселе охраняющим доверие законоположением; почитал счастливым новых времен изобретением, для усугубления быстрого в торговле обращения, чего древним народам на ум не приходило. Но отчего же, буде нет честности в дающем вексельное обязательство, отчего оно тщетная только бумажка? Если бы строгого взыскания по векселям не существовало, ужели бы торговля исчезла? Не

заимодавец ли должен знать, кому он доверяет? О ком законоположение более пещися долженствует, о заимодавце ли, или о должнике? Кто боле в глазах человечества заслуживает уважения, заимодавец ли, теряющий свой капитал, для того, что не знал, кому доверил, или должник, в оковах и темнице. С одной стороны легковерность, с другой—почти воровство. Тот поверил, надеяся на строгое законоположение, а сей... А если бы взыскание по векселям не было столь строгое, не было бы места легковерию, не было бы может быть плутовства в вексельных делах...» Разоблачение вексельного «права» обладает такой убедительной силой, что путешественник с тоской должен констатировать: «Я начал опять думать, прежняя система пошла к чорту, и я лег спать с пустою головою».

В Бронницы путешественник приезжает полный смятения: он молится, взывая к богу, прося о помощи; он теряет прежнюю систему, и это страшно. Что будет впереди? Заставить себя отвернуться от фактов и слепо верить прежнему он не может. «Рассудок претит имети веру и самой повести; столь жаждущ он убедительных и чувственных доводов» («Бронницы»). И еще с большим вниманием он присматривается к этим доводам. В главе «Зайцево» Крестьянкин рассказывает ему историю своего единоборства со всей существующей системой крепостнического государства по поводу процесса, в котором очевидная справедливость была на стороне обвиняемых крестьян. Угрозы, подкуп—все было пущено против Крестьянкина, лишь бы не допустить справедливого приговора, не допустить торжества правды. Дворянское общество, среди которого жил Крестьянкин, его судебное начальство требовало не справедливого, а классового суда в интересах дворян, и когда он, Крестьянкин, запротестовал, отстаивая права крепостных, рассматриваемых им как граждан без различия их состояния, его объявили опасным человеком, вынудили подать в отставку.

Перед героем развернулась страшная картина узаконенной несправедливости и произвола у всех на глазах в интересах господствующего класса; чувственные доводы делали свое дело. Глава заканчивается описанием состояния героя: он сидит на камне посреди пыльной дороги, чертит «на песке фигуры кой-какие» и думает тяжелую, горькую думу.

Задуматься есть отчего: перед путешественником уже не только разрозненные факты, которых нельзя опровергнуть, но живой человек, возмущенный всей системой этих фактов, убежденный, что мир полон пороков, несправедливостей, и в то же время верующий, что нет смысла в одиночной борьбе, что остался единственный путь — смириться и уйти прочь.

Родительское напутствие, услышанное им от крестецкого дворянина («Крестцы»), заставляет подумать о себе: если есть люди честные и мужественные, восстающие против несправедливости, нравственно чистые, то каков же он сам? Картина, нарисованная в «Яжелбицах», помогает путешественнику посмотреть на себя глазами Крестьянкина и крестецкого дворянина. И он с ужасом видит, что моральная грязь и нравственная нечистоплотность общества присуща и ему, члену этого общества.

«Нечаянный хлад разлился в моих жилах. Я оцепенел. Казалося мне, я слышал мое осуждение. Воспомянул дни распутныя моея юности. Привел на память все случаи, когда встревоженная чувствами душа гонялася за их услаждением, почитая мздоимную участницу любовные утехи истинным предметом горячности. Воспомянул, что невоздержание в любострастии навлекло телу моему смрадную болезнь...»

Прозрев, путешественник обвиняет, но не только самого себя; впервые он выступает с обличением по адресу всего общества господствующих. Это они, это существующая государственная система виновата в существовании социального бедствия — проституции. «Но кто причиною, что сия смрадная болезнь во всех государствах делает столь великие опустошения, не токмо пожиная много настоящего поколения, но сокращая дни грядущих? Кто причиной, разве не правительство?»

На этом кончается первый этап идейного развития путешественника — когда он осознает свои прежние заблуждения, приходит к пониманию бедственного положения страны и убеждается в необходимости немедленных коренных политических преобразований. Второй этап — это решение вопроса о путях изменения существующего положения, точнее: освобождение от нелепой, несостоятельной иллюзии, что в России царствует философ на троне, которому можно и должно снять пелену с глаз, который с величайшим нетерпением ждет пришествия мужествен-

ного человека, советника и помощника, готовый излить благо на своих подданных. Выше уже говорилось, что эта надежда была основанием политических воззрений путешественника, именно на нее он и пытался опереться, когда прежняя система «пошла к чорту».

В решении этой общественно важной проблемы особую роль играют встречи путешественника с людьми своего круга, дворянами—или жертвами екатерининского режима, или отважными мечтателями, фанатичными утопистами, жаждущими открыть Екатерине истину.

Первая встреча происходит в Чудове с приятелем Ч. Он рассказал о жестоком равнодушии государственных чиновников, жертвой которого чуть не стал он сам. Возмущенный поведением начальника, Ч. пытался искать справедливости, жаловался на него в Петербург, но ничто не помогло,—так был велик страх перед всесильными вельможами, так сильна привычка раболепия перед властью. Что же решает он делать, не добившись наказания виновного? Я,—заявляет он путешественнику,—«смирился...Теперь я прощусь с городом навеки. Не въеду николи в сие жилище тигров. Единое их веселие грызть друг друга; отрада их томить слабого до издыхания и раболепствовать—власти... Заеду туда, куда люди не ходят, где не знают, что есть человек, где имя его неизвестно». Совершенно очевидно, что приятель путешественника Ч. начитался Руссо. Не желая жить «среди тигров», он думает лишь о себе, бежит из общества, жаждет уединения, в котором он, не тревожимый несчастьями других, сможет жить счастливо сам.

Вторым беглецом из общества был случайный спутник, встреченный в Спасской полести. Несправедливо преследуемый судьями и властями, он, не пожелав бороться даже за свое правое дело, ехал вон из столицы «куда глаза глядят». Таким же, в сущности, беглецом оказывается и третий человек, встреченный путешественником в Зайцеве—Крестьянкин. Несомненно, Крестьянкин резко отличается от своих двух предшественников: он человек общественно-активный, деятельный, убежденный борец, вдохновляемый чувством справедливости, он в своей деятельности, направленной на благо крепостных крестьян, идет даже на подвиг, проявляя редкое мужество и отвагу. Но подвиг оказался не по плечу ему, он надорвался и решительно отказывается от дальнейшей службы и дея-

тельности вообще: «Не нашед способов спасти невинных убийц, в сердце моем оправданных, я не хотел быть ни сообщником в их казни, ниже оной свидетелем; подал прошение об отставке и, получив ее, еду теперь оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния и услаждать мою скуку обхождением с друзьями».

Образом Крестьянкина Радищев хотел показать, как честный и мужественный человек, не одушевленный идеей отрицания всего крепостнического государства, верующий, что все дело в частных неустройствах и злоупотреблениях, неизбежно терпит поражение в своей отважной, но, в сущности, бесполезной деятельности.

Путешественник узнал от Крестьянкина о таких неустройствах и злоупотреблениях дворянской власти, что это позволяет ему понять некую закономерность всех этих частностей,—и в этом прежде всего значение встречи с Крестьянкиным. Но он не может согласиться ни с его методом индивидуальной борьбы с отдельными носителями зла, ни с его решением вообще отказаться от деятельности, уйти из общества, ограничиться кругом друзей. Нет, герой-путешественник, чем более прозревает, чем глубже постигает горькую правду крепостнической действительности, тем становится активнее, хочет деятельности, хочет отдать жизнь свою страждущим повсюду согражданам. Но какая же это деятельность, что же должно и можно делать? Каков путь устранения обнаруженного бедственного состояния родины?

И здесь Радищев сталкивает своего героя с крестецким дворянином, а затем с автором проекта освобождения крестьян, «гражданином будущих времен». Встреча с этими двумя людьми занимает едва ли не центральное место в «Путешествии». Крестецкому дворянину посвящена целая глава, самая большая в произведении, автору «проекта в будущем»—две главы. Оба героя—крупные мыслители, оба пространно излагают свои философские и политические воззрения. Общее в их убеждениях—резкая и категорическая критика существующего в России социально-политического режима. Оба отлично понимают: дело не в частных неустройствах и отдельных злоупотреблениях, а в системе рабства, в бюрократическом дворянском государстве. Крестецкий дворянин мужественно заявил: «Правила общежития относятся ко исполнению обычаев и нравов народных, или ко исполнению

закона, или ко исполнению добродетели. Если в обществе нравы и обычаи не противны закону, если закон не полагает добродетели преткновений в ее шествии, то исполнение правил общежития есть легко. Но где таковое общество существует? Все, известные нам, многими наполнены во нравах и обычаях, законах и добродетелях противоречиями. И оттого трудно становится исполнение должности человека и гражданина, ибо нередко они находятся в совершенной противоположности». В России законы противоречат народным обычаям и добродетелям— таков общий вывод. Отсюда все бедствия сограждан. Оттого государева служба развращает дворян: потакая их корыстным интересам, она делает их жестокими исполнителями воли министров, вельмож, временщиков. Оттого порок, злодеяния, преступления находят свою опору в законе. Оттого даже родитель, отлично воспитавший своих детей в духе добродетели, ждет, когда «сынок любезный с приятною улыбкою отнимать будет имение, честь, отравлять и резать людей, не своими, всегда боярскими руками, но посредством лап своих любимцев».

Автор «проекта» выражался еще более резко. Он прямо и обнаженно ставил вопрос о главной язве екатерининского государства—рабовладении. Он гневно писал: «Земледельцы и до днесь между нами рабы, мы в них не познаем сограждан нам равных, забыли в них человека». «Порабощение есть преступление». «Но кто между нами оковы носит, кто ощущает тяготу неволи? Земледелец! кормилец нашея тощеты, насытитель нашего глада; тот, кто дает нам здравие, кто житие наше продолжает, не имея права распоряжаться ни тем, что обрабатывает, ни тем, что производит».

Именно от рабства все бедствие. И не только нищета, болезнь, смертность, страдания миллионов соотечественников и сограждан. Рабство развращает все общество. «Нет ничего вреднее, как всегдашнее на предметы рабства воззрение. С одной стороны родится надменность, а с другой—робость. Тут никакой не может быть связи, разве насилие».

Как видим, и крестецкий дворянин, и «гражданин будущих времен» отлично поняли, в чем состоит главное бедствие России. Они отказались говорить о частных неустройствах и, как истые граждане и патриоты, как

государственные мужи, ставят перед обществом центральный вопрос русской жизни и предлагают решение—ликвидацию гибельного для России крепостного права, освобождение крестьян.

Путешественник, познакомившись с крестецким дворянином, с сочувствием выслушивает его напутствия, его политическое завещание сыновьям, вступающим на поприще общественной жизни, с волнением прочитывает «проект в будущем», написанный его другом, решительно и окончательно становится на их сторону, признавая справедливыми, человеколюбивыми их смелую критику екатерининского режима, их требование ликвидировать рабство. Но какой же путь к решению этой центральной проблемы предложили ему они?

Оба не принадлежат к беглецам, это мужественные деятели, отдавшие всю свою жизнь делу спасения отечества, именно отечества, а не отдельных жертв злоупотреблений. Крестецкий дворянин панацею от всех бед видит в воспитании. Он смело вступает в единоборство со всей господствующей системой. Он знает, что крепостничество, самодержавная власть растлевают дворян, делают их насильниками, поработителями и мучителями тех, кто должен им доставлять средства для утоления прихотей. Он создает свою систему воспитания и наставляет, согласно ей, детей своих, как добродетельных граждан, честных людей, мужественных патриотов. Он научает исполнять добродетель, которая есть форма активной деятельности на благо сограждан. Крестецкому дворянину уже около пятидесяти лет, за ним опыт, он убелен сединами, он тверд в мыслях и отважен в своем убеждении. Он неколебимо стоит среди враждебного ему общества, не боясь ни мучений, ни преследований, ни заточения, ни даже смерти. Он уже много лет занят воспитанием и с гордостью открывает путешественнику свою систему, в основе которой лежит труд. Он убежден, что труд делает человека полезным и нужным обществу членом. Труд освобождает от страшной необходимости жить за счет других, быть угнетателем себе подобных людей. Труд определяет отношения с другими людьми, но не по положению в обществе, не по роду, а по характеру деятельности. Труд воспитывает чувство человеческого достоинства, укрепляет нравственность, защищает от соблазнов дворянского общества, укрепляет

здоровье. Взрастив своих сыновей в труде, крестецкий дворянин преподает им правила гражданской жизни, желая видеть в них не только честных людей, но и граждан. Вот почему им крайне необходимы правила «единожития» и «общежития».

Он делит добродетели на частные и общественные. Правила, преподанные крестецким дворянином, предоставляли каждому человеку индивидуальный выход, научая его определять и строить свою жизнь в трудных и тяжелых условиях такого общественного уклада, где добродетели «в ее шествии» беспрестанно препятствовали. При этом он верит: если воспитывать все больше и больше людей, подобных его сыновьям, положение в обществе изменится само собой. Просвещение—всесильное оружие, просвещенный человек своим примером увлечет десятки других, ибо добродетель в действии так прекрасна, так несоизмеримо лучше порока, что все, погрязшие в злодеяниях и корысти, решатся покинуть позорную стезю зла. Краеугольным камнем всей системы воспитания крестецкого дворянина, на котором он незыблемо стоял, была вера в просвещенного государя. Научая противиться любой «неправде», он наставляет—уважай закон: «закон, каков ни худ, есть связь общества». Повинуйся закону и государю, верь, что только он изменяет закон, противоречащий добродетели, «ибо в России государь есть источник законов».

Автор «проекта в будущем» будто в подтверждение слов крестецкого дворянина, будто в развитие его центральной идеи воспитания, обращается к русскому государю— «источнику законов», с написанным им самим манифестом— проектом необходимых России преобразований. Веруя, что Екатерина ждет прихода человека, который открыл бы ей истину, дал бы спасительный совет, он смело пишет от ее имени о преступности рабства, о необходимости освобождения крестьян. Манифест, написанный им, есть яркое свидетельство его веры, что все необходимые преобразования в России осуществимы лишь по воле монарха. Оттого монарх в манифесте предстает мудрым, всепонимающим, печалующимся о судьбе своих сограждан, жаждущим творить благо. Этот монарх пишет, обращаясь ко всей нации: «Родившись среди свободы сей, мы истинно братьями друг друга почитаем, единому принадлеже семейству, единого имея отца, бога», и дальше: «Может ли

государство, где две трети граждан лишены гражданского звания, и частию в законе мертвы, называться блаженным?»

Но если монарх понимает, что крепостное право есть преступление, что же мешает ему в его человеколюбивых действиях? Дворяне,—отвечает «великий отченник». Дворяне своекорыстия ради выступают «поборниками неволи». И вот автор «проекта в будущем», в союзе с русским монархом, обличает дворян и уговаривает их освободить крестьян: «Неужели толико чужды будем ощущению человечества, чужды движениям жалости, чужды нежности благородных сердец, любви чужды братния; и оставим в глазах наших на всегдашнюю нам укоризну, на поношение дальнейшего потомства, треть целую общников наших, сограждан нам равных, братий возлюбленных в естестве, в тяжких узах рабства и неволи?»

Чувствуя, что уговор мало подействует на «поборников неволи», «гражданин будущих времен» и русский монарх начинают угрожать дворянству новым пугачевским восстанием, если они сами добровольно не освободят крестьян: «Не ведаете ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Загрубелые все чувства рабов и благим свободы мановением в движение не приходящие, тем укрепят и усовершенствуют внутренние чувствования. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже в разлитии его противиться ему не возможет. Таковы суть братия наши, во узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударяет. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Мы узрим окрест нас меч и отраву. Смерть и пожигание нам будет посул на нашу суровость и бесчеловечие».

Вот какой выход предложили путешественнику герои «Крестцов» и «Хотилова»—возложить надежду на русского монарха, чтобы в союзе с ним явиться перед лицом «любящего человечество» и осуществить спасительные реформы, пристыдив «поборников неволи».

Как же отнесся к этому путешественник? Решая вопрос для себя лично—как жить дальше, что делать для спасения отечества, он тем самым помогал найти выход из создавшегося в 80-е годы кризиса общественного движения. Вот почему свою индивидуальную веру в монарха он

сопоставляет с верой и убеждениями духовных вождей общества. Крестецкий дворянин и автор «проекта в будущем»—оба крупные мыслители, общественно активные граждане и патриоты. Их воззрения прямо совпадают с убеждениями и практической деятельностью крупнейших русских писателей-просветителей, стоявших в течение двух десятилетий (70-е и 80-е годы) во главе передового русского общества,—Новикова и Фонвизина.

Начиная с «Трутня», Новиков на протяжении двадцати лет неустанно проповедовал идею воспитания как единственного надежного средства обновления отечества. В 80-е годы в «Прибавлениях» к своей газете «Московские ведомости» он печатает цикл педагогических статей «О воспитании и наставлении детей». Идея воспитания общественно активных патриотов и граждан, наделенных «российскими добродетелями», развертывается в его философских статьях, в журналах «Утренний свет» и особенно «Московском издании». Полнее всего просветительские убеждения Новикова о нравственном воспитании изложены во второй части «Живописца»—журнала, многократно переиздававшегося в 70-е и 80-е годы и имевшего редкую в России популярность. Именно с новиковскими воззрениями и соотнесена у Радищева система нравственного воспитания, развиваемая крестецким дворянином.

Творчество Фонвизина было дорого и близко Радищеву. Он отлично знал не только его печатные произведения, но также и ходившие в рукописях. Фонвизинские политические убеждения были крайне противоречивы, отличались редкой непоследовательностью. Писатель блестящего сатирического дарования, он в своих произведениях смело обнажал язвы крепостнического правопорядка, гневно и бесстрашно требуя немедленного изменения существующего положения. И в то же время резкая критика екатерининского режима и действий самой Екатерины сочетается у него с самыми наивными просветительскими иллюзиями, с уверенностью, что только в единении с монархом возможна борьба с поборниками рабства,—скотиниными и простаковыми.

Фонвизин выступал в роли советчика Екатерины и мужественно брал на себя миссию спасителя отечества. В «Недоросле» он советовал Екатерине вмешаться в отношения помещиков и крепостных, вступить в борьбу с «поборниками рабства». Когда его не послушались, он

не отказался от своих намерений. Так появился проект манифеста о крупнейших преобразованиях России, написанный Фонвизиным вместе с Никитой Паниным; этот манифест хотели вручить Павлу, когда он займет престол. Самое большее, в чем мог отступить Фонвизин от своих воззрений, это отказаться от мысли, что его проект исполнит Екатерина,—вот почему это был «проект в будущем», адресованный будущему императору. Этот проект после смерти Никиты Панина Фонвизин передал в руки его брата Петра Панина, а тот, не дождавшись смерти Екатерины, отправил его «просвещенной монархине». Результат—опала Панина и Фонвизина.

История с проектом манифеста, написанным Фонвизиным и Паниным, несомненно была известна Радищеву. И именно этот факт русской общественной мысли, факт, свидетельствовавший о банкротстве дворянского радикализма, и использует Радищев в своей книге. Он заставляет своего героя пройти не через вымышленные испытания, а через испытания реальные, конкретно исторические, заставив его прочесть «проект в будущем», написанный дворянином «великим отчинником», его современником и духовным вождем общества.

Радищев, решая в своей книге кардинальные вопросы русской жизни и прежде всего вопросы русской революции, не мог пройти мимо деятельности духовных руководителей общества. Он весь связан с русской традицией. Начиная свой путь, Радищев ясно и открыто высказал отношение к своим предшественникам. Он изучает творчество Ломоносова и дает объективную оценку великих заслуг и великих заблуждений этого деятеля. Он называет своего учителя—русского философа Ушакова. Оба этих деятеля к этому времени уже умерли. О них можно было говорить открыто. Теперь же, выступая в «Путешествии» с теорией крестьянской революции, как единственного пути к свободе и спасению отечества, он не мог пройти мимо тех, кто до него вот уже два десятилетия мужественно служил делу просвещения, делу свободы. И Фонвизин, и Новиков, выступая с страстной критикой крепостнической России, в то же время несли в общество заблуждения, разоружали русское освободительное движение, проповедуя веру в монарха. История выдвинула новый путь, пугачевское движение ясно его определило—восстание, народная революция. Заблуждения Новикова

и Фонвизина подлежали разоблачению. Русское общество должно было освободиться от этих выгодных русскому самодержавию иллюзий. «Путешествие из Петербурга в Москву» поднимало русское просвещение, русскую общественную мысль, освободительное движение на новую, высшую ступень. Поэтому Радищеву нужно было рассчитаться и с тем, что господствовало до него и в русской литературе, и прежде всего с теориями Новикова и Фонвизина. Но оба эти писателя были живы, оба были под опалой за свою мужественную деятельность,— называть их в своей книге было бы предательством. Вот почему не их изобразил Радищев, а людей, равного им типа сознания и убеждений. Вот почему, характеризуя политические воззрения этих людей, ему чуждые, Радищев изображает их носителей как людей мужественных, честных, благородных, отважных.

Радищеву была враждебна всякая надежда на монарха. Об этом свидетельствовало не только все содержание «Путешествия», не только ода «Вольность», где впервые было сказано, что революция—это закон, подкрепляемый опытом истории, но и «Письмо другу», где была высказана прямо противоположная «проекту в будущем» идея: не может царь, восседая на престоле, сделать что-либо для народной вольности.

Как же оценил путешественник советы, преподанные в Крестцах и Хотилове? Он подошел к ним, уже вооруженный опытом своего путешествия. Вот почему с легкостью он поверил их критике, подкрепляющейся его собственными наблюдениями, и недоверчиво отнесся к их итоговым выводам; здесь опять помог опыт путешествия, которого лишены были великие отченники.

Как уже говорилось, в «Житии Ушакова» была сформулирована философская сторона путешествия,—она освобождала человека от метафизических представлений и воззрений, она помогала познать естественные законы жизни, искаженные тираническим законодательством, познать «правила народным правлениям приличные». В самодержавном государстве большая часть людей «уподоблена тяглому скоту», превращена «в движимые мучителем машины», у них отнята свобода. Русский земледелец лишен права именоваться человеком, «истинным сыном отечества» (патриотом), опираясь на силу, помещик беспощадно «оскорбляет» его. Радищев утверждает: если

человека «оскорбили», то он, «влекомый чувствованием сохранности своей, принуждается на отражение оскорбления». Отсюда общий вывод: «утесненный народ», «обиженный» русский крепостной должен защищать свою свободу и независимость, сам не ожидая, что кто-нибудь другой вступит за него в борьбу с обидчиком и угнетателем. В этой связи Радищев вновь говорит о мщении. Восставший крепостной, справедливо ненавидя «обидчиков», безжалостно уничтожает их. Если будет действовать этот закон, не будет угнетения. Вот почему так боятся народа и этого закона захватившие власть в свои руки дворяне, вот почему в своей боязни и собственной защиты ради заградились от него своим, так называемым гражданским законом. Понятно, что в этом защищающем интересы дворян гражданском законе, крестьянин «мертв». Таковы убеждения Радищева, их-то он и хочет передать своему герою. Путешествие создает самые подходящие условия для их самостоятельного усвоения героем.

Первый раз с новой для себя проблемой путешественник сталкивается на станции Чудово. Его приятель Ч., рассказав о том, как он чуть не потонул из-за равнодушия к своим обязанностям, проявленного царским начальником Систербека, сообщает о своем намерении сделать этот поступок известным петербургским властям. Побуждение это было так естественно, так справедливо, что пушешественник не мог с ним не согласиться. Но приятель неожиданно заявил, что «опомнился», и решил «смириться», и как причину своего смирения он впервые для путешественника называет это слово—месть. «Я убедился воспоминовением многих примеров, что мое мщение будет бесплодно, что я могу прослыть или бешеным, или злым человеком». Оказывается, добиться наказания виновного, не спустить ему вины его, есть месть. Так, впервые путешественник воспринимает это слово с одобрением, ибо всем своим существом он был согласен с намерением своего приятеля наказать равнодушного и преступного начальника. Странно было иное—отказ приятеля Ч. следовать такому справедливому побуждению.

Вторично о мести путешественник услышал от Крестьянкина. Его рассказ был настоящим откровением для путешественника. Суть рассказа такова: сыновья жестокого помещика, асессора в отставке, пытались обесчестить крестьянскую девушку, невесту деревенского парня. Тот,

увидев это, вступился за честь невесты. Тогда асессор велел наказать его за сопротивление господам, а невесту отдал своим сыновьям. Парень не удержался и стал отбивать свою невесту, уводимую в помещичий дом. Подоспевшие крестьяне, не сдерживая более ненависти к мучителям, бросились на них и убили асессора и его сыновей. И вот Крестьянкин, судья, должен был решить дело этих крестьян. Свое отношение к ним он формулирует так: «Невинность убийц для меня, по крайней мере, была математическая ясность. Если идущу мне, нападет на меня злодей и, вознесши над головою моею кинжал, восхочет меня им пронзить; убийцею ли я почтуся, если я предупрежду в его злодеянии и бездыханного его к ногам моим повергну». Не останавливаясь на этом, Крестьянкин говорит о законности мщения. Человек родится в мир, равен во всем другому». Но вот его начинают утеснять, оскорблять, мучить. Тот, кто делает это,—его мучитель, есть враг его. «Против врага своего он защиты и мщения ищет в законе. Если закон или не в силах его заступить, или того не хочет, или власть его не может мгновенное в предстоящей беде дать вспомоществование, тогда пользуется гражданин природным правом защищения, сохранности, благосостояния».

Случай, рассказанный Крестьянкиным, потряс путешественника. Он так же, как и Крестьянкин, оправдывает поведение крестьян, убивших своего мучителя. Только опять остается ему непонятным, почему Крестьянкин, оправдывая этот закон в действиях крепостных, сам не хочет следовать ему, отказывается от деятельности, бежит к своим друзьям «оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния».

Закон мщения оказывается известным очень многим. Знает его и крестецкий дворянин, но он верит, что все можно изменить воспитанием, он боится восстания, а потому он и против этого, природного закона. Сам—весь олицетворение «незлобия», он завещает своим детям: «Мщение!.. Душа ваша мерзит его. Вы из природного сего чувствительные твари движения, оставили только оберегательность своего сложения, поправ желание возвращать уязвления». И опять недоумение и сомнение закрадываются в душу путешественника: отчего этот благородный человек «мерзит» сего природного закона, этого естественного закона всякой «чувствительной твари».

В проекте, изложенном в главе «Хотилов», путешественник, наконец, разъяснил свои недоумения. И монарх, и благородный автор манифеста, оказывается, искренне боятся этого закона. Стращая дворян, автор манифеста говорил: «Блюдитеся», «уже время, вознесши косу, ждет часа удобности», «чем медлительнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут во мщении своем». И опять путешественник всей душой за этот закон—освобождение крестьян есть справедливое, человеколюбивое деяние. Именно этого, казалось, хотят и автор «проекта» и крестьяне. Но «гражданин будущих времен» предпочитает воздействовать на «добрые чувства» дворян, рабовладельцев. Крестьяне же, веруя в свой закон, ждут только часа для восстания. Далее, прямо ссылаясь на пугачевское восстание, автор манифеста заявляет: «Прельщенные грубым самозванцем, текут ему вослед и ничего толико не желают, как освободиться от ига властителей»,— заявляет так, потому что боится восстания крестьян.

На этот раз путешественник уже не недоумевает. Он просто не соглашается с воззрениями автора «проекта в будущем». Что именно так думал путешественник, ясно из следующей за «Хотиловым» главы «Вышний Волочек». Находясь во власти впечатлений от только что прочитанного манифеста, он вспоминает одного помещика, который «корысти ради» забывает человечество и устанавливает в своем имении чудовищный режим рабства. Рассказывая о жестокостях этого помещика, о безмерных страданиях крепостных, путешественник впервые сам судит его, впервые сам выносит обвинительный, но не моральный, а политический приговор. И приговор этот решительно противоречит советам встречаемых им людей—те отвергали мщение, бежали его в страхе, а он сам призывает к мщению. Обращаясь к честным дворянам, людям типа крестецкого дворянина, он восклицал: «И вы хотите называться мягкосердыми, и вы носите имена попечителей о благе общем. Вместо вашего поощрения к таковому насилию, которое вы источником государственного богатства почитаете, прострите на сего общественного злодея ваше человеколюбивое мщение. Сокрушите орудие его земледелия, сожгите его риги, овины, житницы и развейте пепел по нивам, на них же совершалося его мучительство, ознаменуйте его яко общественного татя». Таков был

ответ, найденный путешественником. Тем самым кончался второй этап идейного и морального обновления путешественника. Путь, предложенный крестецким дворянином и автором «проекта в будущем»,—путь, свойственный людям типа Новикова или Фонвизина,—был отвергнут. Начинался третий этап—формирование революционных убеждений. Путешественник твердо встал на обретенный им новый путь—путь революции.

Путешественник едет дальше. Он уже научился «взирать прямо» на действительность. Как пелена с глаз, пала вера в царя, в возможность исправить путем монаршего вмешательства хотя бы «мелкие и частные неустройства». Он едет свободный, с обновленной душой, с просветленным разумом. И все окружающее предстает ему в новом свете. Он видит теперь далеко, далеко. Каждое новое впечатление, новая встреча делает его мудрее, отважнее в неуклонно созревающем решении отдать свою жизнь делу освобождения крестьян.

Он все активнее в своих поступках, он уже сам становится силой, способствующей просветлению других, еще заблуждающихся, еще живущих иллюзиями. В деревне Медное путешественник наталкивается на варварскую, но будничио обычную в крепостнической России картину—продажу людей с торгов. Гнев и ярость охватывают путешественника при виде этой ужасной сцены. Помещик, «зверь лютый, чудовище, изверг», продает кормилицу свою, «вторую мать», продает семидесятипятилетнего старика, который, в бытность свою солдатом, спас жизнь его отца, а затем был дядькой и наставником его самого, продает внучку их, девушку, которую насилием и обманом он сделал своей любовницей, продает ее не одну, а с ребенком, своим сыном,—продает всех в розницу, разделяя родных людей. Возмущенный, яро ненавидящий дворян, «зверей лютых», путешественник бежит вон из дома, где продавались несчастные, бежит с намерением вступиться за них: «Постойте,—кричит он им,—я буду доноситель». На лестнице встречает своего друга:

— Что тебе сделалось? Ты плачешь?—спрашивает.

— Возвратись,—сказал я ему,—не будь свидетелем срамного позорища».

И здесь уже роли переменились—путешественнику приходится рассеивать в своем друге заблуждение, свойственное ему самому еще совсем недавно. «Не могу сему

я верить,—сказал мне мой друг,—невозможно, чтобы там, где мыслить и верить дозволяется всякому, кто как хочет, столь постыдное существовало обыкновение». «Не дивись,—сказал я ему,—установление свободы в исповедании обидит одних попов и чернецов, да и те скорее пожелают приобрести себе овцу, нежели овцу во христово стадо. Но свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободе поборствовать, все великие отчинники, и свободы не от их советов ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». Так в последний раз рассчитывается путешественник с идеей возможного мирного урегулирования отношений между помещиком и крепостным, с надеждой на то, что «великие отчинники», помещики вкупе с «казанской помещицей» Екатериной II, сами добровольно отменят крепостное право. Он, наконец, находит реальную и могучую силу, единственно способную осуществить великое дело освобождения. Этой силой оказывается народ, томящийся ныне под игом рабства, но сумеющий разорвать оковы, когда придет час расправы с мучителями.

Именно в эту пору осознания исторического будущего России происходит самая важная встреча путешественника: он встречает первого русского революционера — Радищева. Следуя своему принципу быть всегда точным и верным реальным историческим фактам и событиям, Радищев и в этом случае не отступает от него. Действие в книге происходит в России в конце 80-х годов, в пору царствования Екатерины II и господства временщика Потемкина. События, описываемые здесь, соответствуют реальным событиям политической истории России тех лет. Факты, характеризующие положение крепостных, факты произвола дворянства документально верны, как верно само путешествие по всем отлично известной дороге, соединяющей две столицы. Как точны факты и события экономического и политического бытия русских людей, так же для Радищева важно сохранить точность и объективность в изображении идейной жизни русского общества. Герой-современник воспитан реальными идеологическими факторами. Вот почему, создавая художественно-обобщенные, типические образы, он всякий раз опирался на конкретные факты, используя реальные судьбы известных ему людей. Так появились в книге субъективно-честные люди из дворян, надорвавшиеся в своей индивидуальной борьбе

с злоупотреблениями и убежавшие прочь от деятельности. И не случайно герой главы «Чудово», обозначенный буквой Ч., был Челищев, лейпцигский приятель Радищева. Так появились масоны, предлагавшие свой путь, путь того же бегства, путь индивидуалистический и антиобщественный. При этом нельзя забывать, что масоном стал в 80-е годы ближайший друг Радищева писатель Алексей Кутузов. Так оказалось необходимым вывести в книге мыслителей и деятелей типа Новикова и Фонвизина. Неизбежно было появление в книге самого Радищева, первого русского революционера, чья деятельность уже становилась объективным фактором русской истории.

Вот почему в Твери путешественник встречает автора первого революционного произведения в России, оды «Вольность», то есть Радищева. «Новомодный стихотворец», рассказывая путешественнику о своем намерении напечатать революционную оду, не ограничивается исповедным признанием, но, как истый революционер, читает встреченному им человеку свою оду, толкуя ее содержание, убежденно стремится обратить в свою веру человека, уже готового, в силу опыта путешествия, принять его учение.

В оде «Вольность», как мы уже знаем, Радищевым впервые изложена теория народной революции. Сюжет «Путешествия», подчинявший себе весь вводимый материал, не позволял вносить оду целиком. В композиционном строении «Путешествия» значение имела именно встреча с автором, с живым человеком, который излагает свое революционное убеждение, раскрывает концепцию рождения будущей свободной России. Подтверждая свою правоту поэтическим словом, он увеличивал воздействие своих революционных идей. Вот главные черты нарисованной им перед путешественником картины: «Человек во всем от рождения свободен». Поэтому вольность «есть дар бесценный», но «мучители»-дворяне вместе с царем отнимают у большинства людей этот дар, порабощают их, называя это все «изветом божества». Так было всегда, так происходит и в России, обширной области, где стоит «тусклый трон рабства». Суеверия—религиозное и политическое, подкрепляя друг друга,

Союзно общество гнетут.
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится—
На пользу общую рекут.

Рассудок же называет этот политический режим обманом и рабством. В действительности, царь «великий злодей» и мучитель, «на огромном троне, властно севши, в народе зрит лишь подлу тварь». До сих пор все, видя это, оставались хладнокровными. Но наступает новая пора, и хотя вокруг престола «все стоят, преклонивши колена»,— пусть трепещет тиран—«се мститель грядет, прорицая вольность». «От тяжести порабощения» народ восстает.

Возникнет рать повсюду бранна.
Надежда всех вооружит,
В крови мучителя венчанна
Омыть свой стыд пусть всяк спешит.
Меч остр, я зрю, везде сверкает,
В различных видах смерть летает
Над гордою главой царя.
Ликуйте, склепанны народы;
Се право мщенное природы
На плаху возвело царя.

Начался великий и самый справедливый суд, суд народа над преступником и злодеем—русским монархом. Приговор народа суров и мудр: «Злодей злодеев всех лютейший... Ты все совокупил злодеяния, и жало свое в меня устремил... Умри, умри же ты сто крат». Далее революция разливается, как море, по всей стране. «И се глас вольности раздается во все концы...

На вече весь течет народ;
Престол чугунный разрушает,
Самсон, как древле, сотрясает,
Исполненный коварств чертог.
Законом строит твердь природы.
Велик, велик ты, дух свободы,
Зиждителен, как сам есть бог!

«В следующих одиннадцати строфах,—заканчивает рассказ автор «Вольности»,—заключается описание царства свободы, и действия ее, то есть сохранность, спокойствие, благоденствие, величие...»

Путешественник жадно слушал «прорицание о будущем жребии отечества». Отдельные мысли, наблюдения, выводы—следствие собственного опыта путешествия—под влиянием стихов этого «прорицателя вольности» складываются в систему революционных убеждений. Он начинает чувствовать себя мстителем. Мстителем он приезжает на станцию Городня.

Начиная с Городни путешественник общается только с крестьянами, находится только в их среде, мужественно ищет средств и путей к установлению связей с ними, на началах взаимного уважения и доверия. Так в книгу вторгается народ, русский крепостной крестьянин, становясь ее героем, занимая центральное место в повествовании.

Именно в этих главах путешественник, принявший теорию революции «новомодного стихотворца»—автора оды «Вольность»,—выступает союзником и единомышленником Радищева. Поэтому вопрос о народе, как о той политической силе, которой предстоит обновить Россию, как социальной базе для мстителей и «прорицателей вольности», равно важен и для путешественника и для Радищева. Вот почему Радищев изобразил народ в своем «Путешествии» так, как он ранее еще никогда не изображался ни в русской, ни в мировой литературе.

До Радищева в русской литературе наиболее радикальное и исторически верное изображение крепостных мы встречаем у Новикова в его журнале «Трутень» (1769). Решительно встав на защиту «питателя», Новиков документально точно воспроизводит дикую нищету этого вечного труженика, его чудовищное бесправие, полную зависимость от произвола жестокого и равнодушного к человеческим страданиям барина. Созданный им образ впавшего в отчаяние от бедности, помещичьих повинностей, смерти близких людей крепостного Филатки потрясает читателя. Вот как предстает Филатка в своей челобитне барину Григорию Сидоровичу: «Бьет челом и плачется сирота твой Филатка. По указу твоему господскому, я, сирота твой, на сходе высечен, и клети мои проданы за бесценок... Ребята мои большие и лошади померли, и мне хлеба достать не на чем и не с кем, пришло пойти по̀ миру, буде ты, государь, не сжалишься над моим сиротством... Помилуй, государь наш Григорий Сидорович! Кому же нам плакаться, как не тебе? Ты у нас вместо отца...»

Нетрудно заметить, что беспримерный в литературе образ плачущего Филатки написан писателем гуманным, ненавистником рабства, всем сердцем сочувствующим положению обездоленного крестьянина, который для него равный ему человек. Но именно в свете этой гуманности политическая оценка явления подменялась у Новикова моральной. Следствием этой моральной оценки крепост-

ничества и явился образ плачущего Филатки, обращающегося с просьбой к барину, ищущий защиту у своего же господина, который представляется ему, несмотря на всю жестокость, «отцом». Но те же моральные оценки позволили Новикову увидеть в крестьянах и прекрасные, истинно человеческие качества, давно утраченные дворянами—сочувствие к человеческому горю, сострадание, взаимопомощь, трудолюбие. Так, в следующей крестьянской «отписке» рассказывается, что барин Григорий Сидорович, получив челобитную плачущего Филатки, не разжалобился, не пожалел его, не помог ни ему, ни его малым ребятам. И тогда односельчане, мужики, такие же нищие, как и Филатка, собравшись, купили ему корову, «чтоб робята не померли».

Именно новиковские очерки о крестьянстве служили для Радищева отправной точкой. Он усиливал то, что только намечалось у Новикова и что было так плодотворно,—утверждение высокого морального достоинства крестьянина, заключенного в его труде. Но к изображению крестьян в «Путешествии» Радищев подошел с противоположных новиковским, революционных позиций. Вот почему изображение народа в «Путешествии» было переворотом, составило целую эпоху в литературе.

Политически характеризуя самодержавие и крепостничество, Радищев указывает путь изменения существующего несправедливого социального строя. Путь этот—революция, творимая крепостными крестьянами. Эта позиция и определила новую природу радищевской эстетики, новое содержание как индивидуального образа крестьянина, так и собирательного образа русского народа.

Новиков негодует против положения Филаток, чтобы вызвать жалость и сочувствие у дворян к судьбе несчастного «питателя». Радищев протестует против крепостничества, чтобы вызвать ярость томящихся в оковах, чтоб ускорить час их справедливого мщения. Новиков надеется, что ему удастся уговорить дворян, удастся перевоспитать их и добиться возможности урегулировать отношение дворян и крестьян на началах разумных и человеческих. Радищев, по оценке Екатерины II, «полагает надежду на бунт от мужиков». Для Новикова крестьяне—объект приложения человеческого сочувствия и участия. Для Радищева народ—субъект истории, определяющий ее ход. Вот почему обобщенным образом новиковских

крестьян является плачущий Филатка. Вот почему характерным образом крестьян у Радищева является образ бурлака: «Бурлак, идущий в кабак, повеся голову, и возвращающийся, обагренный кровью от оплеух,—многое может решить доселе гадательное в истории Российской».

Этот неожиданный, смелый образ великолепно передает радищевскую неукротимую веру в светлое будущее России, в творческую мощь народа. В лицо «дворянскому корпусу», двору, самодержцу, бросает Радищев вызов: да, я с этим бурлаком, да, я с народом, который еще не разбужен, который принижен чудовищным рабством, но которому принадлежит будущее. Удивительна при этом эстетическая дерзость Радищева: он пишет положительный образ, вкладывает в него самые заветные свои идеалы, не боясь обвинений староверов, эстетов и помещичьих идеологов в непоэтичности, «низкости» того, кто вдохновлял его, кому верил он, во имя кого жил.

Образ бурлака открывает галлерею крестьян радищевского «Путешествия». В Любани происходит встреча с крестьянином. Судьба этого крепостного, как мы уже знаем, не из легких. Он принадлежит жестокому и скаредному барину, который заставляет своих мужиков работать шесть дней на барщине, оставляя свободным всего лишь один день, и то воскресенье. И вот как разговаривает этот крестьянин с путешественником: «Велика ли у тебя семья?—Три сына и три дочки. Перввенькому-то десятый годок.—Как же ты успеваешь доставать хлеб, коли только праздник имеешь свободным?—Не одни праздники, и ночь наша. Не ленись наш брат, то с голоду не умрет. Видишь ли, одна лошадь отдыхает; а как эта устанет, возьмусь за другую; дело-то и споро».

Уже здесь Радищев подчеркивает—как ни чудовищно положение крепостного, но его труд, даже безмерно тяжелый, спасает его и от голодной смерти и от нравственной гибели. Несмотря на свою бедность, он полон достоинства. Радищевский крестьянин знает, что он кормилец не только своей семьи, что он содержит не только шестерых своих детей, но и всю Россию. У него в ответ на жестокость помещика—своя тактика: работать на себя лучше, чем на барина. Он дерзко и открыто говорит об этом путешественнику: «Да хотя растянись на барской работе, то спасибо не скажут. Барин подушных не заплатит». Он человек думающий, он делится с путешественником своими

мыслями по поводу нового, заведенного помещиками обычая,—отдавать деревню в наем: «Ныне еще поверье заводится—отдавать деревни, как то называется, на аренду. А мы называем это— отдавать головой. Голой наемник дерет с мужиков кожу... Самая дьявольская выдумка отдавать крестьян своих чужому в работу».

Как видим, крестьянин из Любани не плачется, а судит своего жестокого барина. В нем нет ни капли смирения и унижения. И когда путешественник начнет ему толковать о том, что «мучить людей законы запрещают», он с досадой оборвет бесполезный разговор с барином, не знающим жизни и болтающим ему о законах, будто бы его защищающих. При этом он заявляет довольно бесцеремонно: «Мучить? Правда; но небось, барин, не захочешь в мою кожу».

Еще более характерна встреча путешественника с крепостной девушкой Анютой в деревне Едрово. Анюта—сирота, отец у нее умер, она живет с матерью и сестрой. Опять перед нами образ несчастной крестьянки. Для Новикова это был бы случай проявления человеколюбия, жалости и сочувствия к ее судьбе. У Радищева мы сталкиваемся с обратной картиной: Анюта вызывает у путешественника, да и у Радищева, не жалость, не сочувствие, а восхищение. Он любуется ею, завидует ее физическому и нравственному здоровью, цельности ее характера, ее истинно человеческим достоинствам.

Несмотря на бедность, на сиротство, на рабское положение, она независима, горда, полна достоинства. И здесь, как и у крестьянина из Любани, основа ее жизненного поведения—труд. Трудится она, ее мать, сестра. Трудом они кормятся, труд помогает исполнять повинность. По деревне о ней слава—«какая мастерица плясать! Всех за пояс заткнет, хоть бы кого... А как пойдет в поле жать—загляденье». Путешественник встречает ее тоже за работой. Она возвращается с речки, где стирала белье. На коромыслах у нее тяжелая ноша. «Поровнявшись с ней, начал я с нею разговор.

— Не трудно ли тебе нести такую ношу, любезная моя, как назвать не знаю?

— Меня зовут Анною, а ноша моя не тяжела. Хотя бы и тяжела была, я бы тебя, барин, не попросила мне пособить.

— К чему такая суровость, Аннушка, душа моя, я тебе худого не желаю.

— Спасибо, спасибо; часто мы видим таких щелкунов как ты; пожалуй, проходи своей дорогою».

Именно труд составляет основу крестьянской, и путешественник понимает, истинно человеческой нравственности. Когда он, движимый искренним чувством, хочет подарить Анюте сто рублей, чтобы ускорить ее свадьбу с любимым человеком, и Анюта, и ее мать с негодованием отвергают эту подачку. Они, люди труда, привыкли только к трудовым деньгам, и подарков, тем более от господ,—подарков, всегда унизительных и корыстных, решительно не принимают.

Глава «Едрово» имеет огромное значение в моральном обновлении путешественника. Перед ним в образе Анны, ее семьи, открылся новый, неведомый мир нравственной красоты и чистоты. Он ходит по деревне Едрово, с восхищением смотрит на жизнь этих людей, которых они, «мучители дворяне», превратили в «тяглый скот», слушает их простые, полные искренности и достоинства речи, с гневом и презрением думает о своей прошлой жизни, о жизни всего «дворянского корпуса», погрязшего в своем паразитизме и тунеядстве. Встреча с Анютой, крепостной девушкой,—поворотный момент в жизни путешественника. От нее, от ее поступков, ее задушевной мечты завести семью, воспитать сына исходит такой свет, что путешественник уезжает из Едрова с надеждой возможного своего обновления, возможного причащения к этой новой жизни. И Радищев сам всей душой верит, что возможно такое моральное обновление, что великая, мудрая и покоряющая сила заложена в людях труда. «Анюта, Анюта, ты мне голову скружила!—восклицает он.—Для чего я тебя не узнал лет пятнадцать тому назад. Твоя откровенная невинность, любострастному дерзновению неприступная, научила бы меня ходить во стезях целомудрия... О, моя Анютушка! сиди всегда у околицы и давай наставления твоею незастенчивою невинностью. Уверен, что обратишь на путь добределания начинающего с оного совращаться и укрепишь в нем к совращению наклоненного».

В Городню путешественник приезжает «мстителем». Вот почему его внимание привлекает толпа крестьян,— в деревне сдавали рекрутов. Он смело подходит к крепостным, заводит с ними разговор, ища средств и путей

помощи им. Они теперь для него «друзья мои». И здесь происходит встреча с крепостным интеллигентом.

Крестьянин из Любани, Анюта из Едрова—крепостные, сумевшие, несмотря на гнет рабства, обрекшего их на безысходную тяжелую работу, сохранить в себе «величественные преимущества человека». Встреченный в Городне рекрут—крепостной, но волею человеколюбивого помещика он получил образование, и в нем оказались разбуженными дремавшие нравственные силы, таланты и способности.

В напечатанной в 1789 году «Беседе о том, что есть сын отечества?» Радищев писал о важном моменте в жизни народа, о моменте осознания им своего положения; крепостные, задавленные тяжелой работой и бедностью, «не видят конца своему игу, кроме смерти, где кончаются их труды и их мучения, хотя и случается иногда, что жестокая печаль, объяв дух их размышлением, возжигает слабый свет разума и заставляет их проклинать свое состояние и искать оному конца». Размышление, по Радищеву, важнейшая черта в характере русских крестьян. Крепостной начинает размышлять под влиянием обстоятельств; «доведенный до крайности», он проклинает свое состояние, и тогда размышление «возжигает в нем свет разума», который помогает ему положить конец своему «печальному положению».

Встреченный в Городне рекрут убедил Радищева, что «размышление» у крепостных может быть ускорено образованием и воспитанием. Главная черта в характере крепостного интеллигента—именно это размышление. Разговор с ним убеждает путешественника, что «он достиг понятий, не достающих нередко в людях, несвойственно называемых благородными». Он учился наукам, приобретал знания и в России, и за границей. Главное в его образовании—рост самосознания: «я есть человек, всем другим равный». Он патриот, его «сердце трепетало, вступая опять в пределы отечества». Он русский по основам своего характера. Он тверд в мыслях, он ненавидит «робость духа». Он «сносит жребий свой терпеливо», не умея только терпеть «поругания». Разбуженное в нем человеческое достоинство делает его активным и смелым. Он, получив образование, оказывается опять на положении раба, делается жертвой разнузданной жестокости жены своего молодого барина, бывшего его соученика,

забывшего наказ отца своего—дать несчастному волю. Но, терпеливо перенося угнетение, он не пресмыкается перед своими мучителями, он судит их; барин, говорит он, обладает «робостью духа», барыня «соединила скареднейшую душу и сердце жестокое и суровое. Воспитанная в надменности своего происхождения, отличностию почитала только внешность, знатность, богатство». Как истинно русский человек, он терпелив, но до предела. Грозно предупреждает он своего мучителя, «не доводи до отчаяния души», «страшись!» Испуганные его угрозой, господа поспешили отдать ненавистного им человека в рекруты. Перемена положения породила надежду—«сладостное несчастному чувствование».

Выслушав этот рассказ, путешественник почувствовал близость к крепостному крестьянину. «Я прижал его к сердцу моему,—пишет путешественник.—Лицо его новым озарилось веселием. Не все еще исчезло, ты вооружаешь душу мою,—вещал он мне,—против скорби, дав чувствовать мне, что бедствие мое не бесконечно». Трудно переоценить значение этого вещего образа русского разночинца, созданного Радищевым на основе глубокого понимания великой творческой мощи русского народа и его роли в будущей революции, которая должна обновить «любезное отечество».

Рядом с образом крепостного интеллигента—Ломоносов, сын холмогорского рыбака. Крепостной интеллигент—только возможность. Ломоносов—свершение. «Определенный по состоянию своему препровождать дни свои между людей, коих окружность мысленные области не далее их ремесла простирается», Ломоносов, «изострив свое понятие», укрепив разум свой «полезными и приятными знаниями», стал «великим мужем», ученым, реформатором языка и стиха, «первым в российской словесности». Так человек, «исторгнутый из среды народные», властно приобрел «от природы право неоцененное действовать на своих современников». Ломоносов, великий деятель русской национальной культуры,—неопровержимое свидетельство талантливости русского трудового народа, его огромных потенциальных сил, его способности к величайшему государственному созидательному творчеству.

В основании радищевского изображения русских крестьян лежит его учение о роли обстоятельств в воспита-

нии человека. По Радищеву, «не прилежание, не старание, не воспитание делают великого мужа». «Известно всем, сколь мешкотно, сколь тихо бывает шествие наше в учении нашем». Обращаясь к истории, Радищев утверждает, «История свидетельствует, что обстоятельства бывают случаем на развержение великих дарований. Но на произведение оных природа никогда не коснеет, ибо Чингис и Стенька Разин в других положениях, нежели в коих были, были бы не то, что были; и не царь во Греции, Александр был бы, может быть, Картуш. Кромвель, дошедший до протекторства, явил великие дарования политические... на войне великие качества военного человека, но, заключенный в тесную округу монашеские жизни, он прослыл бы беспокойным затейником и часто бы бит был шелепами».

Создавая «Путешествие из Петербурга в Москву», Радищев опирался на опыт пугачевского восстания. Вот когда обстоятельства оказались отличным случаем «для разверження великих дарований». Вот почему, изображая русских крепостных крестьян, людей, отягощенных рабством, сведенных на положение «тяглого скота», Радищев героизировал их, видя в каждом ту дремлющую до случая силу, которая сделает его истинным сыном отечества, патриотом, деятелем революции. Сила, обаяние, нравственная красота русских крепостных радищевского «Путешествия» именно в том и состоит, что мы чувствуем в каждом из них будущего деятеля, освободителя России. Через индивидуальный облик каждого просвечивает его потенциальная судьба свободного человека. Именно поэтому, Радищев и мог писать о крестьянстве, как о том общественном классе, которому предстоит решить судьбу российской империи. Именно эта особенность радищевского подхода к крестьянам с особой силой проявилась в коллективных образах народа. Во всех этих случаях крестьяне даны в действии, в момент своей наивысшей жизни,—в момент свершения мщения угнетателям.

Впервые мы сталкиваемся с народом, не только утесняемым, не только размышляющим, но и действующим, в главе «Зайцево». Молодого парня, заступившегося за честь своей невесты, велено было «сечь кошками немилосердно». «Побои вытерпел он мужественно, неробким духом смотрел, как начали над отцом его то же произ-

водить истязание. Но не мог выдержать, когда он увидел, что невесту господские дети хотели вести в дом». Он вырвал невесту из господских рук и побежал. Началась погоня. Тогда пробил час мести. Парень, «выхватив заборину, стал защищаться». На шум прибежали другие крестьяне. «Соболезнуя о участи молодого крестьянина и имея сердце озлобленное против своих господ, его заступили. Видя сие, асессор, подбежав сам, начал их бранить и первого, кто встретился, ударил своею тростью столь сильно, что упал бесчувствен на землю. Сие было сигналом общему наступлению. Они порешили всех четверых господ и, коротко сказать, убили их до смерти на том же месте».

Возникли обстоятельства, и долго терпевшие рабы смело и мужественно поднялись на мучителя, проявляя товарищество, «соболезнуя» об участи не своей, но своего односельчанина, несправедливо гонимого и оскорбленного.

В главе «Хотилов» прямо говорится о пугачевском восстании, поднявшем десятки тысяч крестьян на революционное дело, сделавшем из них мужественных воинов, одушевленных желанием «освободиться от своих властителей».

В оде «Вольность» Радищев рисует картину революции, которая преобразила крепостных, сделав их «великими мужами», мстителями, бойцами за вольность. Свергнув самодержавие и творя суд над «злодеем» монархом, народ произносит речь, полную сознания своего величия, своего достоинства. И главное, что вменяет себе в заслугу народ,—сознание своего права на свободу, сознание своего труда, как творчества. Отсюда он сам характеризует себя как создателя, зиждителя, творца. «Покрыл я море кораблями... дал способ к приобретению богатств и блага человечества. Желал я, чтобы земледелец не был пленник на своей ниве». Он, народ, «гремящую воздвигнул рать», «земные недра раздирает», «металл блестящий извлекает», обеспечивает охрану отечества от внешних врагов,—«медны изваял громады, злодеев внешних чтоб карать». Труд народа—основа жизни на земле. Вот почему даже повергнутый в рабство, лишенный всех результатов своей деятельности, нищий, голодный и бесправный, он благодаря созидательному труду своему сохранил в себе нравственное достоинство, человеческое, творческое отношение к жизни.

Но есть и особое творчество народа, так «любезное» Радищеву, —его способность подчиняться «природному закону», завоевывать себе и своему отечеству свободу. Революция — вот наивысшее выражение творческих возможностей народа. Именно поэтому в Городне путешественник, открывший для себя и этот закон, обращается с прямым призывом к крепостным поднять восстание. Этот призыв к мятежу полон великой радостной веры в победу народа, в создание им своими собственными руками новой государственности, новой культуры, народным правлениям приличных». Вот эти вдохновенные слова путешественника:

«О, если бы рабы, тяжкими узами отягченные, яряся в отчаянии своем, разбили железом, вольности их препятствующим, главы наши, главы бесчеловечных своих господ и кровию нашею обагрили нивы свои! Что бы тем потеряло государство? Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи, для заступления избитого племени, но были бы других о себе мыслей и права угнетения лишенны».

Созданные Радищевым образы крестьян укрепляли эту веру путешественника, подтверждали убеждение, что именно из среды крепостных вырастут великие мужи, что именно народ есть истинный и единственный творец жизни во всех ее областях—экономической и культурной, политической и государственной.

Но, призывая к «избиению племени мучителей», путешественник вместе с «новомодным стихотворцем», то есть Радищевым, тем самым окончательно разрывал с дворянской средой. Наступала новая, суровая и мужественная жизнь «мстителя» и «прорицателя вольности». Чувствуя одиночество в среде дворянского общества, и путешественник и Радищев ищут общения не только с себе подобными, не только с теми, кого они вместе теперь научат «смотреть прямо» на окружающую их жизнь, но и с народом.

Глубокая пропасть отделила дворян от крепостных. Вековое мучительство, порабощение, неслыханная жестокость и деспотизм вызвали в народе неугасимую справедливую ненависть к своим господам. Это понимал Радищев и путешественник. Они по рождению, по своему положению принадлежали к дворянам, к мучителям, и потому должны были расплачиваться за все злодеяния, сделан-

ные их собратиями. Но революционные воззрения, но разрыв со своим классом, но мужественное решение отдать свою жизнь делу освобождения народа, но вера и знание, что эту свободу завоюет только сам народ, — толкали к нему, к этому самому народу. И Радищев и путешественник предпринимают первые в истории русского общественного движения попытки приблизиться к русскому хлебопашцу, опереться на его поддержку, так необходимую им, —отважно дерзнувшим бросить вызов всему самодержавно-крепостническому государству, посмевшим дворянам и русскому царю «грозить плахою».

Вот почему, начиная с Едрова, путешественник ищет путей сближения с крестьянством. Первые же предпринятые им шаги повели к неудаче. Воспитанный в дворянском обществе, он оказывается не способным в общении с Анютой и ее матерью убедить их в искренности своего намерения. Когда, движимый хорошим чувством, он предлагает деньги, то, не желая того, оскорбляет достоинство женщины. И путешественник огорчен, хотя и понимает, что в этом виноват он сам, влачащий на себе отвратительные лохмотья корыстной, меркантильной дворянской морали, где деньги всегда принимались с жадностью и никогда никого не оскорбляли.

В Городне путешественник настойчиво продолжает искать общения с народом, —отсюда его разговоры с рекрутами. И здесь—первая удача—разговор с крепостным интеллигентом на началах взаимного понимания. Там же, в Городне, он оказывается способным оказать услугу другой группе рекрутов, незаконно отправляемых в армию. И безмерна радость путешественника, когда эту услугу от барина рекруты принимают, сердечно и просто благодарят его.

«Путешествие» начинается с размышления героя о покинутых им в Петербурге «друзьях души». К Москве он подъезжает идейно и морально обновленным. Он уже не только вырвался из мира нелепых и преступных иллюзий, но и расстался со всем своим прошлым. Теперь он воистину русский путешественник, человек, уязвленный страданиями крепостного крестьянства, воодушевленный «природным законом», «грозный мститель» и «прорицатель вольности», живущий огромной, всеобщей жизнью, нашедший новых, нужных и любезных ему людей — Анюту и крепостного интеллигента. Теперь Анюта, кре-

постной интеллигент, «новомодный стихотворец», рекруты—становятся «друзьями его души». Вот почему, подойдя к рекрутам, путешественник заговаривает новым и для себя и для них языком.

«Друзья мои, — сказал я пленникам в отечестве своем,—ведаете ли вы, что если вы сами не желаете вступить в воинское звание, никто к тому вас теперь принудить не может». Нет, это не сентиментальная речь «друга»,—это точная и деловая речь мстителя, защитника народного, пренебрегающего угрозами «рекрутских отдатчиков» и вооружающего крепостных мужиков советом, практическим советом, который прямо приносит им пользу, ибо помогает освободиться от солдатчины. Выслушав со вниманием полезный и нужный им совет барина, крестьяне принимают его услугу и благодарят его: «О, если так, барин, то спасибо тебе, когда нас поставят в меру, то все скажем, что мы в солдаты не хотим и что мы вольные люди».

И путешественник замечает при этом перемену, происходящую в рекрутах. Опять перед нами возникает коллективный образ народа, одушевленного единой мыслью—добиться своей свободы: «Легко себе вообразить можно радость, распростершуюся на лицах сих несчастных. Вспрянув от своего места, бодро потрясая свои оковы, казалися, что испытывают свою силу, как бы их свергнуть». Так рождается у путешественника мысль, что возможность общения с народом лежит лишь в плоскости самоотверженной, нужной и полезной ему,— направленной на его освобождение от пут рабства деятельности.

Особой остроты эти искания путешественника достигают в деревне Клин. Близится конец «Путешествия». Встав на опасный в условиях екатерининского режима путь отстаивания вольности, путешественник страстно стремится получить благословение тех, за свободу которых он решил отдать свою жизнь. Это не прихоть, это не дань сентиментальному чувству. Это—практическая потребность души, жаждущей укрепить себя в предстоящем подвиге.

Случай помог этому желанию. Въехав в Клин, путешественник сразу попал в толпу крестьян, собравшихся послушать старого слепого крестьянина. И перед ним открылись новые стороны духовной творческой жизни

народа—его искусство. Естественно, воспитанный в дворянском обществе, он сравнивал и песню, и певца, и действие его искусства на слушателей, и самих слушателей, с тем, к чему он привык с детства,—с дворянским искусством, с дворянским обществом. И еще раз он с радостью признает: в области духовной деятельности, в области искусства, народ превосходит «мучителей». Там, в Петербурге и Москве, «пресмыкающееся искусство», там любят «кудрявые напевы заезжих чужестранцев—Габриели, Маркези или Тоди», там слушатели, имеющие «взращенные во благогласии уши»—бесчувственны к искусству, ибо души их запечатаны мучительством, ибо чуждо им сострадание и сочувствие. Здесь, в деревне, на улице «неискусный хотя напев» старика-певца покорял слушателей, покорял правдой, искренностью, «нежностью изречения». Здесь свободное общение певца и слушателей, здесь искусство «проницающее в сердца слушателей», в сердца, открытые чувствительности, скорби, состраданию, мести. Здесь искусство «обновляет» и просветляет души людей, томящихся в рабстве.

Исполняя старинный стих об Алексее—божьем человеке, старик-певец, властвуя над чувствами слушателей, сам не скрывает своего волнения, и стоящие в толпе крестьяне, каждый по-своему, переживают песнь старика. «Жены возрыдали; со уст юности отлетела сопутница ее—улыбка; на лице отрочества явилась робость, неложный знак болезненного, но неизвестного чувствования; даже мужественный возраст, к жестокости толико привыкший, вид восприял важности».

Как в Городне общению с крепостным интеллигентом помогло его образование, так здесь искусство открыло путешественнику путь к народу. Именно в этот момент путешественник с чрезмерным души волнением решился испросить благословения. «Я не хотел,—говорит он,—отъехать, не быв сопровождаем молитвою сего, конечно, приятного небу старца. Желал его благословения на совершение пути и желания моего. Казалося мне, да и всегда сие мечтаю, как будто соблагословение чувствительных душ облегчает стезю в шествии и отъемлет терние сомнительности».

Наблюдая, как к старику подходили крестьяне, подавали ему то денежку и полушку, то кусок или краюху хлеба, и как он каждому «сопровождая благодарность

свою поклоном», говорил, «дай бог тебе здоровья», путешественник тоже решает подойти к нему.

«Подошед к нему, я в дрожащую его руку, толико же дрожащую от боязни, не тщеславия ли ради то делаю, положил ему рубль». И здесь трепетно ждавший благословения путешественник испытывает и великое огорчение и затем наивысшую в своей жизни радость. Нищий певец не принял его щедрого, но бесполезного ему дара, и это огорчило путешественника. «Почто такая милостыня? — сказал слепой... Почто она немогущему сю пользоваться?.. Ах, если бы он был у меня после бывшего здесь пожара, умолк бы хотя на одни сутки вопль алчущих птенцов моего соседа. Но на что он мне теперь? Не вижу, куда его и положить; подаст он, может быть, случай к преступлению... Возьми его назад, добрый господин, и ты и я с твоим рублем можем сделать вора».

Мучительный стыд и угрызения совести охватывают путешественника. Опять его дворянство сказалось в этой тщеславной, гордой милостыне. Опять прошлое встало на пути к народу, опять не смог свершить поступок, равный искреннему намерению. «О истина, колико ты тяжка чувствительному сердцу, когда ты бываешь в укоризну, — восклицает путешественник. — Сие уязвило мое сердце, колико приятнее ему, вещал я сам себе, подаваемая ему полушка! Он чувствует в ней обыкновенное к бедствиям соболезнование человечества, в моем рубле ощущает может быть мою гордость. Он не сопровождает его своим благословением. О! колико мал я сам себе тогда казался, колико завидовал давшим полушку и краюшку хлеба певшему старцу!»

Приняв обратно рубль, путешественник стоял возле певца — русского крестьянина, в прошлом храброго русского солдата, ослепшего на войне, стоял всем чужой, отделенный вековой ненавистью к «мучителям», исполненный муки и горя от невозможности осуществить свое намерение, от желания найти в этих людях опору в своем подвиге. И, набравшись мужества, он вновь обратился к нищему солдату:

— Неужели ты меня столько перед всеми обидишь, старичок, — сказал я ему, — и одно мое отвергнешь подаяние? Неужели моя милостыня есть милостыня грешника?

И тогда старик-певец понял, понял чуткой своей ду-

шою,—перед ним не обычный барин. И он ответил на эту проникнутую болью речь сочувствием, сумев деликатно помочь жаждущей признания душе.

— Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнью,—говорил старик.—Не ведал я, что мог тебя обидеть, не приемля на вред послужить могущего подаяния: прости мне мой грех, но дай мне, коли хочешь мне что дать, дай, что может мне быть полезно... Холодная у нас была весна, у меня болело горло, платчишка не было чем повязать шею, бог помиловал, болезнь миновалась... Нет ли старенького у тебя платка? Когда у меня заболит горло, я его повяжу, он мою согреет шею, горло болеть перестанет, я тебя вспоминать буду, если тебе нужно воспоминовение нищего.

Так прост и мудр был ответ старого крестьянина— сделай, что полезно и нужно простым, обездоленным людям, и они будут вспоминать тебя, и они примут дело твое. В волнении путешественник спешит исполнить совет. «Я снял платок с моей шеи, повязал на шею слепого... И расстался с ним».

Так должна была кончиться глава «Клин», но она была продолжена. Именно здесь подлинный идейный конец книги,—путешественник получил благословение народа. И эта тема, жизненно важная для путешественника, для самого Радищева, тема, завершающая формирование революционно-демократического мировоззрения, тема осознания необходимости практических связей с народом, тема поисков путей к народу, к преодолению в будущем исторически сложившейся страшной далекости дворян от народа,—народа, творца революции и освободителя России от уз рабства,—заставила Радищева сломать композиционный принцип построения книги и дописать к этой главе еще несколько самых важных и решающих строк.

Книга Радищева описывала путешествие из Петербурга в Москву, то есть только в одном направлении. Путешественник, доезжая до Всесвятского, попрощался с читателем навсегда. Мы ничего не должны были знать о дальнейшей судьбе путешественника и не знали, если бы Радищев не сделал одного, и притом единственного, отступления во всей своей книге, отступления от раз принятого принципа—описывать путешествие лишь в одном направлении. Но Радищев не мог оставить читателя в неведе-

нии—какова же будет дальнейшая судьба путешественника. И тогда к главе «Клин», где решался вопрос о благословении путешественника русскими крестьянами, делает приписку о том, что было с путешественником после пребывания его в Москве. Эта приписка продолжала историю с платком. «Возвращаяся через Клин, я уже не нашел слепого певца. Он за три дня моего приезда умер. Но платок мой, сказывала мне та, которая ему приносила пирог по праздникам, надел, заболев, перед смертью, на шею, и с ним положили его во гроб! О! если кто чувствует цену сего платка, тот чувствует и то, что во мне происходило, слушав сие».

Свершилось! Вся эта глава, замечательная по силе художественного выражения, идейных исканий человека, порвавшего с дворянской средой во имя освобождения миллионов крепостных крестьян, утверждала не только историческую и политическую необходимость перехода дворянских революционеров на сторону народа, но и его возможность в будущем. Наивная и прекрасная в своей простоте история с платком символически олицетворяла то благословение трудового народа, которого так жаждал путешественник «на совершение своего пути», благословение, «обличавшее стезю в шествии и отнимавшее терние сомнительности».

Радищев своей книгой указывал путь к ликвидации одиночества, которое естественно возникало у дворянских революционеров, порывавших со своей средой. Он направлял к источнику, припав к которому человек, отважившийся бороться с самодержавием и крепостничеством, мог черпать нужную ему силу. Тем самым «Путежествие из Петербурга в Москву» открывало широкие и ясные перспективы победоносного развития русской революции, как она рисовалась воображению Радищева. Это было мудрым предупреждением и заветом для последующих поколений дворянских революционеров.

Поиски нового, революционного решения проблемы общественного переустройства направляют внимание Радищева к вопросам истории. Вдохновленная восстанием русских крепостных, ода «Вольность»—пример нового, отличного от просветителей XVIII века исторического мышления. Радищев прославляет вольность не как некое исконное, естественное состояние человека, к которому он стремится вернуться. Радищева интересует

выяснение тех причин, которые с неумолимой неизбежностью приносят торжество вольности то в одной, то в другой стране. Он обращается к истории, стремится понять причины падения вольности в Риме, останавливается на английской революции, стремясь понять причины ее возникновения, и, наконец, обращается к войне американцев за независимость. Только после этого Радищев переходит к вопросу о вольности в России. Он проникновенно и горячо мечтает о свободной родине, но анализ причин, вызывающих революционный взрыв, заставляет его притти к выводу, что в России революция произойдет не скоро:

Но не приспе еще година,
Не свершилися судьбы;
Вдали, вдали еще кончина,
Когда иссякнут все беды.

Изучение истории и современных революционных событий убеждало Радищева, что торжество вольности есть результат насильственного революционного акта.

Не благие порывы одиночек, не проповеди великих мужей и не уговоры законодателей могут изменить ход истории, но стечение политических и экономических обстоятельств, обострение противоречий между рабом и господином вызывает к жизни революционный взрыв. Народ, воодушевленный свободой,—эта могучая и непобедимая, до времени еще не пробужденная в некоторых странах сила и есть движущая пружина истории.

Все это было принципиально ново и коренным образом противоречило идеологии европейского просвещения. О характере исторических воззрений просветителей Плеханов писал: «Мнение правит миром,—говорили французские материалисты, мы—представители мнений, поэтому мы—демиурги истории. Мы герои, за которыми толпе остается следовать». Народ для энциклопедистов, равно как и для Вольтера и Дидро,—толпа, стадо, которому нужен погонщик. Для Радищева же народ—величайшая сила истории, творец новой государственности, новых идей, новой культуры. Радищев понимает историю, движение вперед, как прогрессивное, как развитие, движение прогресса. Радищев верил, что подготовленная и организованная революция при благоприят-

ных в данной стране обстоятельствах обязательно принесет торжество народу, обеспечит победу свободы.

Однако новое в радищевских воззрениях—не теория прогресса, а теория революции; новое в том, что история для него уже не просто сборник иллюстраций и примеров, каким она была для просветителей. Он пытается установить связь между историческими событиями, найти причины их возникновения в условиях материальной жизни людей.

Интерес к истории и попытки постигнуть законы исторического развития определялись у Радищева стремлением доказать неизбежность революционных переворотов, которые одни только приносят человечеству торжество свободы и справедливости. Отсюда стремление отказаться от общих, отвлеченных рассуждений и приблизиться к реальным фактам исторической действительности. «Путешествие из Петербурга в Москву» прежде всего и ставило задачу выяснения политического, экономического и правового положения русского государства и народа, с тем чтобы доказать на конкретном материале современной русской жизни преступность самодержавия и крепостничества, неминуемое наступление революционного переворота. Именно эта конкретность мышления и позволила ставить вопрос о научном предвидении. На основе изучения русской жизни Радищев делал вывод, что именно «тяжесть порабощения» толкнет крестьянство на восстание, что эта революция принесет народу вольность, установит республику тружеников, сметет с лица земли самодержавие и угнетение.

В «Путешествии» и оде «Вольность» изложил Радищев проникновенную и дорогую мечту о будущем русского народа, выношенную в сердце за долгие годы борьбы. Он вдохновенно нарисовал перед читателем картину будущей жизни свободного народа.

Отгремят годы революции, и народ создаст свое правительство из среды свободных. «Скоро бы из среды их исторгнулися великие мужи для заступления избитого племени». Интересы народа, забота о его благе—вот что будет предметом их внимания в повседневной работе. В этом государстве население будет свободно. Все граждане обязаны будут трудиться. Земля будет роздана во владение народу. В обществе будут действовать новые, принятые народным правительством законы, которые

призваны регулировать не только экономические отношения тружеников, но и воспитывать их, преследуя пользу и интерес миллионов.

Восторжествовавший в обществе тружеников великий дух свободы, «зиждительный как бог», преобразует все стороны жизни трудящихся. Труд, бывший при барщине проклятием, становится радостным и творческим. В государстве тружеников, говорит Радищев, «труд—веселье, пот—роса, что жизненностью своею плодит луга, поля, леса». Станет реальной возможностью окончательное освобождение от бедности и нищеты—свободный труд, основа растущего экономического богатства. Если при крепостном праве «земля как мачеха», «рабам дает скупую мзду», то в государстве свободных тружеников

Дух свободы ниву греет,
Бесслезно поле вмиг тучнеет,
Себе всяк сеет, себе жнет.

Кончится прежнее унижение. Труженик сможет жить свободно и в довольстве. Никто не посмеет посягнуть на его труд, на его семью, на его независимость—свое народное правительство будет ему верной защитой. Живя в довольстве, народ будет уделять много внимания просвещению и искусствам, и тогда расцветут науки, художества и «рукоделия, возведенные до высочайшия совершенства степени». В основу общественного образования будет положен принцип всестороннего воспитания разума, чувств и тела, но главное внимание будет уделено воспитанию в каждом свободном труженике чувства любви к отечеству и гражданской добродетели, любви к труду и свободе.

Преданность народным интересам, выражение воли и духа народа, гениальность Радищева позволили ему так смело и уверенно мечтать в условиях крепостнического режима о наступлении этого счастливого будущего. Радищев в то же время на основе изучения реальных условий современной России знал и другое. «Не мечта сие, не взор проницает густую завесу времени, от очей наших будущее скрывающую; я зрю сквозь целое столетие». Возможность подобного рода догадки может быть только у человека, пытающегося исторически мыслить и объяснять явления действительности.

По словам Белинского, именно в XVIII веке, в самом

его начале, в петровскую эпоху, Россия вошла в число тех государств, вместе с которыми стала «держать судьбы мира на весах своего могущества».

Последующие десятилетия еще более упрочили это место и положение России в системе государств мира, ни одно крупное событие века, как бы далеко от России ни было географическое место его свершения, не проходило теперь вне прямого или косвенного участия России, вне влияния русской политики. Это в свою очередь не могло не определить особенность развития русской культуры.

Передовые русские деятели, взявшие на себя функцию руководства делом просвещения, относились к культуре мира по-хозяйски. Знакомясь с идейным богатством прошлого и настоящего передовых стран Европы, они умели воздавать должное достигнутым результатам и отвергать, осуждать резко и категорично то, что могло нанести вред русскому освободительному движению, делу борьбы с крепостническо-самодержавным государством.

Безвозвратно кончилась та пора, когда исторический опыт других народов и прежде всего опыт общественно-политической, освободительной борьбы приходил в Россию уже в опосредствованном виде, то есть в виде готовых политических, социологических и философских учений. Наступала новая эра—русский народ выдвинул мыслителя такого масштаба, как Радищев, который самостоятельно изучал, осмыслял и теоретически формулировал этот опыт. При этом формулировалась и обобщалась революционная борьба народов мира всегда и неизменно с позиций практических потребностей русского освободительного движения, с высот достижений и опыта русского исторического процесса. Так русская демократическая культура, русская революционная мысль приобретали всемирно-исторический характер.

Радищев, энциклопедически образованный, самостоятельный и пытливый мыслитель, проявивший необыкновенную политическую чуткость к величайшим событиям века, тесно связанный с умственной и общественной жизнью мира, чему безусловно споспешествовало положение России в международных делах, оказался именно тем человеком, который внес новый вклад, вписал новую страницу в историю передовой философской и политической мысли эпохи просвещения XVIII века, положив

начало русскому революционному движению, выступил первым русским революционером.

Факты свидетельствуют, что Радищев подвизался в России в обстановке исключительной политической активности общества, что потоком событий он был выдвинут со своим «Путешествием из Петербурга в Москву» как идейный руководитель и вождь, как выразитель революционных стремлений народа. Его мятежная книга поэтому не только замечательный памятник личного мужества и героизма. Это документ, засвидетельствовавший оформление в русском обществе самостоятельного, передового философского и политического мировоззрения.

XI

В литературной деятельности Радищева обращает на себя внимание одно необычайное обстоятельство. Много и напряженно работая в течение девяти лет, создавая одно произведение за другим, он не печатает их. Публиковать давно законченные сочинения он начинает лишь с 1789 года. Последовательно, одно за другим, выходят «Беседа о том, что есть сын отечества?», «Житие Ф. В. Ушакова», «Письмо другу, жительствующему в Тобольске», «Путешествие из Петербурга в Москву». На первый взгляд это кажется непонятным: человек стремился к активной деятельности, но, написав произведения, не печатает их. Объяснение таится, несомненно, в этом стремлении к активности. Радищев писал революционные произведения. Ему необходимо было исполнить весь замысел, и данные произведения как раз и воплощали всю сумму радищевских идей, формулировали его политическое учение, его философию, его эстетику, его теорию воспитания. Готовя эти сочинения, он знал: за каждое он может быть подвергнут преследованиям и гонениям, может быть арестован и судим. Поэтому нужно было сначала написать задуманные произведения, а затем найти средства, чтобы напечатать их сразу. Так и было сделано. К 1789 году он заводит свою типографию и печатает в ней революционные книги, готовый каждую минуту к расплате за свою смелость.

Печатая свои сочинения, Радищев шел на подвиг. Он знал: первого русского революционера ждет трудная

судьба, —не только преследования и мучения, но и смерть. Самовластие никогда не простит возмутителя. Но он шел на это с открытым сердцем. Он был русским человеком; твердость в мыслях, «правила жизни» делали его неутомимым в исполнении задуманного, помогали «бестрепетно» думать о возможности смерти. Революционные убеждения определили его характер. В борьбе с самодержавием и крепостничеством, в активной деятельности на благо русского порабощенного народа видел он единственный смысл жизни. Собственным примером он увлекал многих, внушая отважное презрение к возможным гонениям, пыткам, заключению в крепость. Он писал: «Не бойся ни осмеяния, ни болезней, ни мучения, ни заточения, ниже самой смерти. Пребудь незыблем в душе твоей, яко камень среди бунтующих, но немощных валов. Ярость мучителей твоих разбродится о твердь твою; если предадут тебя смерти, осмеяны будут, а ты поживешь на памяти благородных душ, до скончания веков». Смело и дерзко в лицо самовластью он говорил: «Сродно хвилым, робким и подлым душам содрогаться от угрозы власти и радоваться на приветствие».

Успешно создавая свои революционные произведения, Радищев в то же время искал и других путей практического общения с соотечественниками, с теми, кто мог отозваться на его призыв, кто мог стать «сочувственником» и единомышленником.

Начинать работу приходилось в страшно тяжелых условиях. Люди были крайне разобщены. Никаких партий, никаких организованных групп единомыслящих, которые могли бы собираться, обсуждать положение в обществе, в стране, принимать решения, действовать, Россия тех лет не знала. Самодержавный режим не терпел и не допускал объединения людей. Объединенные в союз люди могли почувствовать себя силой. Потому-то так свирепствовала в те годы тайная канцелярия ее величества, возглавляемая палачом и кнутобойцем Шешковским.

Как же должен был Радищев начинать свою практическую деятельность?

В 1784 году из бывших воспитанников Московского университета, определившихся после окончания курса на службу в столицу, в Петербурге было организовано «Общество друзей словесных наук». Одним из главных организаторов и руководителей был ставленник общества

масонов, Антоновский. Это общество устраивало литературные собрания, объединив любителей художественной и философской литературы. Общество каждый год разрасталось. Кроме бывших студентов, в него стали вступать сослуживцы молодых чиновников, а позже молодые офицеры, главным образом моряки.

Вот в это общество после знакомства с ним и вступил Радищев. Вступил для того, чтобы отвоевать у масонов эту молодежь, отвлечь ее от мистико-религиозных идей, заронить в ее среду вольнолюбивый дух.

Члены общества собирались в определенные дни недели. На собраниях устраивались чтения книг и докладов, написанных кем-нибудь из членов общества. Правда, стараниями масонов и Антоновского литература для этих чтений подбиралась специального масонского характера—религиозно-мистического направления. Но так как в обществе были люди разных воззрений, то было много и таких, которые скептически относились к деятельности масонов и их религиозной пропаганде. Внимание Радищева привлекли именно эти члены общества. Рассчитывая на их поддержку, он исподволь повел борьбу с Антоновским и его приверженцами.

Радищев стал посещать собрания и слушать, как друзья Антоновского настойчиво проповедовали благочестие, кротость и послушание. Он слушал, как однотонно и бесстрастно читались статьи на тему: «О первой и единственной обязанности человека к высочайшему существу», «О вечности души человеческой». И перед ним раскрывался замысел масонов, их желание пропагандой идей смирения и кротости «сберечь народ от вольнодумства».

Во время этих посещений Радищев заводил знакомства с членами общества, выяснял их убеждения и настроенность, постепенно приготавливаясь к выступлениям на этих собраниях. В обществе к Радищеву относились с большим уважением.

К началу 1789 года борьба в обществе приняла обостренный характер. Атаки Радищева и его друзей стали частыми и резкими. Радищев задумал подчинить целям революционной пропаганды журнал общества «Беседующий гражданин». Пользуясь тем, что, по уставу общества, статьи в журнале помещались лишь после общего одобрения членов, Радищев мечтал со временем заполнить его

материалом, который будет исходить из круга его новых друзей. А пока Радищев собирался провести через журнал несколько своих революционно-пропагандистских статей.

При обсуждении статьи Радищева под названием «Беседа о том, что есть сын отечества?» окончательно выяснились результаты его деятельности в обществе: явное большинство членов оказалось на стороне статьи, проникнутой «вольностию духа».

В своей «Беседе» Радищев доказывал, что преступно свободного по рождению человека превращать в «тяглый скот». Оттого отечество лишается своих истинных патриотов, своих сынов. Истинный же сын отечества — это свободный человек. Им не может быть помещик, «терзающий ближних своих насилием, гонением и притеснением»; дворянский чиновник, «простирающий объятия свои к захвачению богатства и владений целого отечества своего», «который с хладнокровием готов отъять у злосчастнейших соотечественников своих и последние крохи», живущий для «услаждения вкуса и брюха». Им не может быть и крепостной крестьянин, превращенный из человека в раба. Поэтому, раз крепостное право лишает отечество своих сынов, необходимо уничтожить это зло, вернуть людям свободу, уничтожить причину развращения людей, расправиться с мучителями и поработителями. Это было смелым, открытым, публичным выступлением против русского крепостничества. «Помните, — пророчески возвещал Радищев, —что все чаще и чаще жестокая печаль возжигает свет разума в душах русских земледельцев и заставляет их проклинать бедственное свое состояние и искать оному конца».

Чтение статьи вылилось в триумф Радищева. Молодежь приняла ее, и она была напечатана в декабрьской книжке журнала «Беседующий гражданин» за 1789 год.

Тогда же он оборудует свою маленькую типографию. Вместе с друзьями своими, сослуживцами по таможне, он трудился над печатанием последнего и главного своего детища — «Путешествия из Петербурга в Москву». К маю 1790 года книга была готова. Отпечатали почти шестьсот пятьдесят экземпляров. «Письмо другу» — первенец типографии — было уже пущено в продажу и прошло спокойно. Ранее напечатанное «Житие Ушакова» вызвало переполох в столице, Свидетельство лейпцигского друга

Радищева—Кутузова, с которым он в эту пору уже совсем почти разошелся, показывает, как дворянские круги встретили эту книгу. В «Житие Ушакова», —пишет он, — автор изъяснялся живо и свободно, со смелостию, на которую во многих землях смотрят, как будто на странную метеору. Книга наделала много шуму. Начали кричать: «Какая дерзость, позволительно ли говорить так!» и проч. и проч. Но как свыше молчали, то и внизу все успокоились. Нашлись и беспристрастные люди, отдававшие справедливость сочинителю». На этих-то «беспристрастных» и рассчитывал Радищев, желая сделать из них «зрителей без очков», презирая всей душой «громко кричавших». Как-то встретят теперь его «Путешествие»? Шум явно будет еще больше—здесь он самой Екатерине «грозил плахою». Очевидно, что ни правительство, ни Екатерина, прочтя ее, не будут молчать. Значит?.. Надо было ждать всего.

Первые двадцать пять экземпляров книги Радищев вручил знакомому книгопродавцу Зотову. Через несколько дней в Гостином дворе в лавке № 14 по суконной линии начало продаваться «Путешествие из Петербурга в Москву». Несколько книг Радищев разослал знакомым и друзьям. Среди других «Путешествие» получил Державин. К концу месяца первая партия книг, переданных Зотову, была распродана. По городу пошел слух, что в Гостином дворе продается какое-то «Путешествие», в котором царям грозят плахою. Зотов прибежал на Грязную, требуя новых экземпляров.

Тем временем книга дошла до Екатерины. Чьи-то услужливые руки положили «Путешествие» на стол императрицы. Прочитав его, Екатерина пришла в величайшую ярость. Ее статс-секретарь Храповицкий записал в своем дневнике: «Говорено было с жаром и чувствительностью о книге «Путешествие из Петербурга в Москву». Открывается подозрение на Радищева. Сказать изволила, что сочинитель бунтовщик, хуже Пугачева». Немедленно был дан приказ сыскать сочинителя. Воронцова, как начальника Радищева, предупредили. Тот незамедлительно оповестил Радищева. Стало ясно—надо готовиться к расплате. Радищев уничтожает все бумаги, сжигает книгу, спокойно ожидая ареста. Беспокоила лишь дума о детях. Их судьба мучила и огорчала. Жена, Анна Васильевна, умерла в 1783 году. Оставшиеся дети воспиты-

вались им самим. Помогала сестра жены, Елизавета Васильевна Рубановская. Что будет с детьми теперь, когда они осиротеют совсем? На кого он оставит их?

26 июня был арестован книгопродавец Зотов. Наступал черед Радищева. 30 июня в девять часов утра к нему прибыл подполковник Горемыкин с ордером на арест. Радищев был передан в руки начальнику тайной ее императорского величества канцелярии Шешковскому, прозванному в обществе за жестокость «кнутобойцем». Прямо из дома Радищева увезли в Петропавловскую крепость.

А тем временем Екатерина продолжала читать и перечитывать ненавистное «Путешествие», испещряя его своими заметками и вопросами. Следствие по делу о сочинителе «пагубной книги» она вела сама. Чем дальше читала она сочинение Радищева, тем яснее становилось, что перед ней неслыханная по своей дерзости, беспримерная не только в России, но и во всем свете книга, в которой проповедовалась и воспевалась крестьянская революция. Подавив пугачевское возмущение, Екатерина надеялась, что навсегда покончила с «бунтовской заразой». Вспыхнувшая затем война в Америке, начавшаяся революция во Франции не очень волновали ее,—она была убеждена, что в России такого быть не может. И вдруг нашелся человек, который в столице ее империи печатает и продает книгу, призывая народ к мятежу. С раздражением Екатерина отмечала, что «автор с редкою смелостию» говорит о царях и грозит им плахой. В конце книги она отметила самую главную мысль: «Свободы не от советов великих отчинников ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». С содроганием вспомнив недавнее восстание Пугачева, приписала к этому месту от себя: «То есть надежду полагает на бунт от мужиков».

Все эти пометки и замечания Екатерины послужили основанием сначала для вопросов арестованному Радищеву, а затем для приговора. Следствие шло две недели. От Радищева добивались сведений о сообщниках, подозревая его в организации заговора. Задавались вопросы, почему написал книгу, зачем грозил царю, отчего надежду полагал на бунт от мужиков. Радищев избрал тактику— категорически отрицать наличие сообщников, уверять, что действовал одиноко, никого не выдавать и всю вину взять на себя.

Иначе обстояло дело с замечаниями Екатерины, на которые должно было отвечать. Отрекаться в авторстве было бессмысленно. Поэтому, отвечая на задаваемые вопросы, он действовал осторожно, тонко, умно, а подчас и иронически, обнаруживая полное присутствие духа. Он и здесь, в заточении, в крепости, вел борьбу, борьбу за свою жизнь, не желая дешево отдать ее ненавистной власти.

На вопрос, зачем писал книгу, Радищев, притворившись простачком, заявлял: «Хотел прослыть писателем». Екатерина не заметила тонкости этого тактического хода: ведь «Путешествие» было издано анонимно. Спрашивали — откуда взялась мысль сочинить столь возмутительную книгу. Радищев иронически отвечал: решил подражать французскому писателю Рейналю и англичанину Стерну. Зло этого ответа таилось в намеке, — ведь это Екатерина популяризировала французских просветителей, это она «перекраивала на свой салтык» Стерна. Ну вот, издевался Радищев, мое преступление и состоит всего лишь в том, что последовал высочайшему примеру. Но когда разгневанные палачи припирали Радищева к стенке и, цитируя его революционные призывы, спрашивали: «Что разумеете под словами: «свободы ожидать должно от тяжести порабощения», отвечал: писал потому, что «сожалел о участи крестьянского жребия». А в общем теперь понимает, что поступал дерзновенно. На вопрос, в каком смысле и кем сочинена ода «Вольность», «явно бунтовская, где царям грозится плахою», твердо отвечал: сочинил он, а далее, обходя вопрос о содержании ее (нельзя же было, в самом деле, говорить о том, что хотел возвести Екатерину на плаху), писал: «Теперь чувствую, что ошибался». И так поступал он до конца. На вопросы, от которых было не уйти, он отвечал: теперь понимаю, что ошибался.

Не добившись признания и не сломив духа мятежника, Екатерина повелела судить его, указав, что ожидает от судей «справедливого приговора», — смертной казни. Угодливые чиновники из Уголовной палаты поспешили исполнить высочайшее повеление. Екатерина решила наказать «возмутителя» со всей жестокостью, чтобы это было примером для других.

Радищев ожидал приговора. Потребовав бумаги, он написал завещание — последнее наставление «Возлюбленным своим», начав его роковым словом «Совершилося!»

И опять беспримерная твердость духа в каждом слове этого «Завещания». Он дает наставления, последние распоряжения по дому, последние указания о воспитании детей, заботясь об их судьбе. Но это было «Завещание» деловое. Ему захотелось в последний раз «побеседовать с детьми», открыть «им излучины своего сердца», объяснить свою жизнь, наставить в твердости, передать правила жизни. Сидя в крепости, он начал писать повесть своей жизни, внешне прикрыв ее автобиографизм формальным использованием жития святого Филарета Милостивого.

26 июля 1790 года Сенат утвердил приговор Уголовной палаты. Дело Радищева было передано Екатерине на утверждение. Императрица, торопившая расправу над бунтовщиком, задержала подписание приговора на две недели. Екатерина внимательно присматривалась к тому, что происходило в обществе. Время было грозное—во Франции бушевала революция, в России было неспокойно в связи с неудачной войной со Швецией, оппозиционные круги столичного дворянства довольно открыто высказывали свое возмущение жестоким приговором Радищеву. За книгу, к тому же разрешенную цензурой,—смертная казнь. Это было неслыханно! Не сочувствуя идее автора, они не одобряли решения деспотического монарха. Екатерина, решив не раздражать общественность и в то же время пожелав проявить демонстративный либерализм, издает 4 сентября именной указ Сенату о замене Радищеву смертной казни ссылкой в Илимск. Расчет был прост: помилованный Радищев, сосланный в далекую Сибирь, «на безысходное десятилетнее пребывание», вряд ли остался бы живым. Закованный в кандалы, одетый «в гнусную нагольную шубу», Радищев отправился по этапу. Предстояло пройти 6788 верст.

Столицу Радищев покидал с чувством исполненного долга. Сама императрица в специальном указе так характеризовала деятельность «возмутителя»: «Недавно издана здесь книга под названием «Путешествие из Петербурга в Москву», наполненная самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный, умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтоб произвесть в народе негодование противу начальников и начальства, наконец, оскорбительными выражениями противу сана и власти царской». Это была оценка самодержавия. На пути в Илимск Радищев, исполнен-

ный твердости духа, сочинил стихи, которые должны были дать знать его друзьям, каким вышел он из тягчайшего испытания.

Ты хочешь знать: кто я? что я? куда я еду?—
Я тот же, что и был и буду весь мой век:
Не скот, не дерево, не раб, но человек!
Дорогу проложить, где не бывало следу
Для борзых смельчаков и в прозе и в стихах,
Чувствительным сердцам и истине я в страх
В острог Илимский еду.

Так осуществил он обещание, данное Ушакову: имея «правила», он бестрепетно ожидал смерти, а теперь, «твердый в мыслях», ехал в ссылку, исполненный желания продолжать свою деятельность. Короткие стихи раскрывали исторический смысл и практическую необходимость его подвига во имя вольности народа.

XII

Замысел Екатерины—дальностию и тяжестию пути в Сибирь убить Радищева—не осуществился. И здесь большую роль сыграла помощь влиятельного вельможи, графа А. Воронцова, глубоко уважавшего и ценившего Радищева. Он добился от Екатерины приказа снять кандалы с Радищева, а затем на всем протяжении пути и во время пребывания в Илимске много и сердечно помогал Радищеву. Благодаря этому жизнь в ссылке оказалась сносной.

В понимании Радищева жить—значило действовать, работать. Вне деятельности он не мог существовать. Живя в ссылке, он ищет и находит способы и пути многообразной деятельности. Прежде всего, связанный с Воронцовым, благодарный за его помощь, он выполняет для него целый ряд важнейших государственных поручений. Он изучает Сибирь, ее промыслы, экономику, быт крестьян, сочиняет для Воронцова два специальных трактата «Сокращенное повествование о приобретении Сибири» и «Письмо о китайском торге». В письмах Воронцову он сообщает множество ценных наблюдений над хозяйственным укладом сибирских крестьян, дает советы по поводу административного управления Сибирью, делится своими намерениями об экспедиции по Северному морскому пути,

вдоль берегов Сибири, веруя, что этот путь принесет возрождение краю.

Но этим Радищев не мог удовлетвориться. Как в Петербурге служба была не главным занятием, так и здесь выполнение поручений Воронцова обозначало лишь исполнение долга. Решающее значение имела для Радищева общественная деятельность. И, пребывая в Илимске, насильно изъятый из русского общества, подвергшийся преследованиям и гонениям, он ищет средств для возвращения к прерванной деятельности. Никогда не смирявшийся, он и здесь начинает единоборство с «самовластительным злодеем». В судебном определении Сената специально были приняты меры для пресечения его литературной работы: «Заклепав в кандалы,—писалось там,—сослать в каторжную работу, но не в Кронштадт, куда... преступников отсылать повелено, а в Нерчинск, для того, дабы таковым его удалением отъять у него способ к подобным сему предприятиям». В ответ на это Радищев немедленно, через 12 дней по приезде в Илимск, садится за новую большую свою, не только философскую, но и общественно-политическую работу, которую назвал: «О человеке, о его смертности и бессмертии».

В условиях полной изоляции Радищев вновь возвращается к существенным вопросам русской общественной мысли. Это было продолжением прежней деятельности. Как «Путешествие» помогало передовым деятелям русской культуры изживать просветительские иллюзии, так сочинение «О человеке, о его смертности и бессмертии» подводило итог философским спорам 80-х годов, помогало формированию новой морали, открывавшей перед человеком путь общественно-активной гражданской деятельности на благо угнетенного народа.

Существенным вопросом философии XVIII столетия был вопрос о предпосылках нравственности. Одним мораль представлялась абсолютной, врожденной. Для других она была основана на интересе. В России в 70-х годах одним из первых стал разрабатывать проблемы морали Новиков, выступая с теорией общей пользы. В то же время он считал необходимым дополнить свою этическую концепцию учением о бессмертии души. О бессмертии Новиков многократно говорит в своих статьях, о бессмертии говорится во многих художественных произведениях его журнала «Утренний свет».

В своем «Отчете публике» «Чего ради предпринял явиться перед ней», что составило главное содержание «Утреннего света», Новиков так охарактеризовал главные «материи» журнала: «Представление великой пользы, происходящей от нравоучения и чувствования бессмертия души?»

Чем вызван этот интерес Новикова к бессмертию души? Больше того: почему, начиная с «Утреннего света», эта проблема станет в центре идейно-философской жизни русского общества в 80-е годы? Наконец, отчего Радищев, начиная с «Дневника одной недели», будет беспрестанно возвращаться к этому вопросу, а сразу же по прибытии в Илимскую ссылку приступит к написанию специального трактата на данную тему?

Ответ на этот вопрос следует искать в особенностях русского общественного движения этого периода. Перед русским просвещением ходом истории была поставлена задача создания такой нравственности, которая помогала бы практическому воспитанию русских людей в духе ненависти к деспотизму, самодержавству, рабовладению, помещичьему своекорыстию и социальному паразитизму. Такова была общая задача, но решалась она у различных деятелей просвещения с различных политических позиций. Новиков воспитывал «человеков», патриотов, людей, одушевленных идеей гражданских добродетелей, бескорыстного служения своим согражданам. Радищев воспитывал революционеров. В этом смысл «Жития Ушакова», такова идейная основа «Путешествия из Петербурга в Москву», об этом он прямо и открыто писал в своем посвящении Кутузову. Таким образом, если различны были цели воспитания, то общей у русского просвещения была задача создания такой этической теории, которая, идейно воспитывая человека, научала бы вмешиваться в жизнь, видеть истинное счастье в общеполезной деятельности, «взирать прямо на окружающие предметы» и в конечном счете повышала бы его общественную активность.

Создание новой этики означало объявление войны господствующей религиозно-христианской морали. В основе религии, как известно, лежат два догмата—признание бытия бога-миротворителя и бессмертия души. Но эта религиозная мораль, с помощью церкви, была подчинена интересам господствующего дворянского класса и монар-

хии. При этом именно догмат о бессмертии души оказывался могучим оружием в руках власти, при помощи которого народы держались в повиновении. Он духовно разоружал народ, одурачивая, приучал к покорности, к пренебрежению интересами земной жизни.

Идеология просвещения, борясь с феодально-религиозными догматами и системами, державшими в рабстве миллионы людей, повела штурм реакционной доктрины бессмертия души, как загробной жизни. Вот почему проблема бессмертия разрабатывалась и Гольбахом и Гельвецием, Руссо и Вольтером. При этом важно помнить, что, штурмуя и ниспровергая религиозную проповедь бессмертия души, французские просветители стремились идею о бессмертии переосмыслить и в новом виде внести в свое учение о нравственности. Старая идея бессмертия наполнялась у них новым содержанием: вместо покорности на земле во имя блаженства в загробной жизни—активная, деятельная, направленная на общее благо жизнь на земле, составляющая счастье человека и обеспечивающая ему бессмертие в потомстве. Итак, бессмертие, как побудительный стимул нравственности, осталось, но появилось новое определение смысла бессмертия,—не загробная жизнь, а память потомства.

В России с развернутым учением о бессмертии, как двигателе новой нравственности, первым выступил Новиков. Это учение было направлено против официальной религиозной доктрины—в этом глубоко общественный характер разработки проблемы бессмертия, нашедшей свое место на страницах «Утреннего света» и «Московского издания».

Для Новикова учение о бессмертии органически связано с его нравоучением. Существо же нравоучения составляла идея величия человека, идея внесословной его ценности. Поэтому «уверения о великости нашего существа и о великости того, что определено для нас в будущей жизни, естественно побуждает нас ко простиранию проницания нашего в будущее и заставляет нас пещися о том, что после нас последует».

«Чувствование, что душа наша бессмертна,—писал Новиков,—есть надежнейшее правило всех наших благородных, великих и человеческому обществу полезных деяний, без которого правила все человеческие дела были бы малы, низки и подлы. Сие уверение истребляет порок,

возвышает и питает добродетель в самых опаснейших обстоятельствах».

В христианстве и в религии вообще бессмертие души понимается как загробное существование. Новиков, деист по своим воззрениям, признающий идею бога-творца, тщательно обходит вопрос о загробном существовании, когда говорит о бессмертии души. Нигде в его сочинениях мы не встретим этого мотива. Лишь иногда он позволяет себе упомянуть крайне неопределенный термин «небесное блаженство», зато совершенно отчетливо и настойчиво говорит о бессмертии не души, а и м е н и, бессмертии в п о т о м с т в е. «Сие уверение (бессмертие.—*Г. М.*) производит то, что мы стараемся делать вечным имя наше и память и что мы не равнодушны во мнении об нас позднейшего потомства».

Бессмертие нужно Новикову для того, чтобы повысить общественную активность человека, воспитать в нем убеждение, что только в деятельной жизни на благо общества, в «делании добра» люди становятся «человеками», постигают свое «величество», обретают счастье: «Удостоверенный человек о вечной жизни и совершенном блаженстве, яко о награждении за добро, в состоянии произвесть великие дела». Новиков понимает, что теоретически доказать бессмертие разуму, принимающему истины, полученные только из опыта, невозможно. Но, по его мнению, возможно заставить человека поверить в бессмертие, обратя его внимание на практическую сторону вопроса. Новиков поэтому каждый раз, прежде чем приступить к изложению идеи бессмертия, считает необходимым предупредить читателя, напомнить ему об особенности своей трактовки: «Осмелимся читателям нашим представить п о л ь з у, проистекающую о т у в е р е н и я о бессмертии души». Именно во имя благотворной пользы, приносимой у в е р е н и е м «бессмертия души», настаивает он на этом учении.

Таким образом, пропагандировавшаяся «Утренним светом» идея бессмертия полностью сведена к практическим задачам. Новиков явно идет на сделку с разумом. Он доказывает, какие практические результаты в распространении нравственности, в воспитании общества в духе общественной добродетели принесет «у в е р е н и е» в личном бессмертии, в е р а в возможность сделать вечным имя в потомстве благородными и человеческому обществу

полезными делами. Так, сняв вопрос о возможности теоретического доказательства бессмертия, Новиков утверждает право на внесение идеи бессмертия в свое этическое учение на условии веры. Эта вера в бессмертие, это допущение его оправдываются Новиковым теми выгодами, какие оно приносит и каждому человеку в отдельности и обществу в целом.

Вопрос о бессмертии в такой его трактовке, впервые выдвинутый в «Утреннем свете», имел немалое значение как в жизни русского общества, так и в истории русской философской мысли конца века. Новиковская точка зрения противостояла не только церковной доктрине, но и масонской идее бессмертия, окрашенной мистицизмом. Характерно, что незамедлительно с опровержением этой точки зрения выступил масон-мистик Шварц, и в специальном курсе лекций и в своем журнале «Вечерняя заря», где полемизировал с Новиковым. Начиная с «Утреннего света» в русских журналах последних десятилетий века непрерывно идет полемическая разработка идеи бессмертия, развивается борьба разных политических, классовых точек зрения. Завершением именно этой философской борьбы в России явился радищевский трактат «О человеке, о его смертности и бессмертии». Вне учета того, что этому трактату предшествовала долгая философская борьба и прежде всего борьба новиковской практической точки зрения со шварцевской масонско-мистической и церковно-религиозной, нельзя правильно понять политическую направленность философского выступления Радищева.

Радищев в основах своего мышления—материалист. Материалистический характер философских его убеждений определил его эстетику. Все произведения, написанные до ссылки, утверждают примат материального, объективного мира над духовной жизнью, сознанием человека. Радищев уже в «Дневнике одной недели», в самом раннем своем произведении, писал о человеке: «Ты рассуждать можешь для того только, что чувствуешь, что разум твой начало свое имеет в твоих пальцах и твоей наготе». В «Житии Ушакова» и особенно в «Путешествии из Петербурга в Москву» материалистическое мышление Радищева-философа проявляется с необыкновенной силой, обогащая художественное зрение и опыт Радищева-писателя. Сочинение, написанное в ссылке «О человеке, о его смертности и бессмертии», представляет собою развернутое обосно-

вание материализма, как единственного мировоззрения, дающего человеку мощное оружие познания природы, общества и себя самого.

Но Радищеву чужды и ненавистны спекулятивные умозрительные философские системы—плод «умствования» оторванного от жизни «ученого мужа». Для него, как и для Козельского, Ушакова, Новикова, философия—практическая наука, научающая жить, а это в русских условиях, по Радищеву, значило бороться за освобождение миллионов русских крестьян. Поэтому Радищев в своей работе выдвигает на первое место философское обоснование нравственности, как такого «правила жизни», которое помогает людям не только лично противостоять режиму деспотизма и порабощения, но и бороться с ним на общественном поприще. Как уже говорилось, все содержание этого произведения целиком определено философскими спорами, разгоревшимися в русском обществе с конца 70-х годов. И не только содержание, но и композиция. Сочинение состоит из четырех «книг», которые как бы делят сочинение на две равные и внешне противостоящие части. В первой «книге» раскрывается место и роль человека в природе и намечаются исходные положения для дальнейшего развития доводов. Вторая, опираясь на эти выводы, содержит доказательства смертности человека. В третьей и четвертой «книгах», составляющих вторую часть, рассматриваются и оцениваются различные учения о бессмертии души.

Сочинение «О человеке»—не сухой, академический трактат,—оно написано в общей эстетической манере Радищева, как своеобразно художественное произведение. В «Путешествии из Петербурга в Москву» повествование ведется от имени героя, «уязвленного страданиями человечества». Сочинение «О человеке» написано как исповедь личности, обладающей «чувствительным сердцем». Герой этого сочинения не тождественен Радищеву, хотя и включает в себя черты автобиографические. Созданный Радищевым лирический образ человека, задумавшегося над коренными проблемами бытия, выясняющего свое место в природе, в обществе, заглядывающего бесстрашно в будущее, раскрывается перед читателем в своей богатой, сложной, напряженной интеллектуальной жизни. Как всегда у Радищева, его человек конкретен, исторически обусловлен. И в этом решающую роль играет автобиогра-

фия. Он наделяет своего героя реальной, собственной биографией. Герой произведения—это человек, «исторгнутый» из общества, сосланный в далекий Илимск, лишенный своих друзей, детей, погруженный в одиночество, ненавистное его природе. И в то же время лирический герой включает в себя типические черты своего современника. Для русского общества, как свидетельствуют многочисленные повременные издания, характерен был интерес к вопросу о месте и роли человека в природе и обществе, о его правах и обязанностях, о его земной жизни, о его смерти и возможном бессмертии. Выше уже говорилось, что первым эту проблему поднял Новиков. Масонские общества в своих собраниях обсуждали с религиозно-мистических позиций именно эти, глубоко волновавшие их «материи». Поэт Державин, прямо следуя за Новиковым, в частности за его философской статьей в журнале «Московское издание», пишет в числе других своих стихотворений гениальную оду «Бог».

Радищев, создавая образ своего лирического героя, наделяет его чертами, типическими для представителя передового русского дворянского общества 70—80-х годов. Вмешавшись в русский философский спор, Радищев развивает материалистическую точку зрения. Первые две «книги» его философского сочинения—блестящий анализ совокупности проблем, связанных с человеком, его жизнью и смертью, развернутый с позиций материализма, еще не всегда последовательного и в значительной мере метафизического. Система доводов, опирающихся к тому же на опыт всей предшествовавшей науки, отлично известной Радищеву, с неопровержимой силой доказывает смертность человека. Эти доказательства обнаруживают перед нами ясный, глубокий ум философа, мужественную мудрость русского человека, умеющего с твердостью взглянуть в глаза вечности и не испугаться, не пасть на колени в подлом страхе за свою «единственность». Недаром Пушкин, читавший это сочинение с восхищением, был покорен этой силой научных, логических, неопровержимых доводов философа, этим спокойствием и твердостью человека. Для него было очевидным: Радищев—материалист. Таким образом, внесение в русский философский спор материалистических доказательств, как единственно научных, а потому и единственно верных, есть первая общественная заслуга Радищева.

Но дело этим не ограничилось. Персонифицируя в духовной жизни своего героя философские споры, бушевавшие в русском обществе, Радищев стремится дать им объяснение, исходя из конкретных условий исторической жизни русских людей и природы человека вообще. Всем трем теориям: новиковской—практической, утверждающей «пользу от уверения», что душа человека бессмертна, религиозно-мистической—у масонов, и официально церковной—свойственна идеалистическая вера в бессмертие души. При этом Радищев начисто отметает, как вздорную, реакционную религиозно-церковную догматику о бессмертии, как загробной жизни. Масонская точка зрения отвергается чистым, ясным и трезвым умом лирического героя, ненавидящего мистицизм. Таким образом, в поле зрения Радищева и его героя остается новиковское практическое рассуждение о нужности человеку, о полезности веры, что жизнь человека не оборвется, что она имеет свое продолжение и после его земных страданий.

Радищев стремится объяснить, почему возникает желание этой «вечной жизни» у человека, зачем нужна ему эта надежда на будущее, в чем общественный смысл веры в бессмертие и, наконец, каково ее философское содержание.

Последний вопрос решается Радищевым со всей категоричностью. В какой бы форме ни допускалась идея бессмертия, «вечной» жизни,—это есть идеализм, «пустая мечта». Но как ни далеко от науки и жизни это убеждение, оно есть явление объективное, свойственное человеку. «Желание вечности,—заявляет лирический герой Радищева,—равно имеет основание в человеке со всеми другими его желаниями». Разум человека с его беспощадным анализом явлений жизни, с его неумолимо логической силой научных доводов, прежде всего доводов опыта, утверждает: человек смертен. Но сердце человека, чувствительное, уязвленное сердце, трепещет этой мысли. «Представим себе теперь человека удостоверенного, что состав его разрушиться должен, что он должен умереть. Прилепленный к бытию своему наикрепчайшими узами, разрушение кажется ему всегда ужасным. Колеблется, мечется, стонет, когда, приблизившись к отверстию гроба, он зрит свое разрушение».

Таким образом, жизнелюбие «чувствительного человека»—вот причина, заставившая его желать вечности. «Имея толикое побуждение к продолжению жития своего,

но, не находя способа к продолжению оного, гонимый с лица земли печалию, грустию, пощением, болезнию, скорбию, человек взоры свои отвращает от тления, устремляет за пределы дней своих, и паки надежда возникает в изнемогающем сердце. Он опять прибегает к своему внутреннему чувствованию и его вопрошает, и луч таинственный проницает его рассудок. Водимый чувствами и надеждою, имея опору в рассудке, а может быть и в воображении, он пролетает неприметную черту, жизнь от смерти отделяющую, и первый шаг его был в вечность».

Но если «желание вечности» свойственно природе человека, если жизнелюбие толкает его на поиски надежды— этой «сопутницы его намерений»,—значит, нельзя не считаться с ним. Церковники, попы и шарлатаны-мистики пытаются использовать это «трепетное» желание человека в своих корыстных целях, закабаляя душу, заковывая ее в кандалы нелепо лживых обещаний загробной жизни, требуя за это смирения и покорности господствующим общественным порядкам здесь на земле. Поэтому лирический герой, окидывая умственным взором все известные ему системы, останавливается с благодарностью на воззрениях Новикова. Он дает человеку столь нужную ему надежду на вечность, на бессмертие, указывая, что путь к этому бессмертию—чистое, патриотическое служение, общественно-активная деятельность на земле. Прямо продолжая новиковские статьи в «Утреннем свете» и «Московском издании», Радищев пишет: «Едва ощутил он (человек.—*Г. М.*) или, лучше сказать, едва возмог вообразить, что смерть и разрушение тела не суть его кончина, что он по смерти жить может, воскреснет в жизнь новую, он восторжествовал и, попирая тление свое, отделился от него бодрственно и начал презирать все скорби, печали, мучительства. Болезнь лютая исчезла, как дым, пред твердою и бессмертия коснувшеюся его душою; неволя, заточение, пытки, казнь, все душевные и телесные огорчения легче легчайших паров отлетели от духа его, обновившегося и ощутившего вечность». Так решается Радищевым третий важный вопрос: зачем человеку нужна надежда на вечность.

Далее он усиливает впервые развернутую Новиковым идею общественной пользы от уверения в бессмертии. Многократно и настойчиво Радищев, вместе со своим лирическим героем, ставит этот вопрос совершенно категори-

чески: «Будущее положение человека или же его будущая организация проистекать будет из нашея нынешния». «Блаженство твое (человека.—*Г. М.*)—совершенствование твое—есть твоя цель. Одаренный разными качествами, употребляй их цели твоей соразмерно, но берегись, да не употребишь их во зло». «Ты в себе заключаешь блаженство твое и злополучие. Шествуй по стезе, природою начертанной, и верь: если поживешь за предел дней твоих и разрушение мысленности не будет твой жребий, верь, что состояние твое будущее соразмерно будет твоему житию». И наконец, по-радищевски лаконично: «Ты будущее твое определяешь настоящим».

Все эти императивные указания человеку, жаждущему вечности, это выдвижение активной деятельности на земле, деятельности, презирающей скорбь, печали и мучительства, заточение, пытки и казнь, как условие бессмертия, придавали радищевскому сочинению общественно-политический смысл. Он, мудро учитывая реальное состояние умственных запросов русского общества, показывает не только сильные, но и слабые стороны духовных исканий русских людей, объясняет появление этой «жажды вечности» и, как истый практический деятель, революционер, находит путь и способ общественного использования этих индивидуальных особенностей современного ему человека.

Развивая в двух последних «книгах» эти проблемы, Радищев ни на минуту не забывает, что в первых двух он твердо отверг бессмертие и научно доказал смертность. Поэтому он непрерывно, на каждом шагу подчеркивает, что науке, логике, правде и практике здесь противопоставляется надежда, желание чувствительного сердца, вера, пустая мечта, «сон». Этот условный, предположительный, желаемый характер приводимых доводов подчеркнут стилистически. Читателю непрерывно говорилось: помни, в третьей и четвертой «книгах» ты вступаешь в область догадок, в область «гадательную». Доказать бессмертие нельзя. Только шарлатаны могут приводить доводы и доказательства. В бессмертие, как потребность человеческого сердца, можно только верить. И если человеку эта вера помогает жить, если эту веру можно использовать для повышения его общественно-политической активности, пусть человек утешает себя мечтой о вечности. Вот почему конструкция фраз в последней части сочинения включает в себя как обязательный элемент «если». Вот почему вся-

кий раз, как только Радищев переходит к итоговым выводам о бессмертии, у него неизбежно появляется все то же «если»: «Если поживешь за пределы дней твоих»... «если возможно... постигнуть, что цель на земле и по смерти одна и та же», «если сия постепенность... не есть пустой вымысел и напрасное воображение», «если не можно нам заключить с уверением, что душа бессмертна, если в доводах наших нет очевидности»... И так всякий раз. Несомненно, и эта условность, и искренние восклицания взволнованного лирического героя в самом конце своих размышлений о бессмертии («О возлюбленные мои, я чувствую, что несуся в область догадок, и, увы, догадка не есть действительность»), и вся система аргументации, идущей от сердца, от чувства, от желания—противостоящая незыблемым научным доводам первых двух «книг»,—создавали полную гарантию правильного понимания и усвоения радищевских материалистических убеждений, не оставляя никаких лазеек для утверждения возможного доказательства бессмертия души.

Радищев своим сочинением, подводя итог философской полемике, со всей убедительностью показал, что общественно оправданная позиция Новикова в этом споре базируется на шаткой идеалистической основе, и в этом ее слабость, ограниченность и опасность. Это было второй общественно-политической заслугой Радищева. Своим сочинением из далекого Илимска, через все преграды, установленные деспотизмом, он приходил на помощь русскому просвещению, вооружая его политически, укрепляя его философские позиции.

6 ноября 1796 года в Петербурге скончалась Екатерина II. Вступивший на престол новый император Павел I, люто ненавидевший свою мать, после ее смерти позволял себе отменять ее решения, поступать по-своему—наказывать ее любимцев, миловать тех, кого она преследовала. В этих условиях оказалось возможным ходатайствовать о смягчении судьбы двух русских просветителей. Так был выпущен из Шлиссельбургской крепости Новиков, так 23 ноября был подписан указ о возвращении Радищева из Илимска.

Вновь изменилась судьба Радищева, с самого детства его находившаяся в зависимости от политических событий в России. Только 16 января 1797 года дошла до Илимска весть об освобождении. Радищев немедленно двинулся

в путь. Выезжал он не один—с ним ехала его вторая жена, Елизавета Васильевна Рубановская, мужественно последовавшая к нему в Илимск, ехали дети. «Мы выезжали,— сообщает Радищев,—при стечении всех почти илимских жителей в три часа пополудни». Морозы стояли тогда отчаянные. В дороге занемогла Елизавета Васильевна и в Тобольске, после тяжелой болезни, 7 апреля скончалась. Возвращение из Сибири было скорбным.

Радищев едет через Сибирь и Урал, спускается по Волге и всюду внимательно и зорко всматривается в кипящую вокруг него жизнь, делая многочисленные заметки в своем дневнике. В июле 1797 года прибыл, наконец, в Немцово, в отцовское имение под Москвой, где ему было приказано поселиться. Здесь Радищев проводит четыре года. Фактически это было продолжением ссылки. Он находился под наблюдением полиции, ему был запрещен выезд из деревни, за его поведением зорко наблюдали десятки чиновников, донося обо всем императору Павлу. И опять Радищев с головой уходит в работу. Продолжая занятия экономиста, он пишет сочинение «Описание моего владения». Оставаясь всегда самим собой, ощущая «величество свое», величество свободного человека, Радищев и здесь, в этой второй ссылке, все тот же, каким был, когда писал «Путешествие», когда писал сочинение «О человеке». Естественно поэтому, что в своем научном трактате он доказывает экономическую невыгодность крепостного права и тем самым с новых позиций выступает против ненавистного рабства.

В Немцове же Радищев возвращается к поэзии. Пишет богатырскую повесть в стихах «Бова»; вдохновленный только что найденным «Словом о полку Игореве», сочиняет «Песнь историческую» и «Песни древнии». Здесь же готовится им историко-литературное сочинение «Памятник дактило-хореическому витязю».

Поэтические произведения Радищева этой поры замечательны прежде всего своей политической актуальностью. Вернувшись из Сибири, находясь под царским наблюдением, он задумывает цикл больших стихотворных произведений, которые должны были решать насущные вопросы общественной и литературной жизни.

Поэма «Бова»—первое выступление Радищева против утвердившейся в годы его ссылки карамзинской школы. Карамзин и его последователи оказались способными

быстро усвоить основы антифеодальной эстетики сентиментализма и создать целое направление, выражающее интересы дворянства. Этот дворянский, карамзинский сентиментализм был враждебен радищевскому «Путешествию», всей его революционно-героической эстетике. Карамзинисты, в частности, стали в 90-х годах культивировать жанр стихотворной сказки. Фальсифицируя русскую историю и фольклор, они создали салонную сказку, уводившую читателя от реальной действительности, ее социальных противоречий в мир грезы и мечты. Борясь с карамзинизмом, Радищев пишет свою поэму, опираясь на подлинное народное творчество, продолжая критическую линию русской литературы: его «Бова» резко сатирическое произведение. Эта поэма утверждает национально-героическую тему, гражданственность, народность поэзии.

Работая над этой поэмой, Радищев знакомил с нею своих друзей. Не успев ее завершить (написал одиннадцать из двенадцати песней, а уцелело и дошло до нас только вступление и первая песнь), он вместе с тем сделал ее известной кругу молодых литераторов и своих почитателей.

В последние годы жизни Радищев задумывает и частью исполняет свой замысел—две больших поэмы: «Песни, петые на состязании» и «Песнь историческую» из первой поэмы. До нас дошли только прозаическое введение к ней и первая песнь. Видимо, она должна была состоять из отдельных песнопений, принадлежащих состязающимся десяти певцам. Поэма как бы завершает многочисленные радищевские занятия русской историей. Древняя Россия привлекает Радищева потому, что там он находит торжество и силу народного правления. Создавая поэтическую картину жизни русского народа в древние времена, он, стараясь быть верным духу истории, показывает, как в состязаниях певцов в честь славянских божеств отразились талантливость, свободолюбие, решимость, мужество и твердость русского народа. Примечательна первая дошедшая до нас песнь певца Всегласа. Она вся—гимн мужеству славян, защищающих свою свободу от жестоких нападений норманов.

Несомненно, эта поэма противостоит писанной в то же время «Песне исторической». В последней поэме Радищевым дается история западноевропейских народов от времен «баснословия» до падения Римской империи («Песнь исто-

рическая» также не закончена). Эта история предстоит пред Радищевым, как смена монархов. Народ Рима удивляет Радищева своей пассивностью. Он созерцательно относится к своей судьбе, терпеливо снося тиранию и ликуя при торжестве «добродетельных» монархов. Ни разу народ не восстал против тирана, оказавшись способным лишь выставлять смелых и мужественных одиночных бойцов против деспотов. Но, утверждает Радищев, даже когда эти герои убивают тирана-мучителя, народ ничего не выигрывает, «тиран мертв, но где свобода?» Поэтому Радищев и заявляет: «Добродетель не защита для коварства, буйства, силы».

«Песни, петые на состязаниях» показывают, что история России сложилась иначе. Русский народ активен, он одушевлен желанием сам отстаивать отнимаемую у него свободу. Руководимый ненавистью к порабощению, он находит в себе силы защищаться от угнетателей, противостоять всякому иноземному поработителю. Эта поэма прямо продолжает линию «Путешествия из Петербурга в Москву». На примере русской истории Радищев развивал героическую тему, утверждая, что и прошлое и настоящее русского народа есть залог его несомненной будущей победы над крепостниками-помещиками, неминуемого торжества свободы России. Вот почему кончается первая песнь пророческими словами о будущей великой победе русского народа над своими тиранами и мучителями. Нельзя не заметить в них прямой переклички с одой «Вольность» и «Путешествием»: «О народ, народ преславный! Твои поздние потомки превзойдут тебя во славе своим мужеством изящным, мужеством богоподобным, в удивленье всей вселенной; все преграды, все оплоты сокрушат рукою сильной, победят природу даже, и пред их могущим взором, пред лицом их, озаренным славою побед огромных, ниц падут цари и царства».

Можно предполагать, что «Песнь историческая», посвященная истории западноевропейских народов, порождена наблюдениями Радищева над судьбами двух прошедших на его глазах буржуазных революций. В оде «Вольность» Радищев приветствовал американский народ, силой оружия расправившийся со своими угнетателями-колонизаторами, «разбойниками англичанами»[1]. И это привет-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 3-е изд., т. XXIII, стр. 176.

ствие революции было исторически оправдано. Не случайно Ленин говорил, что американский народ дал в XVIII веке «образец революционной войны против феодального рабства»[1]. Но прошло несколько лет, и Радищев с поразительной зоркостью отмечает лживость утвердившейся буржуазной свободы в Америке и с гневом клеймит новых рабовладельцев, законом утвердивших рабство негров.

Следя за ходом французской революции, он сразу уловил ее ограниченность. Уже в «Путешествии» он писал: «да восплачут французы о участи своей». Первые же декреты буржуазного правительства показали Радищеву мнимость обещанных народу свобод. Это позволило ему написать: «О Франция! Ты еще хождаешь близ бастильских пропастей». В стихотворении «Осьмнадцатое столетие» Радищев уже прямо констатирует, что французская революция не принесла народу свободу. Только последовательно революционные убеждения позволили Радищеву так проницательно и так пророчески верно оценить ограниченность буржуазных революций, их неспособность дать народу настоящую свободу.

11 марта 1801 года заговорщики убивают Павла. На престол восходит император Александр I—и вновь резко меняется судьба Радищева. Александр приближает к себе Воронцова, тот не забывает о своем ссыльном опальном друге, и через четыре дня после воцарения Александра издается специальный указ, которым Радищев восстанавливается во всех правах, освобождается от надзора, зачисляется на службу в Комиссию по составлению законов.

15 сентября 1801 года, после одиннадцатилетнего отсутствия, Радищев возвращается в Петербург. Кончился XVIII век, век небывалой активности народов, силой оружия отстаивавших свою свободу. Радищев пишет оду «Осьмнадцатое столетие»—мудрый философский итог политической истории века—и восклицает: «Нет, ты не будешь забвенно, столетье безумно и мудро». Долго новые поколения будут помнить о нем и обращаться к нему, потому, что «незабвенно столетие» «радостным смертным дарует»—«истину, вольность и свет,—ясно созвездие во век». И Радищев весь в этом ушедшем веке—он его живой

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 3-е изд., т. XXIII, стр. 179.

нерв. Предстояло начинать новую жизнь. Опять она потечет по двум руслам — служебному и общественному.

Демократические круги русской общественности начала века не только отлично знали, но высоко ценили Радищева и преклонялись перед ним. В эти первые годы нового века проявляло наибольшую активность «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», организационно объединявшее более двух десятков молодых поэтов, публицистов. Руководителями «Общества» были радикально настроенные мыслители Борн, Попугаев и Пнин. Именно они-то и были последователями Радищева. Пнин был старым знакомым—он воспитывался под влиянием Радищева еще в «Обществе друзей словесных наук». Идейным знаменем этих радикалов и демократов из «Общества» был он, Радищев, первый русский революционер, «прорицатель вольности». Так передовая русская общественная мысль, русская идейная жизнь в новом веке начиналась под радищевским знаменем. Радищеву довелось это видеть лично самому.

Служебные обязанности невольно ввергали Радищева в большую политическую авантюру, затеянную Александром. Молодой император оказался достойным внуком своей царственной бабки. Политика показного либерализма была им отлично усвоена. Он начал свое правление буквально с того же, с чего начинала когда-то Екатерина. Та собрала Комиссию по составлению нового Уложения, он создал Комиссию по составлению законов. Правда, Комиссия Александра была не выбранной, а назначенной и состояла не из депутатов, а из чиновников. Но зато в нее был назначен Радищев. Имя Радищева—революционера, ненавистника рабства и деспотизма—было отлично известно самым широким кругам русского общества. Вынуждаемый обстоятельствами, Радищев приступил к работе, не разделяя либеральных иллюзий некоторых групп дворян, не веря Александру. Верный своим убеждениям, он всегда честно исполнял свои обязанности. И здесь, в Комиссии, вопреки планам и намерениям ее руководителя, бывшего екатерининского фаворита, графа Завадовского, он стал активно и много «упражняться» в сочинении новых законов. Комиссия же была создана не для этого. Она лишь должна была демонстрировать хоть в какой-нибудь мере убедительность либеральных обеща-

ний нового царя. Пребывание в ней Радищева нужно было именно для усиления этого эффекта убедительности. Несомненно, Радищев понимал всю эту гнусную «фарсу» и оттого чувствовал свое двойственное, трудное положение. Исполняя свой долг и работая, он подавал один проект за другим, требуя их разбирательства и обсуждения. Это не могло нравиться в Комиссии, где никто не занимался делом всерьез. Требования Радищева разоблачали ее бездейственность. Радищеву стали угрожать. За убеждения, выраженные в поданных им законах, его стали зло называть «демократом».

Перед Радищевым в 1802 году со всей остротой встал вопрос: что же ему делать? Участвовать в политической авантюре монарха, превращаться в орудие деспотизма? Этого он не мог допустить. Бороться? Но как? За плечами уже 53 года, подорванное здоровье, усталость. Уйти в отставку—это значило бы смириться, а смирение превращало в нравственного калеку. Смириться не могла мятежная душа Радищева. Тогда оставался выход, подсказанный ему еще когда-то Ушаковым.

Обсуждая и обдумывая это наставление вождя своей юности, он еще в «Путешествии из Петербурга в Москву» писал о крайнем и последнем выходе, который существует у человека, подвергающегося гонениям. Этот выход—самоубийство, смерть, которая должна стать общественным актом. Он писал: «Если ненавистное счастье истощит над тобою все стрелы твои, если добродетели твоей убежища на земли не останется, если, доведену до крайности, не будет тебе покрова от угнетения, тогда воспомни, что ты человек, воспомяни величество твое, восхити венец блаженства—его же отъяти у тебя тщатся. Умри».

Народ, доведенный до крайности, восстает. Личность мужественно умирает, своей смертью протестуя против режима рабства и насилия, осуждая и вынося приговор ему. Самоубийство его, Радищева, должно было лечь позорным пятном на все александровское царство. Великий ненавистник рабства кончает с собой в момент работы над сочинением новых законов,—значит, что-то зловещее, деспотическое таится за спиной этого «либерального» царя. Радищев понимал это и решил в последний раз своей жизнью послужить русскому народу, послужить делу разрушения общественных иллюзий, делу воспитания «зрителей без очков». 11 сентября 1802 года в 9 часов

утра он выпивает стакан азотной кислоты и в страшных мучениях ночью умирает.

Весть о смерти Радищева мгновенно облетела Петербург. Переполошившийся Александр срочно послал своего лейб-медика. Но было уже поздно.

Радикальная общественность почтила его память. Иван Пнин написал стихи на смерть Радищева, в которых он выразил великую скорбь: «Уста, что истину вещали, увы, навеки замолчали, и пламенник ума погас». Другой поэт и общественный деятель Иван Борн в открытом заседании общества прочел свои стихи и статью, посвященные памяти Радищева, где решительно заявлял: мы живем под управлением такого монарха, когда «пьют патриоты смерти чашу». В своем обращении к соотечественникам Борн заявлял:

— Друзья! посвятим слезу сердечную памяти Радищева. Он любил истину и добродетель. Пламенное его человеколюбие жаждало озарить всех своих собратий сим немерцающим лучом вечности, жаждало видеть мудрость, воссевшую на троне всемирном. Он зрел лишь слабость и невежество, обман под личиною святости—и сошел во гроб. Он родился быть просветителем, жил в утеснении—и сошел во гроб; в сердцах благодарных патриотов да сооружится ему памятник, достойный его!

Так кончилась отважная жизнь мятежника и революционера, жизнь человека, перед которым трепетали монархи. Наступала новая, вечная жизнь в памяти благодарного потомства. Ученики и последователи Радищева бережно понесли навстречу новым поколениям его великое наследие.

На творческое наследие, на самое имя Радищева самодержавие наложило запрет. До 1905 года в России не могла быть напечатана его мятежная книга «Путешествие из Петербурга в Москву». И несмотря на это, Радищев органически и властно вошел в жизнь народа, его творческое наследие оказалось тем прочным фундаментом, на котором строилось в XIX веке великое здание русской литературы, русской общественной мысли.

В годы павловской реакции и первого десятилетия александровского царствования в литературе господствовал Карамзин и его школа, смененная потом романтизмом Жуковского.

Карамзин и Жуковский—явления, враждебные Радищеву. Оба они активно, всем своим творчеством, жизненным поведением боролись с делом революционного писателя. Созданная ими литература, выражая страх дворянства перед народом и его законным желанием освободиться от пут рабства, была антинародной. Не случайно поэтому, борясь с революционными идеями Радищева, они и в эстетике порвали с традицией русской литературы, высшим достижением которой были произведения «прорицателя вольности». Отсюда антинациональные корни их литературных воззрений, пресловутый «европеизм», которым так гордились и Карамзин и Жуковский.

Крылов в эту пору был живым наследником Радищева. Далекий от радищевской теории революции, он вместе с тем глубоко и органически принял демократизм Радищева, его веру в творческие силы народа, его ненависть к рабству, его завет подчинить литературу делу защиты крепостного крестьянства. Народность басен Крылова, басен, где положительным героем всегда являлся человек труда (крестьянин, садовник, сапожник, ремесленник и т. д.),—прямое продолжение эстетических принципов «Путешествия из Петербурга в Москву».

После Отечественной войны 1812 года русская литература развивалась под знаком мощного гения Пушкина. Он станет родоначальником новой русской литературы. Возводя это здание, он прежде всего обратится к русской традиции. Вся литература XVIII века пройдет перед ним. Радищев явится ее органическим завершением и наивысшим этапом. Обсуждая с декабристом Бестужевым историю русской литературы, Пушкин выступит с требованием пропаганды деятельности Радищева: «Как можно в статье о русской словесности забыть Радищева? Кого же мы будем помнить?»

Пушкин помнил Радищева всю жизнь. Начиная с юношеской поэмы «Бова» до стихотворения «Я памятник себе воздвиг...», в котором подводился итог всего сделанного им для отечества и народа, Радищев сопровождает поэта. И в этих стихах Пушкин прямо говорит—он шел по пути, проложенному Радищевым:

И долго буду тем любезен я народу,
Что звуки новые для песен я обрел,
Что вслед Радищеву восславил я свободу
И милосердие воспел.

Великой заслугой Пушкина явилось освобождение русской литературы от чуждого ее духу влияния Карамзина и Жуковского. Создавая эстетику русского реализма, Пушкин смело использовал открытия и достижения радищевского наследства.

Радищев своими произведениями строил героическую литературу. Героическая тема завещана Пушкиным всем последующим поколениям русских писателей. Радищев создал образ современника-дворянина, уразумевшего положение крепостного крестьянства и разрывающего с жизнью, укладом и практикой своего класса,—перед Грибоедовым и Пушкиным тема эта будет стоять всю жизнь. Радищев сделал идею революции центральной в своей эстетике. Для Пушкина, не могшего принять революции «мстителя», тема бунта и мятежа народа против самодержцев и помещиков будет важнейшей—ей посвятит он лучшие свои произведения. Радищев указал на народ, как на силу, преобразующую историю. Радищев показал героический облик русского народа. И Пушкин, вслед за Радищевым, обращается к русской истории—в «Борисе Годунове», в «Дубровском», в «Капитанской дочке», показывает мятежный дух русского народа. Прямо опираясь на радищевскую эстетику изображения крестьян, которых обстоятельства борьбы за свободу делают героями, он создает образ вождя крестьянского восстания, Пугачева, рисуя его «великим мужем», человеком смелым, умным, великодушным, но неумолимым к врагам. Опираясь на опыт Радищева, он поясняет причины мятежей, смело заявляя, что этими причинами были гнет и насилия помещиков, крепостное право, «тяжесть порабощения».

Пушкин, глубоко связанный с движением декабристов, стал вождем передовой русской литературы еще в юные годы, потому что все его творчество было пропитано радищевской ненавистью к крепостному праву, к царскому деспотизму, радищевской мечтой о свободе народа. Прямо вслед за радищевской одой «Вольность» Пушкин пишет свою революционную оду «Вольность». Герцен свидетельствует: радищевские мечты—«это наши мечты, мечты декабристов».

Радищев вооружался против энциклопедистов, против их антинародной теории просвещенного абсолютизма. Пушкин с еще большим негодованием писал об отрыве французских писателей от народа, об их пристрастии к королевской «передней».

Герцен с гордостью отмечает радищевскую независимость от правительства, его глубокую связь с действительностью, его большую открытую жизнь, отданную делу освобождения русского народа от рабства: «Радищев не стоит Даниилом в приемной Зимнего дворца; он не ограничивает первыми тремя классами свой мир, он не имеет личного озлобления против Екатерины,—он едет по большой дороге, он сочувствует страданиям масс, он говорит с ямщиками, с дворовыми, с рекрутами, и во всяком слове его мы находим с ненавистью к насилию— громкий протест против крепостного состояния».

Так, от поколения к поколению передавалась радищевская эстафета. Русский рабочий класс, руководимый партией большевиков, подготовляя социалистическую революцию, отлично помнил о тех революционерах, кто отваживался выступить против самодержавия еще в глухие годы крепостничества. Помнил и гордился ими. Великий Ленин за три года до социалистической революции писал:

«Нам больнее всего видеть и чувствовать, каким насилиям, гнету и издевательствам подвергают нашу прекрасную родину царские палачи, дворяне и капиталисты. Мы гордимся тем, что эти насилия вызывали отпор из нашей среды, из среды великороссов, что *эта* среда выдвинула Радищева, декабристов, революционеров-разночинцев 70-х годов, что великорусский рабочий класс создал в 1905 году могучую революционную партию масс, что великорусский мужик начал в то же время становиться демократом, начал свергать попа и помещика»[1].

Свободолюбец Радищев, пытаясь «проницать густую завесу времени», видел духовными очами счастливое будущее свободного народа. Он пророчески писал: «Не мечта сие,—я зрю сквозь целое столетье».

Великая Октябрьская социалистическая революция навсегда освободила русский народ от ига эксплоататорства. Радищев обрел бессмертие. Он знал, что будет «жить не одной жизнью», будет «жить в душе друзей своих» будет «жить стократно». Ныне друзьями Радищева являются миллионы советских людей.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 21, стр. 85.

Цена 3 руб.

ГОСЛИТИЗДАТ
1949